

А.В. Кандидов

Река времен,

или Слово
о достославных
россиянах

А.В. Кандидов

Река времен,

или Слово
о достославных
россиянах

Калуга 2004
Издательство
Н.Ф. Бочкаревой

ББК 63.37
К19

Автор и издательство выражают благодарность
за финансовую поддержку в издании книги
Гаджимураду Шабановичу Гаджиеву

Кандидов А.В.

К19 Река времен, или Слово о достославных россиянах. —
Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой,
2004. — 264 с.

ISBN 5-89552-114-2

Настоящее издание, вторая книга из серии «Река времен...», представляет собой собрание очерков о славных людях, внесших заметный вклад в культуру, историю, экономику Калужской области и России в целом.

На страницах книги мы можем встретить разных именитых личностей прошлого и настоящего: лиц духовного звания, поэтов, писателей, художников, революционных деятелей, героев Великой Отечественной войны, а также достойных чиновников прошлого, талантливых руководителей современности и просто мастеров своего дела. Всех их объединяет связь с калужской землей, тонкой нитью прошедшей по их жизненной судьбе.

Рассчитано на широкий круг читателей.

ББК 63.37

ISBN 5-89552-114-2

© А.В. Кандидов, 2004

© Издательство Н.Ф. Бочкаревой, 2004

Ольге Александровне Ключек
дочери моей посвящаю

Предисловие

Книга «Река времен, или Слово о достославных россиянах» повествует о людях земли калужской и ее гостях. Материалы расположены в хронологическом порядке. Это книга очерков о славных людях, внесших заметный вклад в культуру, историю, экономику Калужской области (Ферзиковского района в частности) и России в целом.

Один из очерков посвящен селению, усадьбе князей Голицыных Городня, повествует о пребывании здесь архитектора А.Н. Воронихина, княгини Натальи Петровны — прообраза пушкинской графини в «Пиковой даме», ее зятя П.А. Строганова и других лиц. Не забыл автор и о современном развитии поселка Красный Городок Ферзиковского района Калужской области — центра СПК «Нива», которым руководит ученый-агроном В.И. Чигищев, внесший немалый вклад в развитие сельского хозяйства Калужской области.

Следующие два очерка рассказывают об уроженцах села Сашкина (бывший Тарусский уезд Калужской губернии, ныне Ферзиковский район Калужской области), о сыне дьякона, благодаря своим способностям ставшем ректором Санкт-Петербургской духовной академии, духовником царской семьи, протопресвитером, а также об академике живописи из крестьян того же села Акиме Егоровиче Карнееве (Корнееве).

Четверть века тому назад автор побывал в Западной Грузии, посетив город Маяковский (село Багдади), музей Владимира Владимировича Маяковского, в котором огромное впечатление на него произвела афиша апреля 1914 года «Маяковский в Калуге», и он просто не мог не включить сведения об этом в книгу «Река времен...».

Не менее интересна тема «Есенин и калужане» (вернее — ферзиковчане). Летом 1965 года автор побывал в селе Константинове, позна-

комился с экспонатами музея-усадьбы (музейного комплекса), в 1967–1969 годах учился в Ленинграде и уже тогда интересовался творчеством и жизнью Сергея Александровича, писал в районной газете о друзьях С.А. Есенина Е.П. Кормилицыне, Е.Л. Афонине, Г.Д. Дееве-Хомяковском. Эта тема близка автору и потому, что он учился в Калужском педагогическом институте с племянником Г.Д. Деева-Хомяковского А.П. Качалкиным, недавно безвременно ушедшим.

При создании книги много сомнений у автора вызвали очерки об участниках становления Советской власти в Ферзиковской волости, Калужском уезде и губернии А.К. Самсонове, А.Д. Дюдине, Д.П. Карпункове и др. И все же он решил рассказать о людях, так или иначе сыгравших свою роль в период революции 1905 года, февральской революции и Октябрьского переворота 1917 года.

В 20-е годы в селе Бебелеве («Боброво тож») побывал, встретился с крестьянами «всероссийский староста» М.И. Калинин — авторитетный государственный деятель. Ему также посвящен один из очерков.

...1928 год. Канун принудительной коллективизации. В п. Желябужский — секретарь комитета РКП(б) Петр Александрович Шорников. Разгар классовой борьбы в деревне закончился в волости трагической гибелью большевика Петра Шорникова.

Немало страниц в книге посвящено событиям Великой Отечественной войны, автор дает очерки о ферзиковчанах А.В. Аберте и М.И. Лясникове, сражавшихся с ненавистным фашизмом в корпусе Л. Свободы и в партизанском отряде имени К. Рокоссовского на территории Польши.

Привлекла внимание автора и яркая личность «красного казначея» Ефима Афонаина — крестьянина из деревни Маслово Сугоновской волости, поэта, публициста, депутата Моссовета, соратника М.В. Фрунзе по Восточному фронту, дружившего с Сергеем Есениным в музыкально-художественном кружке крестьянских поэтов Сурикова.

Тепло и дружески звучат слова благодарности автора за благословение на писательский труд, обращенные к известному русскому и советскому поэту и прозаику, пробывшему в Восточной Сибири по навету завистников долгих 17 лет, Андрею Игнатьевичу Алдан-Семенову, прожившему после реабилитации по возвращении из архипелага ГУЛАГ в сугоновской деревеньке Искре около 20 лет и оказавшему на автора огромное влияние.

Рядом стоит очерк о крестьянском поэте-фронтовике Николае Полунине из деревни Лоторево Сугоновского сельсовета Ферзиковского района. Следующий рассказ — о московском художнике Анатолии Ивановиче Колесникове и его семье, лет десять живущей летом в селе Кольцове (подробно описанном в книге «Река времен, или Слово о Калужско-Алексинском каньоне»).

Заканчивается книга рассказом об удивительном человеке — даргинце Магомете Салиховиче Салихове, поднявшем на небывалую высоту совхоз «Октябрьский» в Ферзиковском районе, трижды избиравшемся депутатом законодательного собрания Калужской области, кавалере многих советских и российских орденов, заботящемся не только о повышении экономического роста совхоза, но и о социальном росте тружеников СПК «Октябрьский», пенсионеров и всех жителей заречной зоны района. Очерк называется «Три “жизни” Магомеда Салихова».

Книга хорошо иллюстрирована, есть в ней сведения и об авторе.

Эти достославные люди, жившие в XVIII—XX веках, многое видели, многое пережили: и революции, и перевороты, и коллективизацию села, и войны, и крушение тоталитарного режима. И не сломались они ни в застенках империи, ни в архипелаге ГУЛАГ, не дрогнули и в годы военного лихолетья.

Впереди — новые горизонты, новые перспективы в развитии рыночной экономики, демократии, демократических свобод. В добрый путь, россияне!

Автор не ставит политических целей, не ставит задач оценки происходящих событий, не философствует, а дает Читателю огромный фактический материал, так необходимый калужанам и гостям города и области, учителям и родителям учеников, призванных всемерно оказывать патриотическое влияние на своих детей.

Автор выражает сердечную благодарность и безмерную признательность президенту строительной корпорации «Монолит» Гаджимураду Шабановичу Гаджиеву за материальную помощь в издании книги «Река времен, или Слово о достославных россиянах» и руководителю издательства Н.Ф. Бочкаревой за серьезную работу над книгой.

Генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский

Павел Иванович Ягужинский (1683–1736) — незнатного рода, сын органиста из Литвы. Служил в гвардии, благодаря своим незаурядным способностям при Петре I выполнял различные дипломатические поручения, позднее достиг высочайших вершин гражданской власти. В 1719 году император поручает ему быть представителем России на Аландском международном конгрессе, через три года П.И. Ягужинский назначается посланником в Вену.

В 1722 году в России была введена должность генерал-прокурора Сената. На этот высокий государственный пост был назначен любимец Петра, честный и принципиальный дипломат Павел Иванович Ягужинский, причем данный пост, нужно отметить, был для него сохранен и Екатериной, несмотря на очень враждебное к нему отношение «светлейшего» князя Александра Даниловича Меншикова.

Генерал-прокурор Сената Павел Иванович Ягужинский служил на этой должности с 1722 по 1726 год, рьяно боролся с казнокрадами-чиновниками, чем наживал себе немало врагов.

В 1726 году Верховный совет империи посылает опытного и ловкого дипломата Павла Ивановича Ягужинского в Польшу на Гродненский сейм. «Верховники» поставили перед ним конкретные задачи: главное — не допустить на королевский престол Морица Саксонского, а также всячески препятствовать полному присоединению Курляндии к Польше. Два года жил в Гродно Павел Иванович, являясь полномочным министром при Польском Сейме. И ему не раз пришлось выступать с громовыми речами, отстаивая политику России в Польше.

Главный враг П.И. Ягужинского — сиятельный князь Александр Данилович Меншиков был человеком властолюбивым и ненасытным.

Пользуясь своим влиянием на императрицу, он решил получить герцогскую корону Курляндии и с этой целью даже сумел помешать браку Анны Иоанновны с Морисом Саксонским. Однако корона Курляндии не досталась ни Меншикову, ни Морису Саксонскому, ей стала распоряжаться Россия.

Во время царствования Петра II, затаив месть на Ягужинского, Меншиков удаляет Павла Ивановича от дел и отправляет в украинскую армию.

И вот Меншиков в Березове, Павел Иванович переживает новую трудность. Он примыкает к «верховникам» в заговоре против императрицы Анны Иоанновны; правда, позднее своевременно извещает ее и дает совет об отрицании «кондиций» — ограничений самодержавной власти царицы. В результате «верховникам» ничего не удалось из-за совета Ягужинского императрице. В 1730—1731 годах Анна Иоанновна приглашает Ягужинского на должность генерал-прокурора Сената. Однако Остерман все же увольняет его с этой должности и назначает посланником в Берлин (1732—1735 годы).

В 1725 году Павлу Ивановичу был присвоен титул графа Российской империи.

В первой половине XVIII столетия П.И. Ягужинский владел селом Авчурино, летом приезжал отдыхать от придворных интриг в это красивейшее место на высоком левом берегу величественной Оки, в десятке верст от Калуги. Его потомки продали имение Авчурино Гагариным, а те в 1792 году — Полторацким.

«Первый куратор» Московского университета граф И.И. Шувалов

Граф Иван Иванович Шувалов родился в Москве в 1727 году, получил прекрасное образование: знал в совершенстве несколько европейских языков. С 1749 года он начинает играть заметную роль при дворе новой императрицы, сделавшей его действительным камергером, генерал-адъютантом, членом конференции, т.е. Государственного совета. Он нередко объявлял Сенату, высокопоставленным чиновникам свои именные повеления, к нему обращались в затруднительных ситуациях, когда необходимо было особое распоряжение императрицы, через него подавались просьбы и доклады на Высочайшее имя.

Иван Иванович всегда действовал бескорыстно, мягко, со всеми был ровен, добродушен, благодаря чему почти не имел врагов, как вспоминали современники. И когда Елизавета Петровна предложила ему графский титул, обширные поместья и выбить в его честь медаль — он отказался.

Главная заслуга И.И. Шувалова — в служении науке, покровительстве образованию, просвещению, искусствам. Граф И.И. Шувалов выступал покровителем выходца из народа Михаила Васильевича Ломоносова, заступаясь за него в его частых ссорах с академиками из немцев, а также с Сумароковым.

Вместе с М.В. Ломоносовым он составил план об учреждении в Москве первого русского университета для всех сословий с двумя гимназиями при нем — для разночинцев и для дворян. 12 января 1755 года императрица подписала указ об открытии университета. С 28 апреля того же года Иван Иванович становится его «первым куратором». И как куратор основательно и глубоко входит во все тонкости «его строя и положения».

Особой заботой И.И. Шувалова являлось улучшение преподавания как в университете, так и в гимназиях. С этой целью он нередко приглашал для преподавания иностранных ученых, отправляя перспективных молодых людей для усовершенствования своих знаний в университеты Европы. При возвращении на родину эти молодые специалисты (например, Забелин, Вениаминов, Третьяков, Десницкий и др.) занимали в Московском университете профессорские кафедры.

Мало того, для более успешного распространения знаний Иван Иванович оборудовал университетскую типографию, в которой печатались заведенные им же «Московские ведомости».

По инициативе И.И. Шувалова через два года после открытия Московского университета в Санкт-Петербурге была открыта Академия художеств, а еще через год — университет в Казани (1758 год). Причем в Академию художеств в первое время принимались юноши, готовившиеся по распоряжению Шувалова в Московской гимназии, находившейся под его непосредственным вниманием и контролем вплоть до 1763 года. И позднее, будучи в Италии, он часто присылал в Академию снятые по его распоряжению копии лучших статуй в Риме, Флоренции, Неаполе. Он щедро помогал российским «пансионерам» — молодым талантливым художникам и ученым.

Будучи ярым поклонником философии Вольтера, бывал у него в Ферни, с величайшим удовольствием поставлял ему материалы для его «Истории Петра Великого». С 1757 по 1763 год Иван Иванович служил директором Санкт-Петербургской академии художеств.

После воцарения Екатерины II И.И. Шувалов оказался в опале и 1763—1777 годы провел в Европе, находясь «по болезни» в долгосрочном отпуске, получил «тайное увольнение» со всех должностей, выполняя тем не менее ряд дипломатических и других поручений правительства.

За годы жизни в Риме, Париже, Лондоне он собрал замечательную коллекцию произведений искусства и по приезду в Россию передал часть их в Академию художеств, а часть — в Эрмитаж.

По возвращении на родину в 1777 году, граф И.И. Шувалов перестал иметь значение при дворе, как человек минувшей эпохи. В его честь было написано немало хвалебных приветственных поздравлений, в т.ч. «Послание» Г.Р. Державина.

Время — хороший доктор. И Екатерина, сменив гнев на милость, по возвращении Шувалова из-за границы, учитывая его международ-

ное признание, назначила его обер-камергером и сделала одним из своих любимейших собеседников.

С 1777 года Иван Иванович почти безвыездно жил в Санкт-Петербурге с родной сестрой княгиней Голицыной и ее семейством, окруженный статуями, картинами, книгами. У него постоянно собирались княгиня Екатерина Романовна Дашкова, Иван Иванович Дмитриев, Гавриил Романович Державин, Александр Семенович Шишков, Алексей Николаевич Оленин и другие.

С Екатериной Романовной Иван Иванович Шувалов разделял труды по изданию «Собеседника любителей русского слова», одним из первых стал восхищаться стихами Гавриила Романовича Державина и активно способствовать росту его мировой и российской известности.

Под его руководством в его доме над переводом гомеровской «Илиады» работал Е.И. Костров.

Обязаны Ивану Ивановичу Шувалову моральной и материальной поддержкой литераторы Фонвизин, Херасков, Богданович.

Нужно отметить, что граф И.И. Шувалов и сам занимался литературой.

Вот такой многогранной личностью был Иван Иванович Шувалов, владевший в Калужском уезде деревенькой Сухининки, недалеко от Авчурина. Вернувшись из зарубежного вояжа, ежегодно приезжал он в эту тихую деревеньку, писал стихи, прозу, но публиковался неизменно под чужим именем — псевдонимом.

Вклад И.И. Шувалова в российское просвещение поистине неоценим. Память о нем вот уже более двух веков сохраняется и у калужан, и в обеих российских столицах.

Умер Иван Иванович 14 ноября 1797 года, похоронен в Санкт-Петербурге.

Сенатор, генерал-аншеф П.Д. Еропкин и его село Грабцево

Род Еропкиных — старинный, это ветвь князей Фоминских. Потомок Рюрика в 17-м колене Иван Остафьевич Яропка был взят в плен литовцами под Суходревом в 1445 году (ныне посёлок Детчино Малоярославецкого района Калужской области). Род этот внесен в VI часть Родословной книги Владимирской, Московской, Калужской, Тульской и Ярославской губерний (Гербовник, п. 18). В Калужской губернии Еропкины владели селом Грабцево.

Сегодня Грабцево — северо-восточный пригород Калуги, история же его уходит своими корнями в глубокую древность. Известность село получило благодаря его владельцу Петру Дмитриевичу Еропкину, а также знаменитым прудам, паркам, церквям, в XX же веке еще и благодаря КАТУ — Калужскому авиационно-техническому училищу, воспитавшему немало замечательных людей, будущих космонавтов, а среди них и С. Савицкую — Героя Советского Союза.

Для богатых вельмож екатерининской эпохи Еропкиных усадьба Грабцево не была местом сельского уединения, как соседняя Городня для Голицыных, наоборот, здесь устраивались пышные празднества. Речка Городенка была перегороджена плотиной, в результате чего появился водоем внушительных размеров, на котором проходили многолюдные праздники с водными баталиями, фейерверками.

В Грабцеве, как и в соседних имениях — Авчурино, Городне, разводили английских и арабских лошадей, современники называли их «немецкими и неаполитанскими».

Помещичий дом был кирпичный, двухэтажный, перед ним располагался парадный двор с цветником, справа — хозяйственный дворик с отдельными воротами.

На берегу речки Городенки был разбит величавый регулярный парк, сохранившийся и поныне. От «готических» башенок его каменной ограды уцелела одна — северо-западная. У пруда башенки почти задевали воду, и аллеи парка, расходившиеся «звездой», хорошо сохранились. Одна из аллей, идущая от дома к пруду, значительно шире других, напоминает длинный вытянутый луг. Парк имеет легкий уклон в сторону реки. Дом стоит выше пруда. Парковый берег подсыпан, тщательно выровнен, по самому его краю посажены сосны. С противоположного берега в разрыве деревьев видны церкви, которые делают этот величественный и монументальный парк загадочным и романтическим.

В книге Ф.П. Симсона «Калужский уезд во времена Михаила Федоровича» (Писцовые книги, 1628—1631 годы) отмечено: *«Деревня Мальцова (Грабцево тож) на отвершке речки Городенки на студеном колодезе. Была в поместье по половинам за вдовою Домною Семеновою женою Давыдова “на прожитку” и за Семеном Васильевым сыном Исуповым. Дворов было: 1 помещичий, 1 прикащика (1 человек), 1 людской (1 человек), 12 крестьянских (20 человек) и 1 бобыльский (3 человека), сверх того был 1 крестьянский двор пуст».*

Из «Калужской десятины» 1669—1746 годов узнаем, что в Грабцеве стояла церковь Одигитрии Пресвятой Богородицы.

Из переписных книг за 1680 год известно, что в Грабцеве к этому времени «был дом священнослужителя, приходский, вотчинников, пять дворов крестьянских, 14 дворов средних, два — молодых».

Церковные земли вотчинник стряпчий Федор Федорович Еропкин выделил из вотчины своей в половине деревни Мальцовой.

С середины XVII века, когда была построена церковь, деревня Грабцево стала селом.

Новый владелец Грабцева полковник Дмитрий Федорович Еропкин просит Патриарший казенный приказ построить каменную церковь и придел с прежним названием — «Одигитрии Пресвятой Богородицы».

7 мая 1722 года по указу Святейшего Синода архиепископ Леонид дал указ освятить церковь и наречь «во имя Успения Пресвятой Богородицы».

Через десять лет генерал-майор Дмитрий Федорович Еропкин рядом строит теплую деревянную церковь во имя Николая Чудотворца.

С освящением Успенской церкви село стали называть Успенским («Грабцево тож»).

В 1750 году Дмитрий Федорович Еропкин скончался, вотчина перешла в наследство к его сыну Петру Дмитриевичу Еропкину.

В «Описаниях и алфавитах к Калужскому атласу» за 1782 год говорится: «...село Успенское (Грабцево тож), деревни Кокоревка, Слободка и Угрюмово с выделенными в трех местах церковными землями П.Д. Еропкина, число дворов — 108, мужчин — 440, женщин — 372, под поселением — 55 десятин 600 саженьей, пашни — 1 550 десятин 248 саженьей, сенных покосов — 41 десятина, лесу — 1 071 десятина, неудобных мест — 36 десятин, всего — 2 754 десятины 584 сажени».

В Примечании так описано это село: «Расположено по обе стороны речки Городенки при прудах, на речке мельница о двух поставях. В оном селе церковь Успенская Пресвятой Богородицы, другая Николая Чудотворца, дом господский деревянный, при нем регулярных два сада, третий с плодovitыми деревьями, конский завод, в нем немецкие и неаполитанские лошади; деревня Кокоревка по обе стороны речки Киевки и с левой стороны безымянного оврага, Слободка — на левом, а Угрюмова на правом берегу речки Городенки, земля иловая с песком, хлеб и трава средственные, лес дровяной».

Петр Дмитриевич Еропкин был женат на Елизавете Михайловне Леонтьевой. Прославился во время чумы 1771 года. Чума началась еще в январе 1770 года, она была занесена с русско-турецкого театра военных действий и обрушилась при вступлении русских войск в Молдавию. С конца лета чума стала надвигаться на Москву, с новой силой вспыхнула весной 1771 года: народ, по словам очевидцев, ежедневно умирал сотнями; фурманщики, или, как их называли, «мортусы», в масках и воощаных плащах длинными крючьями таскали трупы из вымороченных домов, других поднимали на улицах, клали на телегу и вывозили за город.

Главнокомандующий Москвы, фельдмаршал граф Петр Семенович Салтыков, находившийся во время разгара эпидемии в городе и принимавший самые экстренные меры по борьбе со страшной «моровой язвой», по словам историка, «просто не выдержал» и отправил царю «отчаянное донесение», содержавшее и личную просьбу: дозволить ему «на время отлучиться». Не дожидаясь ответа, он уехал в свое подмосковное имение «на два дня».

«Разумеется, — пишет Соловьев, — его двухдневное отсутствие не было бы замечено, если бы на другой день отъезда фельдмаршала, 15 сен-

тября, не произошел в Москве бунт. Поднялись дворовые люди, купцы, подьячие, фабричные и особенно раскольники».

Екатерина II, несмотря на немедленное возвращение Салтыкова в Москву, обвинила его во всех беспорядках и, немедленно согласившись на его отставку, уволила «отдыхать» в деревню, где он и умер «всеми забытый».

Д.Н. Бантыш-Каменский писал, что причиной поклонения народа Боголюбской иконе был слух о том, что один фабричный увидел будто бы во сне Богородицу, сказавшую ему, что, так как находящемуся на Варварских воротах ее образу никто давно не служил молебнов и не зажигал свечей, Христос хотел наслать на Москву каменный дождь, но что она умолила его смягчить наказание, заменив его трехмесячным мором. Фабричный этот поместился у ворот и стал собирать деньги на «всемирную свечу», рассказывая всем свой сон. Народ и священники толпами повалили к воротам, стали петь и молиться. Собрали сундук подаваний. Но сборища во время эпидемии способствовали еще более страшному распространению чумы. Зная это, просвещенный московский архиепископ Амвросий решил перенести икону в церковь, а собранные деньги отдать на нужды Воспитательного дома.

Петр Дмитриевич Еропкин прославился в 1771 году во время подавления чумного бунта. Он был отставным генералом и, видя, что беспорядки в Москве растут, добровольно взял на себя тяжелый долг сохранить в городе порядок и предупредительными мерами ослабить чуму. К сожалению, темные московские люди не выполняли его предписания и не только не сжигали одежду умерших от чумы, но скрывали самую смерть их и хоронили в садах своих домов, на огородах на задворках. Ежедневно от чумы умирало до 400 человек.

Петр Дмитриевич не советовал архиепископу Амвросию трогать икону, на собранные же деньги посоветовал наложить печать. Народ, узнав об этом намерении, взбунтовался и с криками: «Бей их! Богородицу грабят!» — стал бить в набат и избивать солдат, посланных для наложения печатей, затем кинулись за Амвросием и настигли его в Донском монастыре.

Историк писал: «...один мальчик, приметив вверху полуплатье несчастного преосвященного, закричал: “Сюда, архиерей на хорах!”». Амвросия заставили ответить на ряд вопросов, на которые он отвечал голосом, исполненным твердости и решимости, отечески убежде-

вал злодеев, и они чуть не оставили его. Толпа вытащила Амвросия на улицу, и он почти умирил ее своей речью, как вдруг из соседнего монастырского кабака вышел пьяный дворовый господина Раевского Василий Андреев и закричал: "Чего глядите вы на него? Разве не знаете, что он колдун и вас морочит!?"

Сказав сии слова, он первым ударил страдальца в щеку колом и поверг на землю. Смотря на свое злодейство, изверги забыли свое раскаяние и кинулись также на него. Они мучительным образом били и терзали его до тех пор, пока не увидели его уже умершего. Избитое и обгаренное кровью тело нового своего московского мученика лежало на распутии день и почти целую ночь».

Ожидая исцеления у Варварских ворот от образа Боголюбской Богоматери, толпа уничтожила два карантинных дома, разорила архиепископский дом, разграбила купеческие погреба, находившиеся под Чудовым монастырем. Обер-комендант царевич Грузинский и бригадир Мамонов пытались увещеваниями укротить толпу, но в ответ в них полетели камни.

Расправившись с архиереем, народ стал искать Петра Дмитриевича Еропкина, угрожая и его лишить жизни, как и всех докторов, но тот уже отправился в Кремль с полком солдат. Сначала Петр Дмитриевич попытался воздействовать на толпу уговорами, но в ответ полетели камни. Тогда он приказал стрелять холостыми зарядами в толпу, увидя, что народ это не устрасило, приказал «зарядить картечью». Усмирение продолжалось два дня.

В последних числах сентября в Москву приехал граф Григорий Григорьевич Орлов, фаворит матушки-царицы. Но в это время чума уже ослабевала, а в октябре совсем прекратилась. От этой моровой болезни в одной только Москве умерло сто тридцать тысяч человек.

Современник писал: «Усмирять народ пришлось Еропкину. Государыня прислала ему Андреевскую ленту и хотела пожаловать несколько тысяч душ крестьян. Но Петр Дмитриевич обрадовался ленте, а вотчин не принял: "Нас с женой только двое, детей у нас нет, состояние имеем, не к чему нам набирать себе лишнее"».

Видя, что Еропкину дать нечего, императрица прислала его жене орден Святой Екатерины.

Потом, когда за старостью лет он отказался от службы, Петр Дмитриевич и его жена жили в Грабцево и бывали в гостях у Римских-Корса-

ковых в Боброве (ныне село Бебелево Ферзиковского района). П.Д. Еропкин никогда не приезжал, не прислав осведомиться, дома ли хозяин, и, если посланный узнавал, что дома, то велел доложить, что Петр Дмитриевич и Елизавета Михайловна приказали узнать о здоровье и спросить: может ли принять тогда-то.

Более того, Петр Дмитриевич приезжал обычно цугом в шорах, с верховым впереди и останавливался у ворот, а верховой трубил в рожок, и, когда выходили, открывали ворота и тоже из рожка отвечали с крыльца, тогда он и въезжал.

П.Д. Еропкин был высокого роста, очень худощавый, несколько скорбленный, весьма приятной наружности, и, кто его помнил смолоду, тот говорил, что он был красавцем. Глаза у него были большие, очень зоркие и довольно впалые, нос орлиный; он пудрился, носил пучок и был причесан в три локона.

Он был очень умен, благороден и бескорыстен, как немногие; в разговоре очень воздержан, в обхождении прост и безо всякой кичливости, чем доказывал, что вполне заслуживал наград, которые получил.

Жена его, Елизавета Михайловна, была человеком удивительной доброты, не могла видеть чужих слез, чтобы не постараться утешить, а когда делала добро, то всегда говорила: «...чтоб это осталось тайной».

В имении Еропкиных Грабцево примечательна Успенская церковь — бедная родственница богатых нарышкинских церквей Подмосковья. Убранство фасадов церкви было богатое: кроме оконных наличников верхнего восьмерика были пышные наличники и в нижнем ярусе. Наличники — деталь, подтверждающая позднее происхождение церкви (1772 год), в них уже чувствуется барокко, пережившее Петровскую эпоху, а не «нарышкинское».

Колокольня Успенской церкви очень нарядная, фантастическая, или это «псевдоготика», или национальный романтический стиль. Вышел он живой и органичный из-за несовместимости стилей — русского и английского средневековья с элементами восточной архитектуры. К сожалению, автор не установлен. Два чертежа, хранящиеся в Музее архитектуры имени Щусева (план и фасад колокольни), можно было считать проектом грабцевской колокольни, если бы не надпись: «Колокольня Зачатьевского монастыря. Копировал в 1789 г.». Сравнивая фотографии и план, можно с уверенностью сказать, что грабцевская колокольня отличается от плана белокаменным декором. Вполне возмож-

но, что ее автор — Матвей Казаков или один из его сыновей, во всяком случае представитель его школы (Матвей Федорович одно время служил под началом Петра Дмитриевича Еропкина).

В грабцевской колокольне пробивается классическое начало: при возведении нижнего яруса строители явно вдохновились колокольной московского Новодевичьего монастыря — простой кирпич был превращен в драгоценный художественный материал. Узоры белого камня, как кружево, покрывают яркий кирпичный фон колокольни.

По данным за 1800 год, в Грабцеве проживали «его превосходительства господина генерал-аншефа и разных орденов кавалера Петра Дмитриевича Еропкина дворовые люди: 42 мужчины и 32 женщины, крестьяне: 279 мужского и 290 женского пола, всего 75 дворов. Священнослужители с семьями занимали три двора, получали на содержание хлебную ругу 55 четвертей».

Супруги Еропкины были бездетными, после их смерти в 1805 году владелицей Грабцева стала родная сестра Петра Дмитриевича — Мария Дмитриевна Татищева, которая владела им до своей смерти в 1812 году.

В ноябре 1898 года село Грабцево с деревнями перешло во владение господ Кантакузиных.

После революции здесь был совхоз, потом — колхоз «Ударник животноводства», ныне — сельскохозяйственный производственный кооператив «Труд».

В школе поселка Грабцево есть кадетский класс.

Также в Грабцеве располагается знаменитое на весь мир Калужское авиационно-техническое училище (КАТУ).

Голицынская Городня: прошлое и настоящее

Поселение Городня яркой нитью отразилось в судьбах многих достойных людей своего времени. Усадьба властной княгини Н.П. Голицыной, превратившая молодого талантливого архитектора из крепостных — Андрея Воронихина в полноправного члена высшего художественного света России, — в прошлом. Перспективный, имеющий прекрасные показатели сельхозкооператив «Нива» — в настоящем. Это место всегда притягивало к себе людей ищущих, способных на достойное дело.

Городня

Это селение в пригороде Калуги весьма достославно. Автор «Калужской старины» Леонид Кавелин утверждал, что в 1185 году на уделе в Городне был сын Юрия Долгорукого Борис, и отождествлял древний Городенск с Городней. Даже если Л. Кавелин ошибался, тем не менее нужно сказать, что Городня была в свое время довольно известным поселением. Судите сами, Иван Калита в Духовной грамоте от 1328 года завещал старшему сыну своему Симеону «Можайск со всеми волостями и волость Городенку».

Великий князь Московский Иван Иванович Духовной грамотой от 1350 года отдает сыну Дмитрию (будущему Донскому) Можайск с волостями, среди волостей названа и Городенская, соответствующая своему местонахождению, обозначенному и в предыдущих грамотах.

В Духовной грамоте Дмитрия Донского от 1389 года Городня числится уже среди деревень: по разделу она досталась сыну Дмитрия Ивановича Василию, Калуга — Андрею. К концу XIV века Калуга становится городом, Городня — деревней. И уже в Писцовых книгах первой половины XVII века об этом селении говорится так: «В селе Городне или Чер-

Вдали — деревня Городня

товском было дворов один вотчинный, один людской (четыре человека), два бобыльских (11 человек). Сверх того пять пустых дворов». Из «Описания к Калужскому атласу» узнаем, что Городня — село князя Владимира Борисовича Голицына в бесспорном отводе по обе стороны речки Городенки. «Церковь каменная с престолом во имя Успения Пресвятой Богородицы, дом господский на каменном фундаменте деревянный, при нем два сада, один регулярный, другой с плодовитыми деревьями, конский завод; земля иловая с песком, хлеб и трава средственны, лес дровяной, крестьяне — на пашне. Число дворов 30, душ мужского пола — 124, женского — 74. Всего земли 752 десятины 1 705 кв. саженей».

В середине XVIII века Городня перешла к Голицыным через бояр Хитрово, Бегичевых и Стрешневых. Более полувека властвовала в ней княгиня Наталья Петровна Голицына (в 1631 году Городня значилась наполовину в вотчине за Епифаном Климентьевым — сыном Хитрым).

Голицыны

Герб Голицыных представлял собой щит, рассеченный горизонтально и вертикально. Верхняя половина гербового щита представлена красным полем, в честь великого княжения Литовского — всадник на белом коне, скачущий с поднятой вверх саблей (род Голицыных происходил от Гедимины).

В правом нижнем отделе щита помещен новгородский герб: в серебряном поле кресло с малиновой подушкой, на которой крестообразно

поставлены скипетр и длинный крест — оба золотые, на спинке кресла утвержден светильник с тремя горящими свечами, и по сторонам — два стоящих на задних лапах черных медведя на золотой решетке. Помещение новгородского щита должно приводить на память службу предков князей Голицыных в Новгороде.

В левом же нижнем отделе гербового щита в голубом поле с раздвоенными концами серебряный равноконечный крест, в середине которого на золотом поле — российский государственный герб.

Составители российской родословной книги считали, что в VII—VIII колене от Гедимины — великого князя Литовского — происходил родоначальник князей Голицыных князь Михаил Иванович Булгаков-Голиця, томившийся в польском плену 38 лет (1514–1552), — боярин царя Василия. Возвратясь из плена уже болезненным при сыне Ивана Васильевича, последние шесть лет жизни провел в монашестве, постригшись с именем Иона в 1558 году. Сын этого безутешного страдальца, Юрий Михайлович, боярин, стал послом Ивана Грозного к венгерскому королю Фердинанду, воеводой, отличившимся при взятии Казани, был первым, писавшимся князем Голицыным.

Наталя Петровна родилась в семье графа Петра Григорьевича Чернышова и супруги его Елизаветы Андреевны, урожденной Ушаковой, была внучкой А.И. Ушакова — «пыточных дел мастера» при императрице Анне Иоанновне. По преданию, отец Натали Петровны был сыном Петра I: одному из своих денщиков, Григорию Петровичу Чернышову, он устроил свадьбу с 17-летней Е.И. Ржевской и дал за новобрачной 4 тысячи крепостных душ. Его сын Петр Григорьевич при императрице Елизавете стал российским посланником при прусском, английском и французском дворах. И дочь его Наталя побывала с ним во всех европейских столицах. В 1765 году граф Петр Григорьевич Чернышов возвратился в Санкт-Петербург, а дочь продолжала блистать

Н.П. Голицына

в европейском высшем свете. В 1766 году она вышла замуж за красавца князя Владимира Борисовича Голицына. Чернышовых в графское достоинство возвела Елизавета Петровна.

И хотя Наталья Петровна была из рода «денщиков», Владимир Борисович высоко почитал ее и, как говорили злые языки, «боялся ее как огня». У князя Владимира Борисовича и Натальи Петровны были дети: Петр, умерший шестилетним; Борис Владимирович — генерал-лейтенант, писатель, умерший в Вильно от ран; Екатерина; князь Дмитрий Владимирович — генерал от кавалерии, член Государственного совета, кавалер всех российских орденов, московский генерал-губернатор, 16 апреля 1841 года получивший с потомством титул «светлейшего»; Софья (1775—1845).

При коронации Александра I Наталья Петровна получила крест Святой Екатерины, в 1806 году стала статс-дамой.

Мнения о княгине были разноречивыми. Некоторые вспоминали о ней как о женщине довольно надменной с людьми знатными, равными ей по положению, но вообще-то она была приветливой.

Профессор латинской словесности Московского университета И.М. Снегирев писал о ней, что княгиня ругала все фамилии, выше Голицыных никого не ставила, и когда она перед шестилетней внучкой хвалила Иисуса Христа, девочка спросила: уж не из фамилии ли Голицыных Иисус Христос? Княгиня была умна, властна, внушала трепет всему Петербургскому высшему свету, в ее характере удивительно сочетались противоречивые черты эпохи. Ее мнение было верховным приговором. Муж ее имел скромный чин бригадира и умер чуть ли не на полвека раньше нее.

Дети Голицыных, будучи уже взрослыми людьми, удостоенными высоких званий и высших российских чинов, трепетали перед ней, в ее присутствии не решались даже сесть. Робели перед ней и поэты: «парнасский отец» великого Пушкина Василий Львович посвятил ей такие строки:

Повелевай ты нашими судьбами!
Мы все твои, тобою мы живем.

Умная и властная, княгиня Наталья Петровна всегда занимала блестящее положение при дворе, была фрейлиной, имела деловую хватку, большое богатство, знала пятерых российских царей, вела знакомство с Людовиком XV и Людовиком XVI, Марией-Антуанеттой, а покорен-

ный ею английский король Георг II подарил ей свой акварельный портрет с автографом.

Современники писали, что она танцевала менуэты в робронах и рас-треллиевских дворцах, выезжала на балы павловского времени, на кото-рые можно было глядеть как на барельефы или этрусские вазы; от му-зыки Глюка она дожила до романтизма Шопена, и у нее Фильд играл свои мечтательные ноктюрны.

Она сумела создать себе такое положение в свете, что императоры и императрицы, начиная с Екатерины II и кончая Николаем I, оказыва-ли ей самое почтительное внимание, а все высшее общество почитало за честь бывать в ее доме. «К ней везли на поклон каждую молодую девушку, начинающую выезжать в свет; гвардейский офицер, только что надевший эполеты, являлся к ней, как по начальству», — писал современник.

Она сама вела свое обширное хозяйство, дала детям прекрасное образование. Ее сын Дмитрий Владимирович долгое время был москов-ским генерал-губернатором, о котором с глубоким уважением вспоми-нал в «Былом и думах» великий Герцен.

Однажды Наталье Петровне был представлен один из Чернышю-вых — правая рука Николая I при расправе над декабристами, ради корысти подведший под каторгу своего родственника Захара Черны-шова. Голицына — сама из рода Чернышовых — посмотрела на него как на пустое место, сказав при этом: «Я знаю лишь одного Чернышю-ва, который в Сибири!»

Во дворце на Малой Морской в Санкт-Петербурге по большим праздникам, в день ее рождения или в день ангела княгиню Наталью поздравляли, она же принимала поздравления сидя в кресле, стояла лишь перед императорами или императрицами.

Будучи в очень преклонном возрасте, она всех считала молодежью, все ценили ее малейшее внимание, зато и мало кто ее не боялся.

18 января 1821 года петербургский почт-директор Константин Бул-гаков писал в Москву своему брату Александру: *«Вчера было рождение старухи Голицыной. Я ездил поутру ее поздравить, нашел там весь город; приезжала также императрица Елизавета Алексеевна. Вечером опять весь город и бал, хотя никого не звали. Ей вчера, кажется, стук-нуло 79 лет, я любовался на ее аппетит и бодрость».*

Через шесть лет, 18 января 1827 года, он же — брату: *«Вчера утром ездили с женой поздравить с рождением или именинами, не знаю, кня-*

гиню Наталью Петровну, которая не очень здорова была, что-то хилеет. Мы нашли ее окруженную дочерьми, семейством и гостями. Императрица-мать, великий князь с великою княгиней, а после обеда — государь были у нее, императрица Александра Федоровна прислала ее поздравить и сказать ей, что она сожалеет, что не сможет быть у нее по нездоровью. Старушка в восхищении, говорят, была от всех этих милостей. Бала у нее не было, но так, вечеринка, на которой множество было».

И еще через восемь лет: «Вчера утром ездили мы поздравлять княгиню Наталью Петровну, где нашли весь город. Дай Бог доброй старушке еще несколько лет прожить. Я нашел ее довольно бодрою; только, кажется, глаза слабеют; не узнает вдруг, — надобно ей называть всех. На лестнице встретил великую княгиню. Вверху нашел я и нашего и вашего князя».

В молодости, живя в Париже, Н.П. Голицына была постоянной партнершей по карточной игре королевы Марии-Антуанетты. Страсть к картам преследовала ее всю жизнь. В старости, когда стало слабеть зрение, для нее изготовили специальные игральные карты, большего размера, чтобы лучше различать масть. За глаза ее называли «усачкой», «усатой княгиней», за резко обозначившиеся к старости усы. Ее дом на Малой Морской был одним из самых знатных в Санкт-Петербурге.

Обессмертил в веках ее великий Пушкин, в повести «Пиковая дама». А было это так. Близкий знакомый поэта князь Сергей Григорьевич Голицын (по прозвищу Фирс), родственник Натальи Петровны, рассказал Пушкину о том, как он однажды после крупного картежного проигрыша пришел к бабке попросить денег. Скупая старуха ему отказала, зато сообщила три верные карты: ей когда-то в Париже назвал их известный авантюрист XVIII века Сен-Жермен.

Пушкин и сам проявлял большой интерес к картам: об этом свидетельствуют книги его библиотеки «Коран виста, или Полные правила сей игры», шеститомник «Историческое, политическое и практическое зеркало старого и нового Парижа», 19-томное издание Гофмана и др.

Главная завязка повести — рассказ Томского о бабушке — не вымысел. Пушкин почувствовал в этом рассказе Фирса с увлекательными сценами, связанными с деньгами, азартом, проигрышем, и с фигурой графини в центре отличный сюжет для новеллы «Пиковая дама». Повесть появится в 1834 году в мартовской книжке «Библиотеки для чтения».

Кумира столичной знати А.С. Пушкин изобразит взбалмошной старухой, проигравшегося князя заменит бедным инженером, захваченным мыслью о выходе из нужды с помощью крупного выигрыша.

Повесть оцелят и в игорных домах, и в великосветских гостиных, позже она станет образцом для классиков европейской новеллы Проспера Мериме, А. де Ренье и других, которые будут учиться у Пушкина искусству сжатого трагического рассказа на «Пиковой даме».

В апреле 1834 года Пушкин запишет в своем «Дневнике»: *«Моя “Пиковая дама” в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной [Голицыной] и, кажется, не сердятся»*. Эпиграфом Пушкин взял строки из письма П.А. Вяземскому:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

Анна Петровна Керн в своих «Воспоминаниях» утверждает, будто бы это стихотворение было написано поэтом у князя Голицына — «Фирса» «во время карточной игры мелом на рукаве», а затем переслано через нее барону Антону Дельвигу.

Главный образ повествования — старая графиня Анна Федоровна — почти дословно списана с княгини Натальи Петровны Голицыной.

Хотя однажды Павел Войнович Нащокин заметил, что графиня не похожа на княгиню Голицыну: в ней больше сходства с Натальей Кирилловной Загряжской. Пушкин согласился: основная завязка не вымышленна, но ему легче было изобразить Голицыну, чем Загряжскую, у которой и характер, и привычки сложнее.

Да и «дом старинной архитектуры» — подлинный дом Натальи Петровны Голицыной, на углу Малой Морской и Гороховой (ул. Гоголя, 10). Именно этот дом, а не особняк Салтыковых (дом № 4 на Двор-

цовой площади), на который указывает Н.А. Раевский в книге «Портреты заговорили».

В начале «Пиковой дамы» Томский рассказал о своей бабушке-графине, которая в молодости проиграла герцогу Орлеанскому большую сумму в Версале. В отчаянии она пригласила запиской к себе Сен-Жермена и попросила у него денег, но тот вместо денег назвал ей три заветные карты, которые должны были выиграть три раза сряду. Вернувшись, графиня отыгралась. Этот удивительный эпизод, искусно рассказанный Томским, вызвал разные мнения.

— Случай, — сказал один из гостей.

— Сказка, — заметил Германн.

— Может стать, порошковые карты? — подхватил третий.

— Не думаю, — отвечал важно Томский.

Кто же мог быть ближе к истине? Томский отвергает естественные объяснения и допускает вмешательство сверхъестественных сил. Эту двойственность естественного и сверхъестественного в объяснении фантастического явления замечательно передал Достоевский в письме к Ю.Ф. Абазы: *«Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал “Пиковую даму” — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразно с его мировоззрением, а между тем в конце повести (...) вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром злых и враждебных человечеству духов (...) Вот это искусство!»*

Для Пушкина было очень важно создать в «Пиковой даме» ауру оккультного. Упоминание в повести эликсира жизни, скрытый гальванизм, Монгольфьеров шар, Месмеров магнетизм, цитата из мистика Сведенберга, эпиграф из гадальной книги — из всех этих магических, алхимических веществ Пушкин создает фантастическую повесть.

Одновременно в «Пиковой даме» Пушкин запрягал множество улик, которые толкают читателя на поиски рационального объяснения фантастических происшествий. Но самое главное — Пушкин строго сохраняет равновесие между возможностью фантастического и рационального истолкования повести.

«Пиковая дама» — удивительная романтическая повесть, написанная в традициях фантастики. Достоевский справедливо назвал ее «вершиной фантастического искусства».

Ее «скрытый гальванизм» заставляет читателя колебаться между естественным и сверхъестественным объяснением тайны.

Пушкин как нельзя лучше выполнил предсказание барона Брамбеуса, что «Пиковую даму» будут читать «с одинаковым удовольствием все: от графини до купца второй гильдии».

Пушкин создавал «Пиковую даму» в болдинском уединении, но в ней отразились недавние свежие петербургские впечатления. Именно здесь, на углу Малой Морской, в непогожую петербургскую ночь ждал решения своей судьбы пушкинский герой Германн.

Шведский художник Александр Рослин в 1775–1777 годах жил и работал в Санкт-Петербурге и именно он в 1777 году написал портреты Натальи Петровны и Владимира Борисовича Голицыных. Очень сходные видел Германн в спальне графини. На одном был изображен мужчина лет 40, румяный и полный, в светло-зеленом мундире, на другом — молодая красавица. Наталье Петровне исполнилось 36 лет, она изображена с характерным для нее орлиным носом и зачесанными у висков напудренными волосами, с роскошными перьями в них и ниткой крупного жемчуга. Пушкин приписал этот портрет Виге-Лебрен, писавшей портреты дочерей Натальи Петровны Екатерины и Софьи.

«Пиковая дама» — произведение достоверное: реальные речи игроков, обороты речи характерны для светских гостиных 30-х годов XIX века. Налицо и прототипы героев повести. Под Чекалинским подразумевается Василий Семенович Огонь-Догановский — родовитый смоленский дворянин, родившийся в 1776 году, недолго служивший в молодые годы и вышедший в отставку с чином 12-го класса. Это был богатый помещик, в 1831 году Пушкин в письмах к П.В. Нащокину заботится о расчетах с Огонь-Догановским по уплате ему 20-тысячного карточного долга.

Пушкин познакомился с Натальей Петровной Голицыной в 30-х годах, бывая на балах и приемах в ее доме. Замечен же ею был несколько раньше. Сохранился ее благоприятный отзыв о его «Кавказском пленнике». 18 марта 1823 года она спрашивала у князя Петра Андреевича Вяземского: *«Что Вы скажете о “Кавказском пленнике”? Мне кажется, что он очень хорош. Жаль только, что прекрасная черкешенка расточает свои чувства ради такого пресыщенного героя. Скажите мне Ваше мнение, умоляю Вас, и верьте, что буду почитать себя счастливой иметь Вас своим оракулом»*. Ввел Пушкина в ее дом его близкий

друг, штабс-капитан Сергей Григорьевич Голицын («Фирс»), поэт-дилетант, автор текстов для музыки Михаила Ивановича Глинки, с которым был в приятельских отношениях, сам немного композитор.

Пушкин подписал повесть латинской буквой «Р». Опасаться было чего. Наталью Петровну, пользующуюся исключительным авторитетом в дворцовых кругах, побаивались в светских гостиных за крутой властный характер, за непреклонность суждений, за острый язык. И очень худо было человеку, который чем-то навлек на себя ее немилость. Тем более, если этот человек позволил сказать что-либо неодобрительное в литературе во всеуслышание. Разве могла понравиться Наталье Петровне характеристика, данная Пушкиным: *«Графиня (...) была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему. Она участвовала во всех суетностях большого света; таскалась на балы, где сидела в углу, раздумянная и одетая по старинной моде, как уродливое и необходимое украшение большой залы; к ней с низкими поклонами подходили приезжающие гости, как по установленному обряду, и потом его уже никто не занимался. У себя она принимала весь город, наблюдая строго этикет и не узнавая никого в лицо»*.

Андрей Воронихин, Павел Строганов

Усадьба Городня была несколько иного типа, чем обычные помещичьи гнезда той эпохи: там не велось сколько-нибудь постоянного хозяйства, не было тесной связи с землей. Городня была скорее прекрасной загородной виллой, куда на три-четыре месяца любила приезжать с семьей Наталья Петровна, отдохнуть от столичной жизни, с ее непрекращающимися балами, приемами, раутами. Обстановка была интимной: здесь любили пожить по-семейному. Но дом был старый, и Наталья Петровна решила его перестроить. Нужен был талантливый архитектор. Помог случай.

Андрей родился в селе Новое Усолье (ныне Пермская область), у крепостной Строгановых Марфы Чероевой. Марфу выдали замуж за управляющего имением Никифора Воронихина. Так Андрей стал Воронихиным. Мальчик с детства проявил способности к рисованию. Учился вначале в иконописной мастерской Гавриила Юшкова, образование продолжил в Московской архитектурной команде у М.Ф. Казакова и В.И. Баженова, увлекся миниатюрной и перспективной живописью.

Два года учебы в Белокаменной пролетели незаметно, и вот уже молодой архитектор Андрей Воронихин в Санкт-Петербурге. И предстал крепостной парень пред светлые очи графа Александра Сергеевича Строганова.

Род Строгановых ведет свое начало от новгородца Луки Спиридонова — сына Козьмы Спиридоновича Никитина. В начале XV века Строгановы действовали в Заволочье против новгородцев в пользу Московского государства, за это род Строгановых был награжден щедрым наделом.

В 1498 году Лука Федорович Строганов поселился в Вычегде, имел сына Федора. Аника Федорович имел в Вычегде соляные варницы, с 1515 года начал вести «торговые обороты» за Каменным поясом. Предприимчивые сыновья такого делового отца Яков, Григорий и Аника завели поселки по Чусовой и Сылове.

К Семену Аникиевичу пожаловал со своей вольницей знаменитый атаман волжских казаков Василий Тимофеевич, прозванный Ермаком.

От Семена Строганова новые завоеватели получили первые средства на свою отчаянную экспедицию. Этот факт сделал имя Семена Строганова бессмертным в истории государства Российского. Его сын в эпоху междоусобия на свой счет снарядил дружины на выручку престольной Москве, стоя «за отечество крепко и без всякого забытья». Царь Михаил Федорович наградил за это Строгановых титулом «именитых людей».

6 марта 1772 года Александр, Николай и Сергей Григорьевичи были возведены в баронское достоинство. Барон Александр Сергеевич 29 июня 1761 года был возведен в графское достоинство Римской империи императором Франции в Вене, а 21 апреля 1798 года Павел I возвел Александра Сергеевича в графы Российской империи. Он стал четвертым по счету обер-камергером, президентом императорской Академии художеств, страстным любителем искусств, человеком, оставившим о себе память благодетеля художников. Екатерина II, Павел I, Александр I были к нему весьма расположены, считая его своим другом.

Вот к этому графу Александру Сергеевичу и приехал Андрей Воронихин. И прежде всего попросил освободить матушку от крепостной зависимости. Граф пообещал и вскоре сдержал свое слово.

Граф имел сына Павла, о котором и пойдет речь ниже. Детство его прошло в Париже. Учителем и воспитателем Александр Сергеевич назначил ему Жильбера Ромма, родившегося в 1750 году во фран-

цузском городке Оверни. Рано потеряв отца — прокурора этого города, — он воспитывался матерью, на руках которой осталось пятеро детей (Жильбер был младшим).

Жильбер Ромм вначале был отдан в учение к монахам, по примеру старшего брата он увлекся, как тогда говорили, «положительными науками», в частности математикой. Снабженный рекомендательными письмами к ученым людям, он отправился искать счастья в Париж, где ему сразу же повезло. Найдя уроки в семьях иностранцев, он стал репетитором детей русского посланника. В это время Жильбер Ромм поражал своей скромностью, большой выдержкой характера и страстью к наукам. Все, что ему удавалось заработать, он отсылал матери в Оверни. У этого русского посланника Жильбер познакомился с Александром Сергеевичем Строгановым и его супругой, жившими в Париже. Александр Сергеевич искал гувернера для своего сына Попо. Жильбер ему понравился, и 11 мая 1779 года между графом Строгановым и Жильбером Роммом было заключено трудовое соглашение. Так, вместо изучения математики, вместо кафедры математики, Жильбер отправился со Строгановыми в далекую Россию. На такой шаг в то время мог решиться лишь очень самоуверенный человек. Он считал, что знакомство с такой огромной страной поможет ему выполнить ряд научных задач.

Под скромной оболочкой Жильбера Ромма скрывалась могучая натура. Он был мал ростом, неуклюж, при большой худобе рук и ног фигура его не носила и тени изящества. Да и голос был глухой, монотонный, без всяких оттенков. Зато очень выдавался лоб, говорящий о том, что в его мозг засела глубинная мысль. Он был близорук, имел блуждающий взгляд, цвет лица болезненно-желтый, как у человека, постоянно погруженного в мозговую работу, в глубоких орбитах помещались пронизательные глаза. Тем не менее в его облике можно было заметить природную застенчивость, врожденное добродушие.

Жильбер Ромм нравился Строгановым, и это отношение к нему не прерывалось целых 11 лет. Нравственные качества его были уравновешены, беседа с ним была приятной и поучительной, все же остальное не только прощалось, но и признавалось оригинальным.

Александр Сергеевич познакомил Андрея Воронихина со своим сыном и его учителем Жильбером Роммом.

Андрей стал учить говорить их по-русски. И вскоре сам бегло говорил по-французски, как они — по-русски.

В письме к родным Ж. Ромм писал, что он хочет сделать из Попо Строганова Человека, и он будет таковым, когда он выпустит его из своих рук. Граф не нарадовался успехам сына, не нарадовался и на гувернера: он даже представил его Екатерине. Ж. Ромм, в свою очередь, преподнес матушке-царице свое изобретение — чудо тогдашней оргтехники и механики: чернильный прибор с автоматически подаваемыми перьями, сургучом, бумагой и пр.

Граф Александр Сергеевич познакомил его с академиком Палласом, Эйлером, российским поэтом, сенатором Гавриилой Державиным.

Жильбер Ромм был настолько оригинальным человеком, что однажды, побившись об заклад, что через две недели будет читать по-китайски, выиграл пари!

Вместе с Павлом Строгановым учился и воспитывался крепостной юноша из Пермской глубинки — строгий и молчаливый Андрей Воронихин.

Граф Александр Сергеевич предназначал Андрея на строительство домов, так как кроме знаменитого Растрелли он по своему вкусу архитектора не встречал. Он думал: выросши, Андрей построит ему новый дом.

Гувернер никого не спрашивал об Андрее, лишь однажды прошептал по-французски: «Рабство!».

Павел, Андрей и Жильбер Ромм много путешествовали: Александр Сергеевич рассматривал эти совместные путешествия как своеобразную учебу — учебу жизни. Друзья побывали на Волге, на Урале, в Карелии, на Украине, в Швейцарии, Франции, жили в Женеве, в Париже.

Ученый Ромм был суровым воспитателем. Андрей как-то набросал портрет своего наставника: его без улыбки лицо, длинную блузу, в которой он ходил из угла в угол и давал объяснения по математике.

Одним из важных методов воспитания Ромм считал переписку: он писал письма своим воспитанникам с различными замечаниями характера, увлечений, ошибок. И юноши должны были отвечать на эти замечания также письмами. Этим методом Ж. Ромм достигал большего внимания своих учеников к своим требованиям. И метод этот Ж. Ромм продолжал все 11 лет, пребывая в должности наставника Попо.

Совместные путешествия 1787–1790 годов служили явным доказательством педагогического успеха Жильбера Ромма, так как ему приходилось часто возвращаться в любимой им сфере ученых. Их радушно встре-

тил ученый мир Женевы, они посещали удивительные лекции видных физиков, математиков, бывали в гостях у самого Лафатера.

Во время летних каникул друзья совершали длительные прогулки в горы, осматривали заводы и фабрики, что было также важно для молодого Строганова.

Двадцать месяцев провели путешественники в Швейцарии, Лишь 1 мая 1789 года Ж. Ромм считал возможным переехать в Париж, отказать от своих занятий математикой и с увлечением окунуться в революцию: в одно мгновение им было забыто все прошлое.

Вместе со своим воспитанником Павлом Строгановым он посещает народные собрания, чуть ли не ежедневно ездит в Версаль. И пишет друзьям, что для Павла Строганова, взявшего подпольную революционную кличку Очер, — это превосходная школа публичного права.

А в день празднования Федерации они провели на Марсовом поле целые сутки. Ж. Ромм познакомил Павла со всеми активными деятелями революционного движения, Павел Очер стал библиотекарем клуба якобинцев «Друзья Закона».

7 августа 1790 года Павлу Очеру был выдан Диплом за подписью председателя и трех секретарей клуба якобинцев, что привлекло к нему особо пристальное внимание русского представителя в Париже.

Жильбер Ромм стал членом Конвента и подписал Указ о казни короля, став тем самым для России «персоной нон грата».

Павлу Александровичу было приказано немедленно возвращаться в Россию. Власть в революционном Париже между тем переменялась: Жильберу Ромму и его единомышленникам была назначена казнь. Узнав об этом, Ж. Ромм сделал так, что ему принесли в камеру смертников кинжал, и приговоренные к смертной казни якобинцы совершили коллективное самоубийство — первым вонзил в себя кинжал Жильбер Ромм, тут же упав замертво.

Павел Строганов и Андрей Воронихин в декабре 1790 года вернулись в Россию. Матушка-императрица запретила Павлу Александровичу появляться в обеих столицах, и он «отходил» от революционных событий в Братцеве, под Москвой в имении своей матери.

Андрей Никифорович в Париже много занимался архитектурой, живописью, физикой, механикой, математикой. Вернувшись в Санкт-Петербург, он занялся живописью и перестройкой строгановского дворца, написал картину «Вид картинной галереи в строгановском дворце».

Граф Александр Сергеевич был в восторге от успехов, от развивающегося таланта Андрея Воронихина, особенно его восхитила акварель «Вид картинной галереи». Увидев ее, граф воскликнул:

— Чем награжу я тебя, Андрэ? Поезжай-ка в Городню к моему Попо. Скучно будет — и там дело найдется: слышно, княгиня дом свой перестраивать собирается. Глядишь, и понадобишься. Голова твоя — золото, бриллиант!

Павел Строганов «отходил», «остывал» от парижских событий в Братцеве (ныне в черте города Москвы), развлекался в соседних имениях в обществе праздно живущих вельмож. Больше всего привлекало его имение Городня, где на попечении княгини Натальи Петровны Голицыной находилась ее красивая образованная дочь Софья, как и Павел Строганов, только что вернувшаяся из Парижа. Вскоре Павел Александрович и Софья Владимировна обвенчались, переехали в Городню и пригласили к себе на летние вакации своего друга Андрея Никифоровича Воронихина.

Когда же княгиня Наталья Петровна решила перестроить свой дом в Городне, то Александр Сергеевич и Павел Александрович порекомендовали ей пригласить к себе на лето молодого талантливого архитектора Андрея Никифоровича Воронихина.

...Весной 1795 года Андрей подъезжал к Городне. Ему были рады в усадьбе. На вечере, посвященном встрече с другом, Павел Александрович произнес тост:

— Друзья мои! Я прошу поднять бокалы за здоровье моего скромного друга, за его одаренность, за его настойчивость, за благородство его души, за его стремления, которые, я уверен в этом, будут осуществлены в области зодчества, а быть может, и в живописи. С этим другом я провел несколько лет учебы у нашего наставника и путешествовал по России и за границей. Я говорю об Андрее Воронихине.

А.В. Воронихин —
великий русский архитектор

В то время, когда во Франции вспыхнула революция, некоторые наши россияне, проживавшие в Париже, только тем и занимались, что с утра глотали устриц. В те дни я насыщался на иной манер, упиваясь событиями. А мой друг Андрэ весь предавался искусству, он оставался жаден до жизни духовной: занимался изучением зодчества и живописи, изготовлением чертежей, читая Витрувия, Альберти и других великих мастеров архитектуры — вот чем неустанно занимался мой друг, мой товарищ, мой брат!

...Веселье в доме не прекращалось, слышалась русская и французская речь. Сама знаменитая «усатая княгиня» Наталья Петровна с удивлением рассматривала Андрея Никифоровича и находила в его приятной внешности и манерах много общего со Строгановыми:

— Вот ведь, от простой девки, а каков человек? Князь, да и только! Скромнен? Да, но за этой скромной внешностью кроется волевая целеустремленная натура! Шутка ли, взять на себя труд восстановить непревзойденного Растрелли. Дерзость, однако, похвальная, стало быть, чувствует в себе силу.

— Андрэ, — обратилась она к другу своего зятя, — не спешите покидать наши Палестины. Попо Вас ждал, так ждал. Я хочу, чтобы Вы осмотрели мою усадьбу. Мне она ужасно надоела. Вы — будущая знаменитость, да, я не шучу. Составьте мне проект будущей усадьбы. Быть может, вскоре Вы мне его и представите на утверждение?

— Скоро не могу, Ваше сиятельство, — с достоинством ответил юноша. — Я очень медленно работаю, а главное, прежде чем думать о проекте сооружения, я должен осмотреть местность, где надлежит ему быть. И еще я должен знать желание заказчицы: ради какой цели Вы намерены здесь построить новый дом на лоне тихой деревенской природы? Будет ли это усадебный центр с управлением над крестьянами, живущими в окрестных деревнях, или же эта усадьба будет только для веселого отдыха знатных особ?

— Я Вас понимаю, Андрэ, погостите у нас, поживите — увидите. Я надеюсь, что Вы составите план, достойный Вашего таланта, — подвела итог беседе княгиня.

И все поняли, что друг Павла Александровича понравился строптивой хозяйке, что ее зять умеет выбирать друзей.

Вечером при свете разноцветных фонариков, развешенных в аллеях молодого липового парка, Андрей и Павел гуляли вдвоем по посы-

паннным желтым песком дорожкам, им никто не мешал, и они вели задушевный разговор.

— Отцу я написал, чтобы он приблизил тебя к Академии. Что он сделал для этого? — спросил Павел Александрович.

— Графу я благодарен премного, — отвечал Андрей Никифорович. — Он открыл мне доступ в Академию художеств. Я числюсь назначенным на выполнение академической задачи, с коей непременно справлюсь, не посрамлю ни себя, ни батюшку твоего. Но не удивляйся, Попо, я вошел в Академию не архитектором, а живописцем перспективы, меня нашли сильным в рассуждении рисунка «Строгановская картинная галерея». Надеюсь, что смогу и дальше работать в этом направлении, однако могу делом доказать и другую сторону своего искусства — быть достойным в архитектуре.

...Утром, совершив по окрестностям Городни прогулку на арабских скакунах (у Натальи Петровны в Городне был конный завод), искупавшись в проточной воде городенского пруда, друзья зашли в заставленный книжными шкафами кабинет Павла Александровича, разговорились.

— Ты, Попо, занимайся изучением римского права, читай древних греков, готовься стать государственным деятелем. А я, чтобы время в праздности не проходило, чтоб не ел я даром княжеский хлеб, займусь-ка составлением чертежей будущего каменного дома. Надо и вкусам хозяйки угодить, и не остаться в разладе со временем. В зодчестве ныне намечается крутой поворот от французской к греческой классике. Особенно я это заметил в Подмоскovie на строительстве новых дач.

...Тихо в Городне, солнечно. В открытые окна старого дома проникают и лучи солнца, и птичий гомон, из сада доносится терпкий запах сирени.

Работая до утра, Андрей Никифорович притомился — не уснуть. И солнечное утро, и птичий гомон навевали воспоминания: уральское детство, строгий учитель иконописи, мальчишки-сверстники. И покраснел, вспомнив обидные прозвища «нагулыш», «приблудыш», «бароненок»... Прозвища воспринимал с обидой, а когда подрос, стал замкнутым, молчаливым. Вспомнилось и многодневное путешествие на баржах с солью по Каме, Волге, Оке, Москве-реке до Белокаменной, Великая французская революция...

Верховая езда, вечерние прогулки с Павлом Строгановым по росистым аллея городенского парка, задушевные беседы с другом не по-

мешали Андрею Никифоровичу выполнить заказ строптивой княгини за несколько недель. Проект нового дома с рисунками внутреннего оформления вскоре был готов окончательно, княгиня приняла его с величайшим одобрением. Но к строительству княжеского особняка приступили не сразу.

Андрей Никифорович составил рисунки орнаментов для росписи плафонов с изображением античных фигур (гризайль).

А еще княгиня пожелала, чтобы он сделал чертеж греческой башни, нарисовал бы въездные ворота, должны соответствовать главному зданию, а также образцы чугунной или кованой решетки. И все это сделал Андрей Никифорович талантливо.

...Постройка дома относится к 1798 году. Он получился небольшим, прямоугольным в плане, очень простым по формам. По сторонам главного дома архитектор расположил небольшие флигели служб. Перед домом создал парадный двор, замкнутый оградой с железной решеткой.

Стены главного здания он сделал рустованными до второго этажа, выше оставил гладкими. Центр отметил небольшим выступом с широкой дверью-окном в первом этаже и полукруглым окном во втором. Выступ завершил фронтоном, по центру дома расположил на крыше небольшой открытый бельведер.

Воронихинское творение в Красном Городке

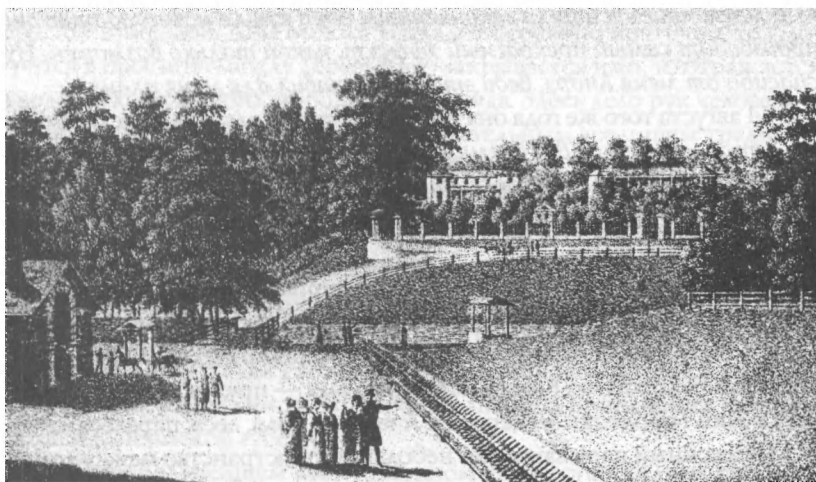
Андрей Никифорович создал интимное жилище максимально простыми методами. Домик при всей своей простоте оказался миниатюрным и очень изысканным.

Дом в Городне — единственное творение великого Воронихина на территории Калужской области — на фоне зелени парка кажется розовым кубиком. Он очень элегантен по пропорциям и рисунку. Привлекает внимание и тройное окно. Молодой архитектор достиг большого зрительного эффекта самыми малыми средствами. Объемное понимание тела и пространства приближает архитектуру здания к классицизму.

Потолки и стены были расписаны арабесками, гризалью, плафонами. На воротах — львы — символ власти, в парке — обелиск.

Многое сделал Андрей Никифорович и в украшении дома, проявив свой талант и в области прикладного искусства: нарисовал мебель, осветительные приборы, каменные и фарфоровые вазы, применил для освещения интерьера цветные стекла. И все это он сделал в органичном сочетании интерьера с архитектурой.

В описании села Городня (1782 год) упоминаются два «сада»: один регулярный, другой — с «плодовитыми» (фруктовыми) деревьями. Устройство же третьего — «пейзажного парка», видимо, относится к 1795 году, когда Андрей Никифорович возводил в проекте новый ан-

Вид на плодовитый сад в имении Городня
Литография С. Лукина

самбля усадебного центра. Но сведений о его участии в этом не обнаружено. Видимо, для этой цели был приглашен крупный мастер садово-паркового искусства из Петербурга, может быть, английский садовод, работавший на строгановской даче в Санкт-Петербурге, ибо пейзажный парк в Городне является произведением большого мастера садово-паркового декоративного искусства.

Осенью 1795 года Андрей Никифорович покидал с грустью гостеприимного друга Павла Строганова и его очаровательную супругу Софью Владимировну. И не знал в то славное лето в Городне молодой начинающий архитектор, что 19 декабря 1797 года от совета Академии художеств по большинству баллов он получит высшее художественное звание — академик перспективной живописи — за картину, на которой он изобразит выстроенный им дворец Строгановых в Новой деревне близ Санкт-Петербурга.

Так, дворовый человек графов Строгановых, домашний живописец Андрей Никифорович Воронихин превратился в полноправного члена высшего художественного учреждения России, а в 1802 году он стал профессором Художественной академии, благодаря своему таланту, а также неустанному и целеустремленному труду.

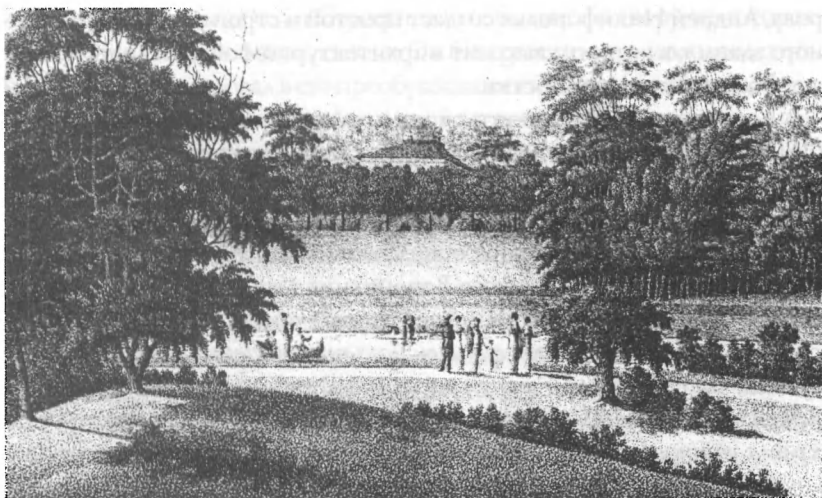
Летом 1798 года княгиня Наталья Петровна написала своей дочери и зятю Софье Владимировне и Павлу Александровичу в Марьино: *«По моем приезде нашла законченным одно крыло нового здания: оно производит самый прекрасный эффект, какой только возможен. Ну, спасибо от меня Андрэ, ведь это он составил для меня план».*

24 августа того же года она продолжила ту же мысль в письме: *«Что касается меня, то я все время занята устройством своего дома, который очарователен, послезавтра я туда переселяюсь».*

Следовательно, дом в Городне стал жилым 26 августа 1798 года, или 206 лет тому назад!

Дом и ныне стоит на краю большой террасы, насыпанной еще, вероятно, в середине XVIII столетия. Обрыв здесь стремительно уходит вниз, и ничто не заслоняет превосходного сказочного вида со стороны подъездной дороги из Калуги. Прямо у дома — пруд, на невысоком берегу речки Городенки — деревня. А кругом поля, леса, перелески...

Пейзажный парк занимает небольшое пространство между домом и речкой Городенкой, вправо доходит до оврага. За оврагом — лес, на опушке которого когда-то стоял самый дальний «Новый павильон»,

Вид верхнего пруда, террасы и большого дома в имении Городня
Литография С. Лукина

изображенный на литографии (из альбома «Собрание видов села Городни и его окрестностей»). Вдоль пруда по насыпи идет дорожка, дно пруда выстлано плитами. С этой тропинки хорошо смотрится «розовый кубик» дома во всех его взаимоотношениях с прекрасной средне-русской природой. Дом отсюда выглядит особенно поэтично, то смотрится в просветы между деревьев, то закрывается ими, то отражается в водах великолепного заброшенного пруда. Здесь дело рук человека и природы слито воедино, и этим очаровательным зрелищем трудно не залюбоваться: настолько все кажется абсолютно естественным.

...Поздней осенью 1795 года по пыльной старой Калужской дороге коляска катила из Городни в Братцево, оттуда — в Санкт-Петербург к графу Александру Сергеевичу Строганову, увозя из гостеприимной Городни молодого архитектора Андрея Воронихина.

Граф Александр Сергеевич в 1801 году стал президентом Академии художеств, директором Российской публичной библиотеки и главным начальником комиссии по мраморной ломке и приисканию цветных камней в Пермской губернии.

В своем дальнейшем архитектурном творчестве Андрей Никифорович продолжит лучшие традиции и достижения русского зодчества. Развивая принципы дворцовых композиций Баженова, Казакова, Ста-

рова, Андрей Никифорович создаст простой и строгий тип общественного здания, в котором выразит в архитектурном образе мощь и величие Российского государства.

Десять лет будет строиться по проекту Андрея Никифоровича (1801–1811 годы) Казанский собор, связанный с требованиями императора Павла I создать подобие Собора Святого Петра в Риме. Однако гениальный зодчий, формально выполняя указания свыше, сумел построить весьма оригинальное общественное здание. И современники гордились творением великого Воронихина в камне. П.П. Свиньин — высокий ценитель произведений искусства — писал: «...Прежде чем приступим к рассмотрению сего изящного произведения искусств, порадуемся, что оно вышло из рук российских художников без всякого содействия иностранцев, равно как и все материалы, на сооружение сего храма употребленные, заимствованные из недр нашего отечества».

Казанский собор по праву считается одним из высших достижений архитектуры русского классицизма. Это монументальное торжественное здание поражает совершенством своих пропорций. Поистине уникальна полукруглая колоннада из 94 каннелированных колонн, торжественно оформляющая северный фасад собора и исключительно органично сочетающаяся с его основным объемом. «Упругая» дуга соборного фасада обрамляет обширную площадь со сквером, в центре которого бьет многоструйный фонтан. Фасады собора декорированы многофигурными рельефами и скульптурами в нишах.

Казанский собор, построенный Андреем Никифоровичем, открывался с бульвара за дворцом Строгановых. Летом 1813 года здесь был похоронен М.И. Кутузов. Рассказывали, что при въезде в город у Невской заставы люди выпрягли лошадей и сами везли траурную колесницу до Казанского собора, где под сенью знамен и положили тело великого полководца Михаила Илларионовича Кутузова.

В те дни «Северная пчела» писала: «Все дороги и улицы усыпаны были зеленью, а по иным местам и цветами».

Великий Пушкин откликнулся на это событие такими стихами:

Перед гробницею святой
Стою с поникшей головой...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

...Павел Александрович Строганов был близок ко двору, некоторое время жил в Петергофском дворце. Он был ровесником молодого царя Александра I, участвовал в его преобразованиях. Сверх всех наград имел от императора оригинальный подарок — яхту с 12 матросами — унтер-офицерами, которые во время пребывания на яхте считались на действительной военной службе. Яхта стояла на воде перед загородным домом на даче Строгановых (Выборгская сторона).

Павел Александрович поменял гражданскую службу на военную. В 1814 году в звании генерал-лейтенанта командовал русскими войсками в битве при Кроане. На его глазах неприятельское ядро сразило сына, и он передал командование битвой другому генералу, хотя победа была близка. И лавры победителя достались не ему.

Великого Пушкина до глубины души поразила судьба генерал-лейтенанта Павла Александровича Строганова, и на это трагическое событие он ответил такими скорбными стихами:

О страх! О горькое мгновенье!
О Строганов, когда твой сын
Упал сражен, и ты один.
Забыл ты славу и сраженье,
И предал славе ты чужой
Успех, ободренный тобой...

После войны с французами, сняв генеральский мундир, Павел Александрович посвятил свою жизнь снова государственной деятельности. Недаром Андрей Воронихин летом 1795 года в Городне советовал ему читать древних греков, изучать римское право. Совет друга пригодился. Умер Павел Александрович 10 июня 1817 года.

Его вдова Софья Владимировна пережила супруга на 28 лет. Она была рачительной хозяйкой своих многочисленных имений. Современники отмечали у нее мужской склад характера и ума. При дворе она стала кавалерственной дамой, имела орден Святой Екатерины второй степени.

Была она справедливой и заботливой хозяйкой. Ее слова повторял дворецкий: *«Больше всего заботьтесь о благосостоянии вверенных вам крепостных людей, затем уж о доходах с имения».*

Софья Владимировна Строганова была стройной красивой женщиной, глаза ее смотрели на собеседника внимательно, улыбка привлекала доброжелательностью. Это она организовала в Санкт-Петербурге шко-

лу горно-заводских и лесных наук для обучения массовым специальностям молодых людей, установила своим служащим пенсии, учредила страховой комитет, третейский суд.

Скорбя о сыне, Павел Александрович рано оставил свет и, не имея других детей мужского пола, чтобы не дать угаснуть столь знаменитой ветви исторического рода Строгановых, передал графское достоинство женатому на его дочери сыну Григория Александровича, тогда еще барону Сергею Григорьевичу Строганову, впоследствии славному представителю своей фамилии, своего рода.

Построил Андрей Никифорович и здание Горного института, участвовал в строительстве дворцово-парковых ансамблей в Петергофе и Павловске, в усадьбе Братцево. Всем сооружениям этого периода, выполненным в принципах русского ампира с применением новых облегченных конструкций и естественных строительных материалов, присуща большая архитектурно-художественная выразительность, достигаемая ясностью пространственной композиции, контрастом больших гладких плоскостей стен с колоннадами, скульптурой и крупным сочным орнаментом.

Усадьба Братцево — наименее известная в Подмосковье и вместе с тем одна из наиболее древних и самых красивых. История села изобилует именами владельцев: Нарышкины, Апраксины, Строгановы, Римские-Корсаковы, Хитрово; принадлежало оно также одно время и двору. История села Братцево — это история русского светского общества. Его миновали московские пожары 1812 года, оно благополучно пережило XIX век, не пострадало ни в годы первой, ни в годы второй российской революций. А потом пришла Советская власть, и опять усадьбе Братцево повезло: ее разграбили, но не разрушили. Вначале в ней располагался пансионат речников и полярников, позднее дом отошел к Российскому театральному обществу.

Построенная первым богачом России А.С. Строгановым, усадьба перешла к первому красавцу России Римскому-Корсакову. В Братцево снимался фильм Алексея Сахарова «Барышня-крестьянка».

Ныне и усадьба, и церковь Преображения находятся в плачевном состоянии. Планируется реставрировать усадьбу и создать на ее базе гостиничный комплекс на 300 номеров.

Андрей Никифорович Воронихин за свою короткую жизнь построил немного, но каждое его строение — вклад в русскую архитектуру,

не имеющий себе равных. Воронихин — зодчий всеевропейского масштаба. Он — прекрасный дизайнер, много нарисовавший и в Городне, и в Братцеве, от плана дома, усадьбы до мельчайших элементов интерьера: от дверной ручки до ваз и светильников. В домах Городни, Братцева — все очень органично.

Андрей Никифорович прекрасно чувствовал местность. Это, с одной стороны, как бы фантастическое проникновение в пейзаж с учетом рельефа территории, с другой — сочетание обширного масштаба прорисовки с потрясающей интимностью. Небольшой домик. Такой простоты и масштабности мог добиться только мастер высочайшего класса.

Дома в Городне и Братцеве стоят особняком в его архитектурном творчестве. Кстати, Андрей Никифорович был одним из участников конкурса проектов храма Христа Спасителя в Москве. Но мало кто знал, что первые шедевры Воронихина находится в Калужском крае и в подмосковном Братцеве.

...И еще более трех десятилетий властвовала в Городне княгиня Наталья Петровна Голицына. Как известно, вся семья перед ней трепетала, а она еще до конца своей жизни называла своих детей уменьшительными именами: Апраксину — Катенькой, хотя ей было уже далеко за шестьдесят, сын для нее был все еще Митенькой. Привыкнув считать их своими маленькими детьми, будучи сама уже довольно стара, она никак не могла себе представить, что они немолоды. Очевидцы рассказывали, когда московский генерал-губернатор Дмитрий Владимирович приезжал в Санкт-Петербург, останавливался в родовом материнском доме, ему отводили комнаты в антресолях. И княгиня всегда призывала своего дворецкого и приказывала «позаботиться, чтобы у Митеньки было все нужное, а пуще всего смотреть, чтоб он не упал, сходя с лестницы». Он был очень близорук, но очки не носил, предпочитая лорнет.

Дмитрий Владимирович и его супруга были людьми премилыми, в 1820 году он стал генерал-губернатором и правил столицей неотступно четверть века. В Москве все любили Голицыных.

Наталья Петровна в летние месяцы продолжала приезжать в Городню. 26 августа 1825 года в имении в честь благотворительной и достойно уважаемой статс-дамы княгини Натальи Петровны состоялся праздник. В день своих именин при многочисленном семействе родных она была окружена единодушной семьей особ, ею благодетельствованных и ей душевно преданных.

В «Сыне Отечества» это торжество описывалось так: «Местом действия было прелестное село Городня, принадлежащее ее сиятельству и находящееся в семи верстах от Калуги.

В это время обыкновенно бывает здесь ярмарка, на которую посетители и начали собираться. Княгиня, дочери ее Екатерина Владимировна Апраксина с супругом и графиня Софья Владимировна Строганова; сын княгини, г. московский генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын с супругой княгиней Татьяной Васильевной с детьми и несколько особ из высшего круга московских жителей, прогулявшись на ярмарке перед обедом, снова возвратились туда вечером. На возвратном пути от ярмарки к дому княгиня с гостями должна была проезжать мимо рожи, достойной замечания тем, что одна половина оной была насажена ее прабабкой, а другая — попечением самой княгини. В сей-то роже ожидал ее первый сюрприз. По великолетно освещенной аллее повели княгиню в нарочно устроенный кофейный дом.

Несмотря на то, что многочисленные имения были голицынские, Наталья Петровна до последних дней своей жизни самовластно всем заведовала. Дочерям при замужестве выделила по 2 000 душ крепостных крестьян, а сыну ежегодно выдавала по 50 тысяч рублей ассигнациями.

Будучи начальником Москвы, он не мог жить как частный человек, и, хотя получал от казны на приемы и угощения, этого ему явно не доставало. И он принужден был брать в долг. Это стало известно государю Николаю Павловичу, и он говорил княгине, чтобы она дала что-нибудь своему сыну. Тогда она смилостивилась и прибавила ему на содержание еще 50 тысяч рублей ассигнациями, считая, что щедро его награждает. Но из имения, находящегося в Рождествене, до самой кончины ее он ничего не имел. Она умерла в 1837 году, а князь Дмитрий Владимирович — в 1844, следовательно, он провел всю свою жизнь, почти ничего не имея, и только за семь лет до кончины получил следовавшие ему 16 тысяч душ крепостных крестьян.

Умерла Наталья Петровна от роковой случайности в год гибели Пушкина, пережив его на несколько месяцев. На могильной плите выбиты слова: «Под сим знаком погребено тело супруги бригадира, статс-дамы и ордена Святой Екатерины кавалерственной княгини Натальи Петровны Голицыной, урожденной Чернышовой, скончавшейся в 1837

году декабря 20 дня в 11 часов пополудни на 98 году от рождения, родилась января 17 дня 1739-го».

Похоронена княгиня Наталья Петровна была в Москве, в Донском монастыре.

Коммуна, колхоз, СПК «Нива»

...Прошли десятилетия. И журнал «Старые годы» (июнь — сентябрь 1910 года) так описывал голицынское имение под Калугой: *«Теперь Городня покинута: хозяева туда не ездят. Дом некоторое время сдавался дачникам. Угасла нарядная жизнь, которая изображена на старых литографиях, с гуляющими по саду хозяевами, с подстриженными деревьями, разбитыми цветниками, красивой чугунной решеткой при въезде, ее не существует. Внутренность дома не жилая, не сохранилась обстановка, окружавшая княгиню. Осталось немного старой мебели, на нескольких картинах несколько малоинтересных портретов, лучшие из них — работы Соколова — изображают князя В.Д. Голицына мальчиком... Пересмотреть приятно альбом. В теперешней Городне любишь, вспоминаешь старые соблазнительные красоты».*

...И еще прошло время. Год 1919-й. В России — разруха, голод. В Калуге — военный гарнизон, знаменитые Бобруйские склады. А в нескольких километрах от города — культурное хозяйство — бывшее имение князей Голицыных.

Инициаторами создания в Городне земледельческой коммуны стали солдаты-большевики Калужского гарнизона, проходившие воинскую службу в Бобруйских складах, передислоцированных в годы Первой мировой войны из Бобруйска в Калугу. Прежде всего они стали агитировать своих единомышленников, рабочих города, крестьян. Особенно рьяно агитировал за вступление в земледельческую коммуну комиссар артсклада, участник революции 1905—1907 годов А.А. Александров.

Основное ядро будущей коммуны составили рабочие артсклада. Первыми коммунарами стали С. Банцерж, Н. Капитонов, Д. Басалаев, М. Маслов, И. Саприко, С. Фурман, С. Овсянный, Е. Серкина, сестры Борисевич и другие. Эту первую в нашем крае земледельческую коммуну назвали «Красным городком», председателем избрали С.С. Банцержа. В коммуну вступило 68 человек: 15 мужчин, 27 женщин, шесть подростков и 20 детей. Местные власти выделили коммуне «Красный городок» 200 десятин земли, из них — 68 десятин пахотной. Передали коммуна-

рам и сохранившийся в имении сельхозинвентарь: четыре косилки, три жатки, молотилку, веялку, сеялку, несколько плугов, борон, культиваторов, двое конных граблей, маслобойку с сепаратором, 21 лошадь, около 40 голов крупного рогатого скота, 18 свиней, 12 овец, птицу.

Несмотря на голод и разруху, Гражданскую войну, Калужское губбюро коммун ассигновало «Красному городку» на экономические нужды 100 тысяч рублей (по курсу того времени).

Благодаря опеке государства и шефской помощи артсклада, коммунары вылечили скот, отремонтировали сельхозинвентарь, успешно провели весенний сев и осенью собрали неплохой урожай, обеспечив семенами озимый и яровой клин, а скот — кормами.

Для укрепления коммуны часть скота и сельхозинвентаря была передана в «Красный городок» из культурного имения «Авчурино».

В декабре 1919 года со слов Дмитрия Платоновича Корпункова — работника губзема, бывшего крестьянина из деревни Перерушево, — о коммуне «Красный городок» узнал В.И. Ленин.

В 1920 году на полях коммуны появился первый трактор. Важным событием в жизни коммуны стала свадьба коммунара И. Саприко в том же 1920 году. Из Калуги на торжества пригласили духовой оркестр. Вслед за первыми молодоженами сыграл свадьбу и коммунар Д. Басалаев.

В 1934 году коммуна была реорганизована в колхоз «Красный городок». И уже в первые годы коллективизации «Красный городок» славился стопудовыми урожаями, достижения передовиков этого колхоза экспонировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

В числе организаторов коммуны был и С.В. Овсяный, позднее возглавивший колхоз «Красный городок» и руководивший им в течение 30 лет.

Потом война, оккупация. При отступлении немецко-фашистские захватчики (28 декабря 1941 года) дотла сожгли Красный Городок.

27 января 1942 года в акте обследования колхоза его председатель Е.Я. Баринов записал: «...имелось семь домов и два двухэтажных — все сгорело, а также шесть сараев, конюшня, скотный двор, все два зернохранилища» (ГАКО).

...В Архитектурном музее имени Щусева (Москва) наряду с литографиями С. Лукина хранятся фотодокументы декабря 1941 года: сожженное оккупантами-вандалами XX века единственное в Калужской области творение великого Воронихина.

И колхозникам пришлось заново строить коллективное хозяйство: уже в 1942 году они шлют на Западный фронт обозы с зерном, картофелем, мясом.

4 ноября 1945 года областная газета «Коммуна» писала, что колхоз «Красный городок» до конца года сдаст государству сверх плана 300 пудов зерна, 1 200 пудов картофеля. Сообщала газета и об урожайности зерновых культур — 10,8 ц с гектара. Через четверть века колхозники утроили этот показатель. Пшеница дала по 37 ц с гектара, а овес на одном из участков — 41 ц!

В первый послевоенный год в Красном Городке был создан государственный сортоучасток во главе с участником Великой Отечественной войны К.А. Одеlevским и его супругой Екатериной Ивановной Ремезовой. На их испытательных участках пшеница «мироновская-юбилейная» дала по 60 ц зерна в пересчете на гектар.

За большие заслуги в области растениеводства Константин Александрович был награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему было присвоено почетное звание «Заслуженный агроном РСФСР», Екатерина Ивановна была удостоена золотой медали ВДНХ.

Долгое время бригадиром комплексной бригады в колхозе работала участница Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР Наталья Ивановна Марусева.

Зимой 1970 года колхозники соседнего колхоза имени К. Маркса (деревня Ждамирово) объединились с колхозом «Красный городок», новое коллективное хозяйство стало называться колхозом имени В.И. Ленина, председателем которого был избран Л.М. Белов — специалист сельского хозяйства (ветеринар). Затем колхозом имени В.И. Ленина руководил ученый агроном Леонид Семенович Зиборов. Ныне это сельхозкооператив «Нива».

Трудовую деятельность в этом колхозе в 1975 году начал ученый агроном Владимир Иванович Чигищев, он сотрудничал со специалистами Калужского госсортоучастка Константином Александровичем Одеlevским и Еленой Ивановной Ремезовой. Работая в Красном Городке главным агрономом, Владимир Иванович применил современные достижения сельскохозяйственной науки, прогрессивные технологии возделывания зерновых, кормовых, технических и продовольственных культур, что позволило добиваться высоких и устойчивых урожаев при любых погодных условиях.

К.А. Оделевский, Шура Горюнова и Е.И. Ремезова на поле Калужского госсортоучастка

Стараниями Владимира Ивановича был полностью механизирован зерноток, построены добротные складские помещения. Во время уборки урожая десятки электромоторов помогают земледельцам доводить зерно до высоких кондиций.

Владимиру Ивановичу досталось трудное «наследство». И он начал с комплектования команды единомышленников. Первый год работы сельхозкооператива «Нива» стал для Владимира Ивановича архисложным: каждый день он начинал с экономики и экономии, считал каждую копейку. Главным противникам стал диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

И уже 2002 год закончили с прибылью в 4,5 млн рублей, рентабельность по сельхозкооперативу составила 59 %, а в растениеводстве он достиг 211 %, причем по картофелю еще больше — 280.

Лето 2003 года выдалось сложным, зерно снималось влажным, и почти 70 % ГСМ потратили на его сушку. В целом зерна собрали более 1 600 т, молока произвели 1 500 т, картофеля — 1 000 т.

В кооперативе культивируется черно-пестрая порода коров, стопроцентной породностью. В 2002 году надоили на одну корову по 6 049 л молока. Зарплата на одного работающего за 2002 год в среднем составила 4 600 рублей в месяц, в целом фонд зарплаты вырос с 60 тысяч в 1995 году до 622 тысяч рублей в 2002. И это — не предел.

Главное в работе руководителя, считает Владимир Иванович, — видеть в сельхозработном прежде всего человека, а уж потом механизатора или доярку, жить их заботами, проблемами, радостями. А главный метод воспитания — убеждение. Текучесть кадров небольшая, хотя рядом — город с его соблазнами, где более высокая зарплата, наличие выходных дней.

В сельхозкооперативе разработана четкая система льгот, среди которых дополнительная зарплата, натуроплата, дополнительные отпуска в зависимости от профессии, стажа работы и др.

Говоря о команде единомышленников, Владимир Иванович прежде всего отметил В.А. Деброву — заслуженного агронома страны, Н.И. Марусеву — Героя Социалистического Труда, бригадира СПК «Нива», Т.П. Голыдьбину, И.А. Худякова, картофелевода И. Глушенкова, механизаторов С. Губанова, В. Деброву, С. Голыдьбина, животноводов Г. Кузнецову, Е. Мельник, телятниц Веру и Свету Голыдьбиных, Ольгу Губанову. И задача руководителя — дать возможность своим подчиненным успешно реализоваться, полностью раскрыть свой потенциал.

За время работы В.И. Чигищева на посту председателя сельхозкооператива «Нива» производительность труда возросла на 148 %, общий объем валовой продукции — на 139, производство зерновых — на 194, производство молока — на 224 %.

В.И. Чигищев возглавляет Аграрный союз Калужской области.

Воронихинское творение сегодня под охраной государства (сожженный фашистами главный дом бывшей усадьбы Голицыных после войны был восстановлен).

А в Красном Городке, недалеко от воронихинского архитектурного шедевра, говорливо бежит по камешкам небольшая речушка Городен-

Н.И. Марусева —
бригадир СПК «Нива»

ка, по берегам которой когда-то на иноходцах совершали прогулки два выдающихся сына России Андрей Воронихин и Павел Строганов.

И сегодня по широким аллеям красногороденского парка, по раздольным лестничным маршам бывшей загородной виллы «усатой княгини» весело бегают шумливые деревенские ребяташки (в этом здании уже несколько десятилетий — основная школа, директорами которой работали С.Ф. Ситников, Т.И. Гришина, А.В. Панкратова, а сегодня коллектив учителей и учащихся Красногороденской школы возглавляет Галина Ивановна Степных).

Учителя рассказывают ребятам о Воронихине, Голицыных, Строгановых.

Говорят о том, что, в области создается специальный фонд по восстановлению усадебного комплекса «Городня», и пусть эта книга вдохновит спонсоров, меценатов на выделение средств на восстановление усадьбы. Со временем, создав мемориальный музей, можно будет открыть и международный туристский маршрут «Москва — Калуга — Красный городок — Таруса», ибо туризм — наиболее эффективная отрасль экономики.

Академик из крестьян А.Е. Карнеев (Корнеев)

Аким Егорович Карнеев (Корнеев, 1833–1896) — русский живописец — писал в 1869 году: «...родина моя Калужская губерния, Тарусского уезда, села Сашкина [ныне — Ферзиковский район Калужской области], год рождения по материнскому свидетельству 1833-го января 24 дня».

Родился Аким Егорович в крестьянской семье. Вскоре в селе Сашкине открылась церковно-приходская школа (1843 год). И одним из первых поступил в нее учиться Аким Карнеев. Школа содержалась за счет прихожан: родителям приходилось платить от четырех до восьми рублей в год.

Своими яркими способностями к рисованию Аким Карнеев привлек к себе внимание своего первого учителя В.И. Ильина. Василий Иванович стал давать полюбившемуся ученику имевшиеся у него гравюры для копирования пером. И крестьянский мальчик успешно справлялся с этой задачей.

На выпускных испытаниях эти робкие рисунки пером заметили члены комиссии — окружной начальник Владимир Фаддеевич Коллонтай и управляющий Палатой государственных имуществ Александр Васильевич Брилевич. Они послали рисунки к министру государственных имуществ графу Киселеву, от которого было получено распоряжение направить талантливого крестьянского мальчика Акима Карнеева в Московскую (вторую) школу рисования, учрежденную графом Сергеем Григорьевичем Строгановым.

Перед поступлением в эту школу Аким Карнеев несколько месяцев занимался у учителя рисования калужской гимназии Александра Белова.

В школу поступил в 1848 году и обучался по многим отраслям рисования. Его учителями были: по рисованию фигур — Иван Петрович Орлов, ландшафтов — Егор Филиппович Барановский, цветов — Михаил Васильевич Васильев, перспективы — академик Карл Иванович Рабус, орнаментов — Осип Осипович Коломб.

Из рисовальной школы Аким Карнеев был выпущен с аттестатом, дававшим право на преподавание рисования в уездном училище.

Аким Егорович писал в своей «Автобиографии»: *«После пятилетнего моего учения в школе Господину Министру при докладе обо мне было угодно дать мне совершенную свободу, почему я и решился поехать в Санкт-Петербург поступить в Академию Художеств, причем я был уволен из сословия Государственных крестьян...»*

Обучение в Академии продолжалось восемь лет, хотя выпускник рисовальной школы — «строгановки» — в 1853 году был принят на третий курс. Первые годы он посещал академические классы рисования, живописи, лекции по анатомии и теории изящных искусств, подавал на экзамены по заданным темам эскизы каждый месяц и имел от Академии медали: за рисунок группы карандашом — серебряную 2-го достоинства, такую же медаль — за портрет масляными красками. Первая серебряная медаль получена за картину «Приготовление невесты к венцу» (1856). Вторая золотая — за картину «Отправление крестьянского мальчика в училище». Первая золотая — за программу «Общество трезвости», проданную за границу (это уже мировая известность!).

Профессором А.Е. Карнеева в Академии художеств был Алексей Тарасович Марков, которому он многим обязан за добрые советы и наставления в живописи.

В сентябре 1860 года Аким Егорович закончил академический курс, а 26 июня 1861 года был отправлен за границу, как пенсионер Академии на шесть лет, получив пенсию по 300 рублей в год и 200 рублей на путевые издержки в оба конца.

Изучать европейское искусство Аким Карнеев начал с Германии, по пути останавливаясь в ее живописных городах, посещая картинные галереи.

Почти два года провел он в Париже, сделав две копии в музеях Лувра и Люксембурга. Одна из них изображала встречу Генриха III с Дюком Гизом накануне смерти последнего (работа К. Конта), другая — «Пор-

трет Неизвестной особы» Вандика. Копировал А.Е. Карнеев и работы художников эпохи Возрождения.

В 1862 году Аким Егорович переехал в Лондон; его пребывание в Тулльском Альбионе совпало с проведением там Всемирной выставки.

В следующем году Аким Егорович приезжает в солнечную Италию и работает в ней три года. В Риме он пишет несколько этюдов, акварельных рисунков, копирует произведения известных мастеров эпохи Возрождения.

Главная его работа «римского периода» — картина «Неравный брак», за которую Академия художеств Санкт-Петербурга в 1867 году присвоила ему звание академика живописи и чин титулярного советника.

По заказу Ея Императорского Высочества Марии Николаевны в Риме Аким Егорович сделал два акварельных рисунка во время путешествия по Савойе — «Народные сцены».

Его первая картина «Приготовление невесты к венцу» долгое время находилась в частной коллекции московского купца Алексеева, как и вторая его работа — «Отправление крестьянского мальчика в училище». А картину «Общество трезвости» А.Е. Карнеев продал, будучи за границей, Гарину.

В Санкт-Петербурге, в РГИА (Российском государственном историческом архиве) хранится личное дело А.Е. Карнеева за 1863—1869 годы, в котором содержатся рапорты пенсионера Академии художеств из Парижа, Лондона, Женевы, Рима о своих занятиях живописью, о работе над картиной «Неравный брак, или Комическая серенада» (из обычаев римлян). Эта картина экспонировалась на публичной выставке в Санкт-Петербурге в 1867 году.

Аким Егорович имел учениц, одну из которых он назвал в своей официальной автобиографии. Это дочь помещика города Корчевы Тверской губернии Софья Андреевна Аухрбах. Он обучал ее работе с масляными красками пять месяцев, и за это время у ее отца в имении написал картину «Приготовление невесты к венцу» (1856).

За искусство и отличные познания в живописи, доказанные исполненными им за границей работами, по определению общего собрания Академии 10 сентября 1867 года А.Е. Карнеев был удостоен звания академика с присвоением на основании Устава о службе, по определению прав чина IX класса.

Указом правительствующего Сената (по департаменту Герольдий) от 14 апреля 1871 года № 1463 он был «утвержден в чине Титулярно-

го Советника со старшинством со дня удостоения его звания Академика со старшинством». В Примечании было отмечено: «...на основании 550 ст. Т. III, кн. 1 изд. 1857 г. время пребывания за границей в качестве пенсионера зачитается в действительную службу. Женат на дочери академика Александре Фоминичне Тороповой, вероисповедания православного. Детей не имеет».

Возвратившись из Рима, Аким Корнеев и его супруга Александра Фоминична едут в Крым и поселяются на постоянное местожительство в Севастополе, «для художественных наблюдений», для продолжения занятий живописью.

Особенно плодотворным для Акима Егоровича стал 1872 год, когда он вместе с художником-академиком Васильевым работал над внутренней отделкой храма Святого Николая на Севастопольском военном кладбище. За выдающиеся заслуги на этом поприще канцелярия Морского министерства и правление Академии художеств 22 февраля наградили этих выдающихся академиков живописи орденами Святого Станислава III степени.

Титаническая работа была проделана ими и в следующем, 1873, году: были сделаны сотни эскизов, выполнена настенная живопись в храме Святого Александра Невского в Севастополе. И совет Академии художеств в Санкт-Петербурге дал превосходное заключение на представленные эскизы.

В 1882 году академик живописи Аким Егорович Карнеев создает в этом южном приморском городе рисовальную школу и тем самым оказывает городскому обществу посильную помощь в развитии искусства, передает своим ученикам — молодым людям, имеющим призвание и желание посвятить свою жизнь искусству живописи, — свой богатейший опыт умелого рисовальщика-живописца.

В личном деле Акима Карнеева сохранились документы, подтверждающие, что во время росписи храмов Севастополя ему приходилось выезжать в обе столицы. 11 ноября 1870 года ему было выдано свидетельство на проживание в Санкт-Петербурге и разрешение проезда в Москву.

В храме Святого Николая в Севастополе Акимом Егоровичем написаны в нишах восковыми красками изображения на библейские темы: «Поцелуй Иуды», «Распятие Иисуса Христа», «Воскресение Лазаря», «Воскресение Наинской дочери», «Христос Эмануил и Христос Воли

и Совета Ангел» (1867–1869 годы). Это подтвердил сам академик живописи в автобиографии «1869 года августа 14 дня».

3 декабря 1883 года за умелое руководство начальной рисовальной школой и другие заслуги в области живописи Аким Егорович получает орденские знаки Святой Анны III степени.

Но не все подвластно человеку. Сказывается перенапряжение. В 80-е годы супруга Акима Егоровича Александра Фоминична пишет во многие инстанции о необходимости назначения пенсии академику живописи в связи с его тяжелой болезнью.

Ныне в Москве, в Третьяковской галерее (Каталог живописи XVIII — начала XX века. С. 199–200) имеется несколько работ Акима Егоровича Карнеева: «Неравный брак» (1866) — эскиз к картине (поступил в 1956 году); «Три итальянки» — этюд для той же картины (поступил в 1927 году); «Итальянка в зеленой кофте» — этюд к той же картине (поступил также в 1927 году).

Похоронен академик живописи Аким Егорович Карнеев в Севастополе в 1896 году. В Ферзиковском районе, в т.ч. и в поселке Ферзиково, живут его потомки по материнской линии — Никишины.

Духовник царской семьи И.Л. Янышев

Богата калужская земля достославными людьми, выдающимися сынами России. Один из них — протопресвитер, духовник царской семьи отец Иоанн Леонтьевич Янышев, весь жизненный путь которого был посвящен без остатка служению Церкви и Отечеству.

Родился Иоанн Янышев в селе Сашкине бывшего Тарусского уезда Калужской губернии в семье дьякона местной церкви, начальное образование получил дома, продолжил его в Калужской духовной семинарии, затем в Санкт-Петербургской духовной академии, по окончании которой служил при посольствах России в странах Западной Европы в должности настоятеля храма и проводил большую работу по ознакомлению западных богословов с православием.

В 29 лет Иоанн Леонтьевич становится профессором богословия и философии Санкт-Петербургского университета. Ему не было и сорока, когда видного богослова и философа отца Иоанна пригласили в Копенгаген для преподавания Закона Божьего датской принцессе Дагмаре, вскоре принявшей православие и ставшей супругой императора России Александра III, правившего страной с 1881 по 1894 год.

Царствование Александра III современники называли «непродолжительным, но славным». Он унаследовал государство, глубоко потрясенное смутой. И первой его заботой было успокоение страны, взволнованной убийством Александра II — «Царя-Освободителя».

Целым рядом мудрых законодательных и иных мер нового государя это успокоение вскоре было достигнуто, жизнь страны вошла в свое обычное русло, мирный труд россиян стал увеличивать народное благосостояние.

Значение России среди европейских держав быстро поднялось на недостижимую высоту, к слову русского царя, как к высшему закону, начал прислушиваться весь мир. Потомки увековечили Александра III славным именем «Царя-Миротворца».

После замужества датской принцессы отец Иоанн более 20 лет служил ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а с 1883 года стал духовником царской семьи и протопресвитером Московского Благовещенского собора и собора Зимнего дворца.

В бытность свою ректором духовной академии при всей своей занятости отец Иоанн постоянно интересовался и следил за жизнью и успехами своих земляков-калужан. С отеческой заботливостью относился он к калужским слушателям академии, в великие праздники Рождества Христова и Святой Пасхи пользовавшимся родственным гостеприимством и простотой обращения со стороны высокопоставленного хозяина и его супруги Александры Ефимовны.

Сестра супруги Лариса Ефимовна жила в деревню Русино, что рядом с селом Сашкино. Изредка приезжал сюда и отец Иоанн, и всегда встречался с прихожанами местного храма, выяснял их нужды, помогал материально.

В один из таких приездов он решил оказать помощь землякам в области просвещения. На свои средства на окраине села было решено построить двухэтажную школу из кирпича, по окончании которой ее выпускникам предоставлялось бы право работать учителем, бухгалтером-счетоводом или служителем церкви.

Иоанн Леонтьевич Янышев всегда интересовался жизнью родной Калужской епархии, вспоминал свою жизнь и учебу в семинарии, оказывал своим землякам материальную помощь. «Калужские епархиальные ведомости» (1899. № 1 от 15 января) сообщали в передовой статье «Торжество открытия второклассной церковно-приходской школы при селе Сашкино Тарусского уезда»:

...Девятое декабря 1898 г. для села Сашкино было днем особого торжества по случаю освящения вновь устроенной второклассной школы. Это село — родина Его Высокопреподобия о. Протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева, которому принадлежит и первая мысль об устройении здесь большой школы. Движимый любовью к своей родине и ее населенцам, маститый Протопресвитер Иоанн Леонтьевич положил от себя и первую лепту на основание школы.

Торжество освящения было начато утренним богослужением в приходском храме, которое совершили местный священник, заведующий школой Н.И. Ли-

хачев и о. епархиальный наблюдатель. Во время утрени епархиальным наблюдателем вместе с заведующим школой в Ливадию была послана телеграмма Его Высокопреподобию Иоанну Леонтьевичу Янышеву с тем расчетом, чтобы она ко времени пришла по назначению освящения школы. В телеграмме сообщалось: «Ныне освящаем школу. Молимся о здравии Вашего Высокопреподобия».

За утренней следовала литургия, на которой заведующий школой местный священник Н.И. Лихачев сказал причастствующее событию слово: «Задача школы не грамоту только сообщать. Задача школы развить каждую из добрых сил питомца, удовлетворить запросам каждой из лучших потребностей его природы, сделать его христианином. Задача нелегкая. Но и этого еще мало для жизни. Воспитатели школы должны создать из своего питомца Царю и Церкви слугу усердного и послушного, обществу и Отечеству — гражданина честного, отцу и матери — сына скромного, жене — супруга нежного и попечительного о семье.

Вот как далеко должно простираться благодеяние школы!

Возблагодарим же Господа Бога, даровавшего нам этот дар. Вознесем теплую молитву о Государе нашем, Св. Синоде, ближайших школьных властях и дорогом земляке нашем Его Высокопреподобии о. Иоанне Леонтьевиче, чрез которых ниспослан этот дар».

По окончании литургии священнослужители с крестным ходом, сопровождаемые народом, отправились во вновь устроенную школу для освящения ее при пении хора певчих (под руководством учителя П.Н. Протопопова).

Перед началом освящения о. епархиальным наблюдателем была сказана речь о значении и задачах этой школы:

«Ученье — свет, неученье — тьма. Неграмотный видит только вблизи, вокруг и около себя, а грамотный — все, что делается в его и других государствах, и не только сейчас, но и сотни, тысячи лет тому назад (...). И благодарение Богу, земля наша, как сетью, покрывается школами народными, церковными. Вот и еще одна из них прибавляется к школам нашей местности. Но эта школа, если не мать, то старшая сестра будет наших школ и среди них (...). Правда, ваша местность не бедна школами, по сравнению с другими местами. Но и тут найдется немало селений, для которых она дорога (...). Новооткрываемая школа приготовит из вашей среды учителей, которые разнесут грамоту по всем селениям своего края, и желающих видеть детей своих грамотными.

Помолимся Господу Богу, да ниспошлет Он освящающую благодать свою на сей дом, во славу Его же Промыслителем нашим созданный».

Далее было молебное пение на освящение воды для окропления вновь устроенного здания. По окончании молебна было провозглашено многолетие Государю Императору и всему Царствующему Дому, и другим, в т.ч. Его Высокопреподобию Иоанну Леонтьевичу Янышеву, а также всем начальствующим, учащим и учащимся в новоустроенной школе.

В конце скромной трапезы о. уездный наблюдатель сказал: «Итак, в Тарусском уезде, в с. Сашкине освящена и открыта второклассная школа. Зажжен све-

тильник и поставлен на свещнице, чтобы светить; зажжена свечка, от которой должно родиться множество меньших свечек, чтобы распространить этот свет и дать проникнуть ему даже в самые глухие уголки нашего уезда (...). Дай же Бог, чтобы школа эта много, много лет служила светильником, чтобы она оправдала то высокое доверие, которое возложил на нее наш Благоверный Государь. Дай же Бог, чтобы она была достойным памятником любви к родине Иоанна Леонтьевича, благодаря которому эта школа и выросла. Дай же Бог, чтобы из питомцев этой школы выходили молодые труженики, воспитатели меньших братьев своих родителям на утешение, Церкви и Отечеству на пользу».

Это второклассное училище содержалось на средства прихожан и родителей учащихся (от четырех до восьми рублей в год). Право на бесплатное обучение имели дети крестьян деревни Русино, в которой находилось имение сестры жены Иоанна Леонтьевича Янышева. Своеобразную плату с них все же брали: они должны были петь в церковном хоре.

Из первого выпуска (15 человек) звание учителя начальных классов получили Яков Старостин, Илья и Петр Степановы. А сын крестьянки Прасковьи Гусевой, прислуживающей в помещичьем доме, стал бухгалтером-счетоводом.

После 1917 года школа в селе Сашкине стала трудовой школой второй ступени, затем семилеткой, а с 1938 года — средней. Образование в ней получили многие достославные сыны Отечества, в т.ч. Герой Советского Союза Н.В. Бычков, генеральный директор ОАО «Калита» Н.И. Яковлев, учитель В.Г. Малашин и другие. Директорами школы в послевоенные годы работали А.В. Улыбина, Н.А. Шиян (Савицкая), И.Д. Митрохин и другие.

...В 1901 году общественность России отмечала 50-летие священнической деятельности отца Иоанна Леонтьевича Янышева.

В связи с этим император Российский Николай II подписал высочайший рескрипт, отметивший выдающиеся заслуги отца Иоанна перед Церковью и Отечеством: *«Сегодня, в день исполнившегося 50-летия со времени рукоположения вас в священнический сан, Мне отрадно остановиться на выдающихся сторонах пастырского служения вашего. Посвятив себя преподаванию Слова Божия и неся затем в течение 17 лет обязанности ректора и профессора богословия в Санкт-Петербургской духовной академии, вы снискали себе почетное имя как обширными богословскими трудами и знаниями, так и твердым руководством в подготовке будущих пастырей Церкви к их многотрудному и ответственному служению. Столь выдающиеся до-*

стоинства в связи с отличными душевными качествами вашими побудили в бозе опочивших Деда и Отца Моих поручить вам обязанностям возлюбленного духовника Моей Родительницы, а впоследствии и всего Царского Семейства.

С тех пор, участвуя в духовной жизни и во всех достопамятных делах Императорской Семьи, вы всегда радовались и скорбели вместе с Нею, преподавая с истинной любовью слова назидания и утешения.

Не могу не вспомнить и о плодотворной деятельности вашей по заведыванию придворным духовенством, которое, получив в 1883 году самостоятельное управление, всегда имело в лице вашем отличного руководителя и радателя о его нуждах. Воздвигнутый по мысли незабвенного Родителя Моего, трудами вашими дом призрения вдов, сирот и престарелых лиц придворного духовенства всегда будет служить наглядным доказательством попечительной, в этом отношении, заботливости вашей.

С чувством искреннего уважения, вспоминая столь достохвальное полувековое служение ваше, Мне приятно почтить вас знаком Моего внимания, жалуя препровождаемые при сем настольные соединенные портреты Императора Александра III и Мой, осыпанные бриллиантами.

От души желаю, да продлит Господь еще надолго дни жизни вашей на служение Церкви и Отечеству, всего доброго и светлого.

Поручая Себя молитвам вашим, пребываю к вам навсегда неизменно благосклонный Николай II.

В Царском Селе, 30 декабря 1901 года».

Прислал поздравительную телеграмму и Его Преосвященство, Преосвященнейший Вениамин, епископ Калужский и Боровский:

«Его Высокопреподобию Отцу Протопресвитеру Иоанну Леонтьевичу Янышеву. Пятидесятилетнее служение Вашего Высокопреподобия Церкви и Отечеству в священном сане на поприщах профессорства, начальствования в высшем рассаднике духовного просвещения, протопресвитера и духовника Их Императорских Величеств вызывает меня с подведомственными мне учреждениями и со всем епархиальным духовенством в сей знаменательный день благоплодной жизни Вашей принести Вам сердечное поздравление и молитвенное пожелание здоровья и благоденствия на многие грядущие годы во славу Божию на пользу Церкви и Отечеству, к чести Вашей и на радость родного Вам Калужского края».

На это приветствие отец Иоанн Леонтьевич Янышев ответил такими словами: *«Преосвященному Вениамину, епископу Калужскому и Боровскому. Поздравления и молитвенные пожелания мне по случаю юбилея от Вашего Преосвященства с подведомственными Вам учреждениями и духовенством радостно и глубоко отозвались в моем сердце и живо напомнили родной край. Приношу всем искреннейшую благодарность и испрашиваю себе и всему родному краю Вашего святительского благословения. Протопресвитер Иоанн Янышев».*

«Калужские епархиальные ведомости» не раз информировали читателей о благотворительной деятельности отца Иоанна. Вот некоторые из корреспонденций: *«В совет Межевского духовного училища поступили пожертвования от протопресвитера и духовника Их Императорских Величеств Иоанна Леонтьевича Янышева 100 рублей и от протоиерея Кронштадтского собора Иоанна Ильича Сергиева 100 рублей, коих пожертвователей Его Преосвященство благодарит (1902 год)».*

Объявляется Архипастырская признательность Его Преосвященства протопресвитеру и духовнику Их Императорских Величеств И.А. Янышеву за пожертвование в церковь села Опочни (ныне деревня Сашкино Ферзиковского района Калужской области) Тарусского уезда деньгами на вечное время 100 рублей с условием процентами с них пользоваться причту за труды поминания об упокоении его родных и в их приходскую библиотеку от него же отца Янышева книг разнообразного содержания, всего — 450 экземпляров.

Было принято решение пропечатать в местных «Епархиальных ведомостях» почин «Об учреждении стипендии протопресвитера о. Янышева» и о «Положениях», на которых принимаются на эту стипендию воспитанники семинарии. Эта стипендия так и называлась — «янышевская».

...16 сентября 1999 года в деревне Сашкино торжественно отмечалось 100-летие Сашкинской средней школы, выпустившей за это время сотни славных сынов России. Сбылись пророческие слова ее открывателей: более ста лет она несет людям свет, знания, воспитывает славных патриотов России.

Владимир Вознесенский

Владимир Александрович Вознесенский — член социал-демократического союза (подпольная кличка «Жор»). Ему было поручено распространять и пересылать нелегальную литературу по целому ряду организаций Московского округа, что делалось им в течение довольно продолжительного времени. В.А. Вознесенский был учителем, а в 1905–1906 годах — одним из руководителей Калужской организации РСДРП.

После провала типографии В.М. Бриллиантова в Ромоданове он уехал в Тверь, вошел в местную большевистскую организацию и продолжал поддерживать конспиративную связь с калужскими большевиками.

Екатерина Макаровна Роганова — жена Владимира Вознесенского — в 1905 году организовала в Калуге группу учителей-социал-демократов, руководила ею, а также по программе социал-демократов проводила кружковые занятия среди рабочих казенного винного склада. Летом 1906 года она на некоторое время выезжала в Тверскую губернию к мужу, а в конце 1906 года они вновь вернулись в Калугу.

Летом 1905 года Владимир Вознесенский и Екатерина Роганова не раз приезжали к Бриллиантову в Дугну, вместе проводили митинги в соседних лесах близ Петровского и Мышегского заводов.

А 8 января 1907 года на станции Калуга случилось непредвиденное. Ротмистр Никифоров, дежуривший в этот день, докладывал генерал-губернатору: *«...обысканы и доставлены в тюрьму учитель Владимир Александрович Вознесенский и его жена Екатерина Макаровна, урожденная Роганова. При обыске у них отобрано около 50 экземпляров брошюр нелегального содержания, две программы кружковых занятий*

социал-демократической группы и разного рода переписка».

Несколько дней проходят в допросах. Жандармское управление посылает запрос в Тверскую губернию для подтверждения личностей. Получив подтверждение, губернатор выносит решение: *«Руководствуясь примечанием к ст. 21 “Положения об усиленной охране”, постановляю: продлить названным лицам срок ареста до одного месяца»*.

Жандармский ротмистр Дурново жалуется губернатору: *«Достаточных данных для расследования не добыто»*.

Но в деле есть указания на принадлежность Владимира Вознесенского к Тверскому социал-демократическому комитету, под руководством которого он, судя по его письмам, занимался революционной деятельностью в Тверской губернии. Переписка из Твери направляется в Калугу, что служит губернатору основанием для возбуждения ходатайства о выселении Екатерины Макаровны в «определенную местность».

В это время жандармы в Твери собирают компрометирующий материал на Владимира Вознесенского. Проводят обыск в его квартире в Вологонской школе, находят много записок, писем, нелегальных брошюр. И узнают, что в Тверскую губернию он был командирован Московским комитетом РСДРП в распоряжение Тверского комитета. А в 1905 году он был командирован в Орел в качестве профессионального революционера.

Немало компрометирующего материала находят и в записках Екатерины Макаровны, в т.ч. и в письме от 14 августа 1905 года, из которого ясно было видно, что она занималась созданием нелегальных партийных групп. Находясь на службе в общежитии общества взаимопомощи учителей в Калуге, в августе — сентябре 1906 года разучивала с девушками революционные песни «Интернационал», «Слушай» и другие.

В.А. Вознесенский

О супругах Вознесенских узнает министр внутренних дел. И приказывает: *«Вознесенским продлить срок заключения вплоть до особого распоряжения».*

В это время из Твери приходит тюк с «вещественными доказательствами». Переписка с министром затягивается.

29 января губернатор пишет министру: *«Ходатайствую о высылке в определенную местность по Вашему усмотрению с обязательством безотлучного там пребывания сроком на пять лет Е.М. Вознесенской. Настоящее ходатайство вызвано тем, что Вознесенские принадлежат к людям, крайне вредным и опасным по своим политическим взглядам и убеждениям. Восприимчивость им жительства в пределах Калужской губернии на время здесь усиленной охраны не принесет должных результатов и не обеспечит здесь порядок, т.к. Вознесенские, поселившись на границах губернии, легко могут заниматься антиправительственной и агитаторской деятельностью, ввиду чего их высылка в отдаленную губернию и на испрашиваемый мною срок является, по моему мнению, настоятельной необходимостью, как единственная мера, могущая оградить население вверенной мне губернии от вредного влияния Вознесенских. Они с 8 января содержатся в губернской тюрьме. Срок ареста мною определен до одного месяца и оканчивается 8 будущего февраля. Испрашиваю разрешения продлить срок ареста названных лиц до окончания дела о высылке их. Губернатор-италмейстер А. Офросимов».*

Этот документ датирован 29 января. А 16 февраля департамент полиции предписывает калужскому губернатору: *«...министр внутренних дел постановил: выслать Вознесенских под гласный надзор полиции на два года, считая срок с 12 февраля 1907 года».*

Проходит еще несколько томительных дней. 28 февраля из сообщения начальника Калужской тюрьмы губернатору узнаем, что Вознесенские этапным порядком отосланы в распоряжение Вологодского губернатора.

До 15 октября 1909 года Вознесенские прожили в вологодской ссылке и без средств к существованию переехали в село Петрушино Мецовского уезда.

15 июня 1910 года В.А. Вознесенский послал ходатайство губернатору о выдаче справки на благонадежность: *«Жить решительно не на что. Нужна работа, а ее без такой справки не получишь».*

Через неделю приходит ответ: *«Свидетельство о благонадежности выдано быть не может. Губернатор князь Горчаков».*

Дальнейшая судьба Вознесенских автору этих строк неизвестна.

Некоторые калужские краеведы утверждают, что сохранилась фотография 20-х годов, на которой среди городских учителей — и Владимир Александрович Вознесенский. Но это лишь версия.

Может быть, кто-либо из калужан, прочитав этот очерк, расскажет о дальнейшей судьбе Вознесенских, судьбе этой фотографии (просьба сообщить автору этих строк через Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой).

Владимир Маяковский в Калуге

В селе Багдади (город Маяковский, Грузия) в музее великого советского поэта Владимира Владимировича Маяковского мое внимание в экспозиции «Маяковский как художник, творчество до революции» привлекла пожелтевшая от времени афиша, отпечатанная на грубой оберточной бумаге, следующего содержания:

*Калуга. Городской театр.
В субботу 12 и воскресенье 13 апреля.
Два вечера. Два вечера
[в левом и правом углах афиши].*

ФУТУРИСТЫ

*Московских футуристов
К. Большакова и В. Маяковского.*

*Лекция, посвященная выяснению
теоретических основ русского футуризма.*

*В субботу, 12 апреля лекция Владимира Маяковского
«Ноктюрн на флейте водосточных труб».*

Сравнительное изучение стихотворения «Мы с лысенькой».

В воскресенье 13 апреля лекция

«Египтяне и греки, глядящие и черные и сухие какие»

Константина Большакова.

Начало в 8 часов вечера.

И я представил себе апрель 1914-го: мир пока спокоен, еще не свершилось убийство эрц-герцога в Сараево. Тепло и солнечно, по мощным булыжником мостовым (это же по ст. ст., а по новому — 25–26 апреля) канавам стекали ручейки воды, весело бежали к Воробьевке,

Березуйскому оврагу в Оку. На перроне калужского вокзала из вагона вышли два молодых человека, приехавшие в провинциальную Калугу на гастроли. Поняли ли калужане молодых футуристов, экстравагантно одетых, — мучал меня вопрос в Закавказье, в городе Багдади. Размышления об этом привели меня в читальный зал библиотеки им. В.Г. Белинского, расположенной в Калуге на ул. Луначарского. Попросив газету «Калужский курьер» (№ 43 от 17 апреля 1914 года), я сделал выписку, и вот о чем поведала старая газета:

ФУТУРИСТЫ В КАЛУГЕ

Гастролеры из Москвы, поэты-футуристы Владимир Маяковский и Константин Бальмонт остались недовольны Калугой. Последняя отнеслась к ним холодно и до преступного безразлично. Мало того, что на две объявленные лекции публика не захотела оказать честь гастролерам. Но и собравшиеся в количестве 3–4-х десятков человек на первой лекции ничем не реагировали на вызов футуристов.

...На вторую лекцию пришло десятка два. Футуристический доклад подлежал отмене. И только благодаря любезности лично присутствовавшего в театре г. Чухмадина, принявшего на себя убыток, вторая лекция состоялась. Она прошла более оживленно, нежели первая, в духе футуристических диспутов. Из двух субъектов, именующих себя поэтами, более развязен и самоуверен г. Маяковский. Он импонирует хорошей дикцией и плавностью речи. В тоне слышится убежденность, сплетающаяся с самообожанием. Его речь, особенно в репликах диспута, пересыпана словами самовосхваления и резких выражений, подчас очень грубых, по адресу оппонентов.

«Я диктую России законы поэзии», «Я учитель, и вам, а не мне следует у нас учиться», «Если и после этого вы не понимаете меня, то мне приходится сожалеть о вашей ограниченности», «Есть люди, у которых уши... (следует символический знак насчет ослиных ушей). У меня красивый голос. Я вдохновенный поэт; певец музы, а вы — непонимающий меня любитель кафешантана».

И далее автор продолжает в том же духе. Таков приблизительно арсенал оружия, которым оперирует прославленный футурист из стаи московских скандалистов. Справедливость требует сказать, что г. Маяковский просто-напросто не признает авторитетов и для него старые классики обуза, которую надо снять с плеч современности во что бы то ни стало.

...Сказать, что господа футуристы ненормальные люди, нельзя. Их детский лепет не лишен логики и последовательности. Но все направлено на возведение ничтожества.

...Им выгодно дурачить публику, при случае поскандалить. Лишь бы о них больше говорили и писали.

Не ожидал я от калужан такого холодного приема московских футуристов. Что ж, большое видно издалека.

И еще мне вспомнился один эпизод. Когда я учился на литфаке Калужского пединститута, у нас был спецкурс «Творчество Маяковского», и преподаватель рассказал один факт о выступлении Маяковского в Калуге.

Будто бы один гимназист сказал на диспуте:

«Маяковский, мы с товарищем читали ваши стихи и ничего не поняли!»

Владимир Владимирович мгновенно:

«Друзей надо выбирать умных!»

Вот таким был Маяковский в начале своего поэтического пути.

«Красный казначей»

Е.А. Афонин

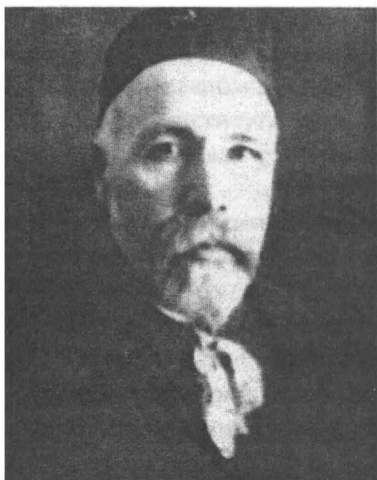
В 1906 году в тюрьме было написано письмо, которое является, по сути, политическим завещанием Ефима Лаврентьевича Афонина — нашего земляка, уроженца деревни Маслово Сугоновской волости бывшего Калужского уезда (ныне Ферзиковский район).

«Дорогой мой, я шлю тебе горячий привет. Моим пожеланием тебе будет, чтобы вместе с твоим ростом росли и развивались твои духовные силы, росло и развивалось самосознание своего “я”, своих человеческих прав. Наряду с развитием разума чтобы росло и развивалось чувство гуманности и сердечности ко всему живущему на земле, но только не к сознательным угнетателям. Пусть всегда и всюду на протяжении всей своей жизни сопутствуют тебе пылливость и жажда знаний, пусть растет и крепнет в тебе жажда борьбы за лучшие идеалы человечества..

Это письмо, быть может, будет единственным наследством, оставленным тебе мною. В этом я уверен. Ведь я живу в такое время, когда каждый честно мыслящий человек должен заботиться не только о своих личных материальных благах, а всего себя отдавать народным интересам и на борьбу в защиту человеческих прав и раскрепощение человеческой личности. Я живу в такое время, когда нужно быть готовым умереть каждую минуту за народное счастье. Твой бодрый и верующий в светлое будущее отец».

Родился Ефим Лаврентьевич 26 декабря 1871 года.

После окончания Сугоновской церковно-приходской школы подростком был отправлен к дяде-трактирщику в город Николаев, где пристратился к чтению, и оно стало его любимым занятием в свободное от работы время. Он стал покупать на свои небольшие заработанные

Е.А. Афонин

деньги книги, и эти мудрые советчики научили его любить жизнь и ненавидеть притеснителей.

К 20 годам он сделал свою «карьеру», став буфетчиком. Но дядюшкино «дело» все больше и больше становилось ему противным, и он, сбежав из трактира, стал книгоношей.

В 1897 году Ефим Лаврентьевич поступил десятником на французский судостроительный завод в Николаеве, где познакомился с революционно настроенными рабочими и впервые стал изучать нелегальную литературу.

Через три года он поступил десятником на станции Раздольная и Голта и начал вести антиправительственную пропаганду среди рабочих Юго-Западной железной дороги.

В 1902 году Ефим Афонин переехал на постоянное место жительства на станцию Голта (ныне — Первомайск). Здесь он вступает в социал-демократический кружок и ведет агитацию среди местных рабочих и крестьян окрестных деревень, призывая их к ниспровержению самодержавия.

Ефим Лаврентьевич — активный участник революции 1905 года, в конце того же года он часто выезжает в Одессу — в социал-демократическую организацию и Совет рабочих депутатов — для налаживания связей.

К этому времени Афонин был уже женат, имел шестилетнего сына Александра, четырехлетнего Николая, шестимесячного Михаила и двухлетнюю Клавочку, проживавших с ним в Голте.

В деревне Маслово, что близ Сугонова, оставались его отец Лаврентий Афанасьевич 51 года, хлебопашец, мать Анастасия 50 лет, брат Иван 24 лет, состоявший на военной службе в инженерных войсках, Егор — 19 лет (хлебопашествовал в Голте, в 1906 году находился в тюрьме), сестра Анна 28 лет, замужем, и 16-летняя Агафья, проживавшая в Маслове с отцом.

17 апреля Ефим Лаврентьевич в городе Ананьеве был привлечен к полицейскому дознанию, основанием для этого явилось то, что у Зинаиды Крамаренко — учительницы местной прогимназии — была обнаружена переписка, из которой полицейские ищейки узнали, что Афонин «участвовал в противозаконных чтениях в аудитории, говорил речи, направленные против существующего общественного и государственного строя». Именно такая формулировка записана в «Сведениях о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого по делу о дочери кременчугского мещанина — учительнице частной прогимназии в местечке Голта Зинаиде Ивановой Крамаренко по обвинениям по 126, 127, 129 и 130 статьям Уголовного Уложения».

А перед этим, 4 января 1906 года, на квартире братьев Ефима и Егора Афониных были произведены обыск и арест.

18 апреля — снова обыск, но ничего предосудительного, преступного обнаружено не было. И все-таки мера пресечения последовала: заключение под стражей в Ананьевской уездной тюрьме. Об этом сообщил в департамент полиции временно исполняющий обязанности помощника начальника Херсонского губернского жандармского управления ротмистр Иванов 19 апреля 1906 года в «Сведениях».

Обвиняемый девятнадцатилетний Егор Афонин находился в это время в сугоновской Масловке, и 35-летнему Ефиму пришлось заплатить за поручительство 500 рублей.

Ротмистр Иванов сообщал в департамент полиции: *«Арестованный по моему требованию Александр Шмидт из-под стражи освобожден. Полученные вещественные доказательства, взятые при обыске квартиры Шмидта, мною уже осмотрены, причем обнаружены одно письмо от Зинаиды Крамаренко и три — от Егора Афонина-Трусова, привлеченных к дознанию по тому же делу. У Шмидта имелись запрещенные издания, о высылке которых его просили в письмах Афонин и Крамаренко».*

Полугодовое пребывание социал-демократа Ефима Афонина в тюрьме не прошло бесследно: он и здесь, за решеткой, продолжал вести политическую агитацию; установив связь с социал-демократами, находившимися на воле, организовал политзанятия с заключенными, вел решительную борьбу с произволом надзирателей. Своей энергией, непоколебимым оптимизмом, твердой верой в победу революции заражал окружающих. Не случайно вначале в Ананьевской тюрьме, а потом и на воле

товарищи почтительно называли его «Батя». Тюремная администрация оставила о нем мнение, как о неисправимом бунтаре.

Ефим Афонин побывал за решеткой в Ананьевской, Херсонской, Елизаветградской тюрьмах.

И в долгие тюремные ночи ему вспоминался 1905 год.

...До станции Голта доходит Обращение Московского комитета РСДРП ко всем рабочим: *«Братья! Сил нет терпеть дальше. Вставайте, товарищи! Бросайте работу, вооружайтесь, кто чем может. Бейте подлецов, которые вас бьют и ваших братьев, стреляйте в тех, кто в вас стреляет, истребляйте без жалости и сострадания. Бастуйте, товарищи! Долой самодержавие! Да здравствует стачка! Да здравствует вооруженное восстание измученного народа!»*

Меньше года пробыл Ефим Лаврентьевич на свободе. И в донесении на имя Н.А. Пешкова — заведующего особым отделом департамента полиции 12 мая 1907 года идет информация о том, что Ефим Афонин привлечен к дознанию в качестве обвиняемого и содержится в Ананьевской тюрьме, числясь за Херсонским губернатором, как подлежащий высылке в Тобольскую губернию.

В РСДРП Ефим Афонин официально был принят в 1905 году. Этому событию предшествовала проверка Афонина со стороны членов партии. Ему поручили устроить побег из полицейского участка одному нелегальному партийному работнику, прибывшему в Голту из Одессы. Афонин с честью выполнил задание партии.

Местные власти давно уже обратили внимание на энергичного десятичника из Голты. То его встречают в кругу еврейской молодежи, тревожно ожидающей очередного погрома, то видят в клубе литературно-артистического кружка, активно выступающего на литературных вечерах, участвующего в спектаклях.

А когда Афонин арендовал для проживания своей семьи буфет, то и вовсе никакого покоя не стало станционным жандармам.

Афонин сплотил вокруг себя кружок самообразования, и кружковцы подолгу засиживались в буфете. И кто знает, что за легальную литературу они изучали: то ли идеи Льва Толстого, то ли еще что.

А тут еще произошел такой случай. Кружковцы во главе с Ефимом Афониным в присутствии станового пристава и урядника с нескрываемой симпатией встречали на своей станции арестованных матросов с восставшего броненосца «Потемкин». Они направлялись из Одессы

в Сибирь, и Ефим Лаврентьевич на перроне держал речь, которую закончил словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С тех пор его зачислили в разряд неблагонадежных и устроили за ним слежку. Лишь революция 1905 года спутала все карты. Дело Ефима Афонина до поры до времени было забыто.

Революционные раскаты доносились и до заброшенной в глуши херсонских степей станции Голта. Чаще стали приезжать к Ефиму Афонину и его друзьям большевики из Николаева и Одессы, при встречах велись разговоры о поддержке рабочих Москвы.

Еще в июле 1906 года стражники во главе со становым приставом провели у него обыск и нашли немало нелегальной литературы. Хозяина квартиры Е.Л. Афонина и троих его друзей отправили в тюрьму.

Один из современников вспоминал: *«Зная, какие ему грозят последствия, Ефим Лаврентьевич в тот вечер, когда его отправляли в тюрьму, в зале первого класса до прихода поезда произнес такую речь, которую без всякого сомнения до этого времени никому не приходилось слышать в стенах вокзала станции Голта».*

Перед отправкой в Тобольскую ссылку он надел красную рубаху и вновь на вокзале станции Голта произнес антиправительственную речь, грозившую ему жестокой расправой вплоть до расстрела. Но даже и высшая мера наказания не страшила молодого революционера. Это был фанатик революции.

...Течет река времени. 7 марта 1908 года. Открытый лист № 2545, составленный в Херсонском губернском полицейском управлении. Из него узнаем, что Е.Л. Афонин (Трусов) «препровождается в Тобольское губернское полицейское управление для водворения под надзор полиции на три года, считая срок с 9 октября 1906 года, требует особо бдительного надзора. Приметы: лет 36, рост два аршина пять вершков, лицо рябое, глаза голубые, волосы, брови, усы русые, нос обыкновенный».

В ноябре 1908 года Ефим Лаврентьевич пишет тобольскому губернатору: *«Постановлением господина министра внутренних дел от 9 октября 1906 года я высылаюсь в ваше распоряжение во вверенную вам губернию сроком на три года. Ввиду того, что я обвиняюсь Одесской судебной палатой по части I статьи 126 и, будучи оправдан на состоявшемся 7 февраля с. г. разборе моего дела, уже отбыл в заключение половину срока, так что мне остается пробыть лишь в ссылке 1 ¹/₂ года, ввиду того, что ко мне в скором времени прибудет жена*

с четырьмя малолетними детьми, в силу чего является необходимость жить вблизи учебных заведений и медицинских пунктов, и для меня лично, как для ремесленника (штукатурные и кирпичные работы) также необходим город, где я мог бы найти средства к существованию.

Ввиду всего этого обращаюсь к вам с покорной просьбой оставить меня на жительство в городе Тобольске».

Сибирскую ссылку Ефим Лаврентьевич проводил в селе Самаровском Тобольского уезда на берегу Иртыша, на почтовом тракте. По данным Статкомитета за 1903 год, в селе были почтовая и земская станции, сельский врач, фельдшер, церковь, построенная в 1716 году, три часовни, волостное правление, двухклассное училище, сельская лечебница, почтовое отделение, казенная винная лавка, одиннадцать торговых лавок, паромная пристань. От уездного города село находилось на расстоянии 407 верст. Число дворов — 176, число жителей: мужчин — 462, женщин — 501.

Из «Списка о состоящем под гласным надзором полиции в селе Самаровском Самаровской волости Ефиме Лаврентьевиче Афонине (он же Трусов)», составленного 5 мая 1908 года, узнаем, что Ефим Лаврентьевич — десятник по гражданским сооружениям — «до сих пор служил на железной дороге десятником, добывая средства к существованию».

Тобольское губернское управление в декабре 1908 года интересуется у тобольского уездного исправника Афоным: *«Первое отделение Губернского управления по приказанию господина управляющего губернией просит Ваше Высокоблагородие доставить сведения о поведении поднадзорного Ефима Афонаина за время проживания во вверенном Вам уезде».*

Ответ на запрос находим в «Удостоверении общества крестьян села Самаровского Самаровской волости Тобольского уезда 1909 года января 11 дня»: *«Мы, нижеподписавшиеся крестьяне села Самаровского, на спрос нашего сельского старосты Чукреева о поведении надзорного, состоящего на причислении по нашему селу Самаровскому Ефима Афонаина, объяснили, что в продолжение надзора Афонин ни в чем замешан не был и поведения скромного; в том и подписуемся. (...) При даче сего удостоверения находился Самаровский сельский староста Чукреев».*

Вот еще один документ, свидетельствующий о целеустремленности Ефима Лаврентьевича: *«14 июля 1908 года. Его Превосходитель-*

ству господину Тобольскому губернатору Административно-ссылного Ефима Афонина, проживающего в селе Самаровском.

Имея специальность десятника по гражданским и искусственным сооружениям и нуждаясь в средствах к существованию, прошу Ваше Превосходительство зачислить меня на службу в строительный отдел при губернском правлении в качестве разъездного десятника для наблюдения за постройкой и ремонтом казенных зданий, мостов, дорог и пр. Причем я узнал, что в селе Самаровском проектируется постройка больницы, за которой будет необходим технический надзор, который, как я узнал, отсутствует. Благоволите ответить в возможно скором времени».

Благодаря любезности директора ГАТО Н.П. Мурашовой и методиста Т.А. Пановой до нас дошли еще несколько документов о Е.А. Афонине за 1909 год. Вот один из них. Афонин просил разрешения посещать занятия в ремесленном отделении Самаровского училища. Вице-директор департамента полиции министерства внутренних дел в секретном письме Тобольскому губернатору писал: «Вследствие отношения от 12 февраля с. г. за номером 1186 Департамент полиции просит Ваше Превосходительство приказать объявить состоящему под гласным надзором полиции в Тобольской губернии крестьянину Ефиму Лаврентьеву Афонину, что прошение о допущении его вольноприходящим учеником в ремесленное отделение при Самаровском двухклассном училище Тобольского уезда министерством внутренних дел оставлено без последствий».

...Идут годы. Вот уже Ефиму Лаврентьевичу 38. Растут ребятишки, их у Афониных уже пятеро: Александру — 9 лет, Николаю — 7, Клавдии — 5, Михаилу — 4 года.

21 июля 1909 года уездный исправник Куриленко докладывает тобольскому губернатору: «Состоящий под надзором полиции в селе Самаровском Тобольского уезда административно-высланный Ефим Афонин, которому срок определенной высылки оканчивается 9 октября сего года, ходатайствует о разрешении в середине сентября отлучки в г. Тобольск и выезде последним пароходом в г. Тюмень. Афонин в месте водворения селе Самаровском имеет жену и пять человек детей».

30 сентября 1909 года Ефим Лаврентьевич пишет тобольскому губернатору: «Ваше Превосходительство, окончив срок надзора и совер-

ишенно не имея средств на обратный проезд с семьей, состоящей из жены и пяти малолетних детей, покорнейше прошу Вас распорядиться о выдаче мне с семьей средств на проезд от г. Тобольска до г. Киева. Следовать же при этапе мог бы лишь я, семья же, состоящая из малолетних слабых детей, абсолютно не может следовать».

Справка: «Афонин выслан на три года от 9 октября 1906 года. В бегах не был. Срок оканчивается 9 октября 1909 года. Седьмого августа с. г. переведен в г. Тюмень согласно ходатайству».

...Наконец трехлетняя ссылка позади. Сохранился документ следующего содержания: «1909 года октября 2-го дня, вследствие резолюции господина вице-губернатора на прошении поднадзорного Ефима Афонина, ходатайствующего об отправлении его с семьей на родину не этапным порядком, в совещательном присутствии врачебного отделения Тобольского губернского управления произведено было освидетельствование жены Афонина Агафьи с грудным двухмесячным ребенком, причем оказалось, что госпожа Афонина среднего телосложения, ослабленного питанием, 29 лет от роду, страдает малокровием, геморроидальными кровотечениями и мышечным ревматизмом левой ноги, кормит грудью двухмесячного ребенка, последний страдает катаром кишок.

На основании вышеизложенного врачебное отделение полагает, что госпожа Афонина, как одержимая помянутыми болезнями и с больным грудным ребенком, следовать этапным порядком не может. Врачебный инспектор Никитенко».

И резолюция: «На жену и пятерых детей выдать путевое пособие до г. Тюмени на две лошади. От Тюмени выдать в размере стоимости билета 3-го класса для жены и для детей старше 5 лет по стоимости детских билетов того же класса. 3 октября. Подпись».

О том, как сложилась дальнейшая судьба вернувшегося из ссылки Ефима Афонина, мы узнаем из письма, полученного агентурным путем и посланного из Калужской губернии за подписью «Ефим Батько» от 6 ноября 1909 года на имя политического ссыльного В. Липаева в городе Холмогоры Архангельской губернии: «Уважаемый товарищ Липаев, здравствуйте. Пишу вам с родины — из глухой деревушки Калужской губернии, куда прибыл 18 октября. Родина встретила меня недружелюбно. У стариков хлеба нет, старожилы смотрят косо, кругом бедность, а отсюда бессознательная злоба на первого попавшего. На

этих днях я еду в Москву (утаптывать мостовую), хочу до апреля по предметам. А весной найти что-нибудь в районе Калуги, Москвы, Тулы, а также хотелось теперь что-нибудь найти вроде прачечной или домашних обедов. В Туле есть земляки, заеду туда и разузнаю, и если что-нибудь будет подходящее, то жена сейчас же придет в Тулу.

Не можете ли вы что-либо в этом отношении помочь? Если да, то пишите возможно скорей: Москва, Софийская набережная, дом Бахрушина, Зинаиде Ивановне Крамаренко (она передаст).

Я в Москве тоже должен найти заработок 10—15 рублей в месяц, удастся ли — не знаю.

Коммуна Белоусова осталась мне должна 18 рублей. Он за оскорбление податного инспектора сидит теперь три месяца.

Кирилл оказался форменный авантюрист, долгов наделал около 400 рублей. Мне пришлось заплатить за него Соскину 5 рублей. Дела свои я передал Максименке. Мне удалось получить у губернатора для семьи 60 рублей и бессрочную книжку для себя».

Это письмо было перехвачено полицией. Департамент полиции делает запрос начальнику Архангельского губернского жандармского управления. 8 декабря получает ответ за подписью полковника Мочалова: «Доношу департаменту полиции, что по спискам гласноподнадзорных и по справке в канцелярии архангельского губернатора в числе политических ссыльных в Архангельской губернии не состоит и не состоял крестьянин Калужской губернии Ефим Батько, а также в текущем году никому из освобожденных для его семейства путевое пособие в сумме 60 рублей выдано не было и выдачи паспортов в означенной канцелярии не производится, за исключением заграничных. По всей вероятности, эти сведения относятся к другой губернии, где Ефим Батько состоял под гласным надзором полиции».

Читатель уже знает, что еще в Ананьевской тюрьме Ефима Лаврентьевича за возраст, опыт работы заключенные уважительно называли «Батькой». Вот и пригодился псевдоним Афонину, запутавшему следы департаменту полиции и жандармским ищейкам Архангельской губернии. Однако их калужские коллеги, видимо, были опытнее. И начальник Калужского жандармского управления 24 декабря 1909 года сообщает в Особый отдел департамента полиции: «Доношу, что разработкой секретного документа, препровожденного мне начальником Архангельского губернского жандармского управления 18 минувшего ноября при

№ 3023 установлено, что автором означенного документа является крестьянин дер. Маслово Сугоновской волости Калужского уезда Ефим Лаврентьевич Афонин, который был выслан в Тобольскую губ. под гласный надзор полиции на три года из гор. Ананьева Херсонской губернии за революционную пропаганду среди крестьян и рабочих, возвратился из означенной высылки на родину за окончанием срока 20-го числа октября сего года. Названный Афонин-Трусов 17 ноября выбыл в гор. Москву для приискания места на железной дороге.

О вышеизложенном мною сообщено 10-го сего декабря начальнику Архангельского губернского жандармского управления за № 4106 и начальнику Московского охранного отделения за № 4107».

В ноябре 1909 года Афонин поселился в Москве.

А за время своего короткого пребывания в Сугоновской волости познакомился со своим земляком из соседней деревушки Власово, работавшим булочником в Москве, Егором Петровичем Кормилицыным. В 1906 году Афонин — в далекой Голте, Кормилицын — в Москве (как сходны их судьбы) — были привлечены к дознанию. Егор Петрович Кормилицын — при Московском губернском жандармском управлении на основании того, что при обыске у него было обнаружено большое количество революционных изданий, оружие и красные флаги. В мае того же года он был передан под особый надзор полиции.

Осенью 1909 года Ефим Лаврентьевич поселился с семьей в Хамовниках, в Москве, работал техником-строителем, учился на кооперативных курсах университета Шанявского.

Удивительное это было учебное заведение. Альфонс Леонович Шанявский купил дом на Арбате в ноябре 1887 года, поставив перед собой цель создать нового типа университет для народов России. И достижению этой цели он посвятил всю свою жизнь. Окончив кадетский корпус и Константиновское военное училище, академию Генерального штаба, он в тридцать восемь лет вышел по болезни в отставку и отправился, как золотопромышленник, в далекий сибирский край. Ему сопутствовала удача. Ставший преуспевающим золотопромышленником, генерал поселился в Москве вместе со своей супругой Лидией Алексеевной, разделявшей взгляды мужа на развитие в России народного просвещения.

До открытия своего университета Альфонс Леонович не дожид, но сделал для этого все возможное. Страдающий неизлечимым неду-

гом, он вел обширную деловую переписку, проводил совещания, переговоры с Московской думой. Городская дума благоприятно отнеслась к дару А.Л. Шанявского. Первая лекция была прочитана осенью 1908 года. А спустя несколько лет, на Миусской площади было сооружено для университета большое здание с внушительными аудиториями, множеством классов для занятий.

В это время Ефим Лаврентьевич начинает активно сотрудничать в легальных изданиях «Деревенская газета», «Копейка», в журнале «Доля бедняка». А с 1912 года становится нештатным корреспондентом «Правды», в которой при его содействии были опубликованы стихотворения безвременно погибшего пролетарского поэта Алексея Гмырева, с которым Ефим Афонин познакомился в одной из тюрем.

После смерти Гмырева в тюрьме Ефим Лаврентьевич пишет очерк «Поэт Леня Гмырев». Он даже сумеет вынести из застенка тетрадь стихов своего юного безвременно ушедшего из жизни друга.

В эти годы ярко расцветает талант Ефима Афонина как поэта, публициста, писателя, критика.

Он активно сотрудничает в «Калужском курьере», выступая под псевдонимами «Тихонич», «Калужанин», «Е.А.», «Крестьянин». Е.Л. Афонин публикует свои материалы в журналах «Родной гусляр», «Друг народа», «Чернозем», «Трудовая нива».

В РГАЛИ хранятся 14 писем Е.Л. Афонина вдове Лени Гмырева Марии Афанасьевне Козловой.

Сборник стихотворений пролетарского поэта Лени Гмырева издать не удалось, но часть стихотворений опубликовали в «Правде».

Из писем 1912–1913 годов видно, как возросло литературное мастерство Афонина по сравнению с письмами Тобольского периода. Ефим Лаврентьевич в эти годы становится членом Суриковского кружка. Кружок был назван не по имени художника-передвижника Василия Ивановича Сурикова, а по имени поэта Ивана Захаровича Сурикова (1841–1880), вышедшего из московских лавочных мальчиков, так же как и Ефим Афонин из трактирного мальчика на побегушках, «шестерки-бегуна» города Николаева. Почти восемь лет провел Ефим Афонин в табачном дыму, в ссорах завсегдатаев трактира. Это были его «университеты» отрочества, юности с окриками, подзатыльниками, оплеухами.

Наследие талантливого поэта из крестьян И.З. Сурикова — драгоценнейшая часть русской классической литературы.

Друзья и земляки Ефима Афонина Григорий Деев и Егор Кормилицын очень любили душевные и певучие стихи Ивана Захаровича о родной природе, деревенском босоном детстве, о радостях и кручине простого труженика.

И.З. Суриков продолжил благородные демократические традиции Алексея Кольцова и Ивана Никитина. На его слова сложено немало русских народных прекрасных песен. Собираатель творческих сил писателей из народа, Суриков стоял у истоков русской крестьянской и рабочей поэзии рубежа XIX—XX веков.

Московские поэты и писатели из демократических кругов создали вскоре ставший известным литературно-музыкальный Суриковский кружок, в состав которого вошли видные по тому времени «суриковцы» Максим Горемыка (отец Л. Леонова), Григорий Деев-Хомяковский, Ефим Афонин, Михаил Савин, Прохор Горохов и другие, игравшие заметную роль в движении «суриковцев».

...Летом Ефим Афонин приезжал в родное Маслово, встречался со своими друзьями — земляками Егором Кормилицыным, Андреем Кондратьевым: они делились культурными и политическими новостями.

Ефим Лаврентьевич рассказывал друзьям о «суриковцах» (факты и мысли позже легли в основу «Предисловия» к сборнику «Чернозем» (Вып. 1. 1918)).

Рассказал Ефим Лаврентьевич и о том, как в начале войны члены кружка обратились с «Воззванием» против нее, как Сергей Есенин написал поэму «Галки» о поражении армии генерала Самсонова, как собирались ее отпечатать в журнале «суриковцев» «Друг народа», но поэму конфисковали, когда она была еще в типографии.

...Жизнь продолжалась. Чтобы содержать большую семью, учить, обувать, одевать, кормить пятерых детей, надо было много работать. И Ефим Лаврентьевич много трудится на строительных работах в рабочих и Грузинских кооперативах.

Участвовал он и в работе Земского совета.

Дружеские связи Ефима Афонина и Егора Кормилицына то налаживались, то прекращались из-за ареста Егора Петровича. Еще в 1906-м он приобрел у своего соседа Егора Афонина паспорт на имя Егора Тру-

сова. Так и жил в Москве под этим именем, а когда схватили жандармы, рассказал им «легенду», будто купил его на Сухаревке.

Андрей Порфирьевич Кондратьев был другом Ефима Афонина, правда, лет на двадцать младше его.

«Революционные события пятого года близко коснулись нашей семьи, — рассказывал во время очередной встречи Андрей Порфирьевич. — Отца стражники привели в деревню на неопределенный срок. Отец рассказывал о баррикадных боях на Пресне, о том, как 2 декабря была разгромлена и сожжена типография И.Д. Сытина (ныне I Образцовая типография в Москве)».

Летом 1908 года А.П. Кондратьев окончил в Сугонове трехклассную школу, пас скот у священника, осенью отправился в Москву учиться. Вначале работал столяром, а когда хозяин узнал, что он сын революционера, выгнал его. Потом товарищи отца устроили А.П. Кондратьева в типографию. Участвовал он и в войне: был дважды ранен. А в марте 1917-го приехал домой, в Сугоновскую волость, решив использовать отпуск для пропаганды большевистских идей среди крестьян.

Вот так переплелись судьбы крестьян Сугоновской волости Ефима Афонина, Егора Кормилицына и Андрея Кондратьева.

Интересное это село — Сугоново. Впервые оно упоминается в Писцовых книгах XVII века как пустошь Сугонова, потом в описании к Калужскому атласу 1777 года — уже как большое село. Благодаря исторически сложившимся благоприятным внешним условиям: присутствию волостного правления, «казенки», винокуренного завода (главным образом!), барского дома, ярмаркам, — Сугоново все время было центром торговли и культурной жизни волости.

Здесь издавна находились школа и медицинский пункт. Газета «Калужский курьер» в январе 1914-го писала:

Казалось бы, что с течением времени все это должно улучшаться, так как потребность как в школе, так и в медицинском пункте развивалась среди населения с каждым годом все больше и больше. В действительности вышло иначе: все пошло на убыль. Очевидно, местное земство, содержащее в Сугонове школу и медицинский пункт, считалось не с потребностью населения, а с желанием отдельных лиц. Были в Сугонове Бреевы, Сазоновы, Черемушкины, которые бросали крохи от своих излишков, услаждая тем свое честолюбие, и существовали у нас и фельдшер, и школа.

Ушли эти “три кита” — и медицина совсем умерла, и стены школы прогнили, сквозь свои щели стали угрожать заморозить все население, пришедшее вкусить “от плодов просвещения”.

Теперь нам, жителям Сугоновской волости, кажется, что у нас существует крайняя нужда в ветеринарном пункте. Вот уже десятки лет, как у нас весь домашний скот предоставлен воле Божьей. Очень хотелось бы думать, что в недалеком будущем все это устроится.

Вместе с развитием травосеяния, а через это и скотоводства, с учреждением молочных товариществ земство осознает неотложную необходимость открытия ветеринарных пунктов там, где они нужны».

В феврале 1914 при Сугоновском сельхозобществе открылись специальные курсы, организованные местным участковым агрономом. Программа курсов: скотоводство с показательным кормлением, кормодобывание, молочное хозяйство, молочная кооперация и ветеринария. Курсы продолжались 24—25 дней. Постоянных слушателей было 17 человек обоего пола. Практические занятия велись по темам: сепарирование, сбивание масла и определение жира.

До открытия курсов занятия предполагали вести по вечерам. Потом это оказалось невозможным. К пяти часам вечера желающих слушать лекции набиралось более ста человек, что не давало возможности правильно заниматься. Местный агроном разъяснил всем присутствующим значение устраиваемых курсов, указал на особенно полезное их значение для земледельцев Сугоновского района. Газета «Калужский курьер» в одном из номеров писала:

Ярким показателем надвигающегося тяжелого года служат ярмарки. В полутора верстах от Сугонова при Казанском погосте 8 июля была ярмарка. Уже с вечера 5 июля крестьяне повели скот на ярмарку. Овцы, коровы и даже лошади, — что раньше наблюдалось редко, — все в изобилии гнались на ярмарку. Не веселы были лица ведущих скот на ярмарку, и ярмарка их не веселила. Цены как на крупный, так и на мелкий скот пали страшно.

И потянулись крестьяне с ярмарки, увозя почти половину скота. Не работала ярмарка, зато хорошо работал сугоновский трактир и беспатентные торговцы водкой на самой ярмарке. Пили с горя, что дешев скот, и сильно пили. Бедные хуторяне-переселенцы почуяли, что неурожай их лишит возможности кому совершить купчую, кому внести срочные платежи в банк. С горя все продают и пропивают в сугоновском трактире. И сугоновцы боятся заикнуться о закрытии трактира.

Интеллигенции в Сугонове нет. Духовенства, пожалуй, много, но оно как-то не проявляет себя. И пьют сугоновские мужички горькую, сильно пьют, и не видно просвета.

В другом номере:

По инициативе местных кооператоров месяца два тому назад было возбуждено ходатайство перед головным управлением почт и телеграфов об открытии в селе Сугонове, как большом центре, население которого превышает десять тысяч человек, почтово-телеграфного отделения.

Оказалось, что для открытия почтово-телеграфного отделения казна требует от сельского населения взять на себя расходы по его содержанию от 800 до 1 000 рублей ежегодно. Призадумались члены кооперативов и местные крестьяне.

Почту в Сугонове получают из села Ферзиково за 22 версты один-два раза в неделю, а весной и осенью и того реже. Долго думали и решили определить к 15 августа, в какой сумме эти кооперативы и сельские общества могут взять на себя эти расходы.

Но надежды все-таки мало. Почта же в Сугонове, как многолюдном центре, необходима. При таком населении казне, казалось бы, нечего бояться, что содержание почты не оправдается. Может быть, казна снизит наполовину, торговавшись, требуемую сумму, и в Сугонове будет почтовое отделение? («Калужский курьер». № 83).

Это было в 1914 году. А вот сведения о Сугоновской волости за 1916 год: *«Февраль 1916 года. Донесения из уездов говорят о росте народного недовольства. В Сугоновской волости в феврале 1916 года за три дня старшина выдал 40 паспортов. Но, испугавшись наплыва женщин, прекратил выдачу и доложил земскому начальнику, что весной полевые работы, которые выполняются исключительно бабами, вести будет некому. Многие крестьяне, особенно женщины, обращались к начальству с просьбой возвратить их родственников с окопных работ, так как выполнять весенне-летние работы некому».*

Вот таково было Сугоново, раскинувшее свои домишки на левом берегу подковообразной излучины речки Тарусы в ее верховьях.

...В 1915 году Афонин принимал деятельное участие в работе Земского союза. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам — это общественная всероссийская организация, созданная в годы Первой мировой войны. Вначале Союзы и Советы на местах занимались помощью больным и раненым (оборудование санитарных поездов, госпиталей, пунктов питания, заготовка медикаментов, белья, обучение медицинского персонала). В дальнейшем они стали выполнять заказы главного интендантства на одежду и обувь для армии, организовывать помощь беженцам. Финансирование складывалось из правитель-

ственных субсидий, а также из взносов местных организаций союзов и пожертвований. После поражения царских войск летом 1915 года земские союзы и советы участвовали в мобилизации кустарной промышленности для снабжения армии вооружением и снаряжением, создав с этой целью 10 июля 1915 года объединенный комитет Земгор. Царское правительство, недовольное вмешательством Земгора в политику, оставило ему лишь посредническую роль в выполнении казенных заказов. А затем, в декабре 1916 года, съезд Земгора был разогнан полицией, лидеры же хотели устроить дворцовый переворот и вести войну до победного конца. Но это лидеры, позднее вошедшие в состав Временного правительства, а рядовые работники Земских советов вышли из этой организации, так же поступил и Ефим Лаврентьевич.

Видно, Ефим Афонин проявил себя с положительной стороны в земской общественной организации, когда в период предвыборной кампании в районные думы был выдвинут фракцией большевиков. К тому времени он уже стал коммунистом и выступил на пост председателя районной управы, где повел решительную борьбу с эсерами и меньшевиками.

После февральской революции Ефим Лаврентьевич работал председателем Петровской подрайонной управы, избирался депутатом Моссовета и Бутырского районного Совета.

В октябрьские дни 1917-го — комиссар Московского военно-революционного комитета (ВРК) по Всесвятскому — Петровскому подрайону, член Бутырского РВС, сражался с юнкерами с винтовкой в руках на улицах Москвы.

В ноябре 1917 года он вошел в состав Совета (бюро) районных дум, заведовал его казначейством.

Старшие сыновья Ефима Афонина также принимали активное участие в становлении Советской власти в Москве.

По воле партии большевиков Ефим Лаврентьевич стал одним из первых «красных казначеев» Москвы, проявляя чудеса изобретательности, выдумки, мужества, стойкости и самообладания.

Друзья и дети вспоминали, что в первые годы Советской власти Ефим Лаврентьевич работал по 20 часов в сутки: *«Это был уже такой политический и общественный деятель, с которым приходилось считаться врагам. На плечи Ефима Афонина и его единомышленников легло бремя восстановления разрушенного войной московского городского хозяйства».*

Он вспоминал: *«Мы оказались буквально у разбитого корыта. Рабочим не платили жалованья вот уже два месяца. Толпы голодных женщин с грудными детьми на руках осаждали городскую Думу. Вокруг шныряли подстрекатели и бандиты. Каждую минуту могло произойти непоправимое».*

Ефим Лаврентьевич твердо и спокойно разговаривал с людьми, убеждал, обещал исправить положение. Но для этого надо было сломать «старую машину» Государственного банка. И Афонин пошел на крайние меры. 7 ноября 1917 года Московская контора Госбанка по указанию Московского комитета большевиков была захвачена силами ревкома. Служащие банка объявили забастовку. Когда стало ясно, что дирекция банка денег не даст, было решено взять их силой. В сопровождении красноармейцев большевики-депутаты Моссовета Е.А. Афонин, М.Ф. Владимирский и В.А. Обух явились к директору банка с требованием выдать 5 млн рублей и открыть счет Бюро Совета районных Дум. Директор категорически отказался удовлетворить это требование. Долгий спор кончился тем, что Владимирский приказал открыть кладовые, выдать два миллиона наличными и три положить в сейф до первого требования. Полученные таким путем деньги были быстро распространены по организациям для выплаты зарплаты. Но денег не хватило, и процедуру пришлось повторить несколько раз. Причем каждый раз директор составлял акт «о незаконной выемке денег». А в буржуазной газете «Русское слово» появилась язвительная заметка о том, что в банк приезжал «какой-то Афонин. Говорят, что бывший подрядчик или десятник, совсем безграмотный, даже расписаться не умеет, а только грозит револьвером и требует денег» (Октябрьское восстание в Москве. С. 72–33).

Позднее Ефим Лаврентьевич писал: *«Надо заметить, что в продолжение трех месяцев наша касса была ежедневно открыта до 10–11 часов вечера. Все наши выемки из банка и казначейства к 1 января выразились в сумме 38 000 000 рублей».*

И к первой годовщине Октября городское хозяйство Москвы встало на твердые рельсы.

В 1918 году Е.А. Афонин заведовал финансовым отделом Моссовета.

В начале 1919 года против советского Восточного фронта действовали три армии Колчака: Сибирская (Северная), Западная и Отдельная. 3 и 2-я Красные Армии сражались против Сибирской из 48 тысяч сол-

дат и офицеров под командованием чешского генерала Гайды. Московская городская партийная организация горячо откликнулась на призыв Центрального комитета: «Все на борьбу с Колчаком!»

Так Е.Л. Афонин стал военным комиссаром. Войска 3-й армии вели тяжелые бои на Пермском и Омском направлениях. Под руководством Ефима Лаврентьевича Инженерное управление армии стало вести более напряженную работу, его четкая организаторская деятельность, как комиссара и как специалиста, немало способствовала успехам армии. В обязанности Управления входили формирование и переброска частей с одного участка фронта на другой, восстановление разрушенных мостов, дорог, других коммуникаций. Военному требовалась большая оперативность, изобретательность. И Ефиму Лаврентьевичу очень пригодились его профессиональные навыки, профессия техника-строителя, приобретенная им еще до революции.

Реввоенсовет и Политотдел не раз получали от Ефима Лаврентьевича докладные записки с предложениями о реорганизации Инженерного управления, создании специальных строительных батальонов (стройбатов), которые оперативно, с минимальными затратами времени могли бы восстанавливать разрушенные противником дороги, мосты, другие коммуникации.

К концу 1919 года на Восточном фронте линия борьбы сократилась, против Колчака была оставлена одна лишь 5-я армия.

Президиум Моссовета настоятельно требует возвращения Е.Л. Афонина в Москву. Но он и слышать не хочет о возвращении с фронта, пишет в Моссовет: «Идем вперед, уехать не могу».

И все же 8 ноября 1919 года ему пришлось выехать в Москву, предварительно запасшись предписанием Реввоенсовета 3-й армии Восточного фронта прибыть в 10-ю армию.

В это время Московский комитет партии направляет своего верного сына на работу в земельный отдел Моссовета: надо было налаживать партийную работу среди крестьянства. Связи же у Афонина с крестьянством были крепкие, ибо он сам был родом из беднейшей крестьянской семьи, глубоко понимал нужды и чаяния сельского жителя.

Газета «Правда» писала: *«Крестьянская аудитория хорошо знала Е.Л. Афонина, своими бесхитростными рабочими словами он много света принес в деревню, разъясняя задачи и сущность Советской власти и Коммунистической партии крестьянам Московской губернии».*

...И снова встретились в Маслове три друга-земляка. Андрей Порфирьевич Кондратьев рассказывал о становлении Советской власти в Сугоновской волости:

— После июльских дней семнадцатого года и до конца «двоевластия» солдатам-большевикам, вернувшимся в деревню, работать стало значительно труднее, бороться против Временного буржуазного правительства, и особенно в Сугоновской волости. Во время спада революционного движения, капитализации и расслоения деревни, богатые крестьяне вышли из сельской общины на отруб, на хутора. Приехали в наш край, купив земли у разорившихся мелкопоместных дворян-помещиков, из Белоруссии, Украины. Были здесь хуторяне-чеши, поляки...

Андрей Порфирьевич в сентябре 1917 года начал вести активную подготовку к выборам в волостную земскую управу. Потом решили призвать крестьян к выборам в волостной Совет крестьянских и батрацких депутатов, к захвату помещичьих земель. Дом сугоновского помещика Бреева был передан земству под сугоновскую школу, других землевладельцев обложили налогом на ремонт дорог и мостов.

В буржуазных калужских газетах «Голос Калуги», «Калужский республиканец» против Андрея Кондратьева появились злобные статейки. А 21 октября его вызвали к воинскому начальнику и продержали в «кутузке» три дня.

Когда же в Сугоновскую волость приехал из Питера балтийский матрос Сорокин, Андрея Кондратьева утвердили заместителем председателя Сугоновского волостного Совета крестьянских и батрацких депутатов и председателем Земельного комитета.

— Дальше при мне было, — вступил в разговор Егор Петрович Кормилицын.

— В июле восемнадцатого назрела угроза левоэсеровского мятежа. Из большевиков и нам сочувствующих мы создали вооруженный отряд, нам выделили 18 винтовок и один револьвер системы «наган». Оказывается, сугоновские эсеры пользовались поддержкой калужских собратьев, у которых был свой вооруженный отряд боевиков с пулеметами и кавалерией. Особенно трудно пришлось 24 июня, когда из Калуги пришел такой приказ: «К вам прибывает отряд эсеров. Предлагаем находиться в здании Совета без оружия и приготовиться для сдачи дел. Если будет оказано сопротивление, то будете расстреляны. Губком левых эсеров».

Мы восприняли это как государственный переворот и организовали вооруженный отряд для защиты завоеваний Октября. Но эсеры не пришли, что-то у них там не работало. А мы получили приглашение принять участие в работе уездного съезда большевиков.

Продолжил Андрей Порфирьевич Кондратьев:

— Делегировали на съезд меня и Ефима Фролова. Проселочная дорога на станцию Желябужская шла по деревням Коровино, Кулачки, Каменка Кулачковская.

Вышли пораньше, чтоб попасть к алексинскому «рабочему» поезду. Позже создали комитет бедноты (возглавил его большевик Назаров), продотряд из беднейших крестьян Сугоновской и Ферзиковской волостей. Большевика Назарова утвердили комиссаром этого продотряда. Поехали за зерном в южные губернии, и вскоре отряд был уничтожен, комиссар зверски убит, такая же участь постигла 19-летнего комсомольца Егора Румянцева.

...До начала весенних полевых работ крестьяне под руководством Егора Кормилицына и Андрея Кондратьева провели раздел помещичьих лугов, лесов.

Егор Петрович Кормилицын был земляком Ефима Лаврентьевича. Родился в Маслове, с ранних лет ушел работать в Москву, был булочником, вместе с Григорием Деевым (будущим поэтом Деевым-Хомяковским) в 1905 году сражался на баррикадах знаменитой Пресни, отбывал каторгу в Орловском центральном. Царские палачи изуродовали его так, что он ходил с помощью костылей, перебили руки, так что писал с трудом, вскоре заболел костным и легочным туберкулезом. В Суриковском кружке познакомился с Сергеем Есениным. В начале 1918 года он вернулся в родное Маслово, встретился с Ефимом Афониным и Андреем Кондратьевым. Сугоновские крестьяне избрали бывшего политкаторжанина председателем волостного Совета крестьянских и батрацких депутатов. Он, не спеша, на лошадке объезжал все деревни и хутора волости, внимательно выслушивал все просьбы крестьян, помогал чем мог. Работоспособности был необыкновенной. В декабре 1919 года коммунисты Калужского уезда избрали Егора Петровича вместо ушедшего на фронт И.Т. Булычева секретарем укома партии большевиков. Он и в укоме работал также самозабвенно: жил на первом этаже в комнатке рядом со своим кабинетом. Потом его перевели на работу в Москву, в Союз пищевиков, и там Егор Петрович продолжал друже-

ские встречи с Ефимом Афониним, Андреем Кондратьевым, Григорием Деевым-Хомяковским.

Умер Егор Петрович в 1920 году, похоронен на Новодевичьем кладбище.

В эти годы сугоновские активисты проводили и большую культурно-просветительную работу, вовлекая в нее многочисленную молодежь волости.

Сугоновский волысполком был создан 17 декабря 1917 года, члены исполкома определили под высшее начальное училище дом председателя волостной земской управы Шика. К тому времени в волости действовало восемь школ низшей ступени.

При Сугоновском Народном доме (сельский клуб) создали культурно-просветительское общество, работала и библиотека.

В волости функционировали четыре кооператива, кредитное товарищество, два потребительских товарищества, лавки, молочная артель, прокатно-зерноочистительный пункт. Действовали пять церквей.

Построили кирпичный Народный дом, организовали драматический кружок. На репетиции молодежь ходила из дальних деревень за десять километров, поставили драму Островского «Бедность не порок». Организовали работу хорового и музыкального кружков.

Весной 1920 года А.П. Кондратьева перевели на работу заместителем комиссара губернской заготовительной и продовольственной конторы.

Позже, когда страна перешла к нэпу, его перевели в Калужский уездный комитет партии вместо уехавшего в Москву Егора Петровича Кормилицына. В уюке партии он проработал до конца 1923 года. Работал он в 1-й Образцовой типографии, в Наркомпросе, ОГИЗе, а в 1936 году, окончив Институт Красной профессуры, — в издательстве «Московский рабочий», заведующим отделом, редактором.

...В 1918 году Ефим Лаврентьевич, будучи членом исполкома Моссовета, членом финотдела, бюджетной комиссии, входил также в состав Комиссии по установлению новых памятников на улицах Москвы (во исполнение Декрета СНК Республики от 14 апреля 1918 года). И с присущей ему энергией занимался художественным оформлением улиц и площадей столицы накануне празднования первой годовщины Октября.

Позднее народный художник СССР Сергей Герасимов вспоминал: *«Запомнился мне товарищ Афонин, энергичный человек, вечно раз-*

езжавший по местам оформления, заключавший договора, ведавший делами праздничного оформления города. У него была пачка бланков для договоров, он тут же на ходу их подписывал» (Искусство. 1957. № 7. С. 45).

После разгрома Колчака и возвращения в ставшую уже родной Москву Ефим Лаврентьевич заведует издательским отделом Московского земельного отдела, работает ответственным редактором ряда издательств по вопросам сельского хозяйства.

Немногие свободные часы он отдает любимому занятию — литературе, публицистике. Е.Л. Афонин — один из немногих инициаторов создания в 1921 году Союза крестьянских писателей, на I Всероссийской конференции этого союза он избирается членом Центросовета и членом Президиума Всероссийского союза крестьянских писателей.

20 сентября 1920 года Ефим Лаврентьевич выпускает первый номер сельскохозяйственного двухнедельника «Бюллетень земельного отдела», в котором пишет: «Штык разрушил старое, молот построит новое, плуг вспашет новь... Союз серпа и молота победит разруху»...

Ефим Лаврентьевич часто выступает в своем «Бюллетене...» со статьями о пользе ликбеза (курсов по ликвидации безграмотности), о необходимости вести культурно-просветительную работу, печатается в калужских газетах, пишет об электрификации села. Мечтает о писательской работе.

Кстати, журналистской деятельностью Ефим Лаврентьевич увлекался еще и до революции: писал в 1910 году в газете «Калужский курьер» о необходимости строительства в Сугонове Народного дома.

...Ефим Лаврентьевич уделял немало внимания армии, хорошо знал 51-ю дивизию со дня ее основания.

Освободив 14 ноября Омск — столицу «верховного правителя», в декабре 1919 года части 51-й дивизии сосредоточились в районе Ново-Николаевска (Новосибирск) и до апреля 1920 года участвовали в восстановлении народного хозяйства и в полевых работах.

Летом 1920 года 51-я стрелковая дивизия была переброшена на Юго-Западный фронт, начав 10 августа оборонительные и наступательные бои на Каховском плацдарме.

Белогвардейская газета сообщала: «Прибыла новая вымуштрованная дивизия — сплошь коммунистическая. Все командные должности

заняты старыми офицерами, продавшимися большевикам. Во главе ее стоит немецкий генерал Блюхер (тот же слух, что и на Восточном фронте. — А.К.), а начальником штаба — молодой офицер Датюк, который занимается не только оперативными делами, но и ведет ... агитационную работу. Враг очень хитер, силен, но с Божьей милостью он будет нашими храбрыми воинами разбит».

Полки дивизии на Каховском плацдарме спешно строили укрепления, работая круглые сутки. И здесь Василию Константиновичу Блюхеру пригодились советы Ефима Афонина, опыт, накопленный в Вятском укрепрайоне.

Против 51-й дивизии Врангель бросил кавалерийский корпус, усиленный танками. Полки дивизии В.К. Блюхера в течение трех дней отражали яростные атаки конницы генерала Барбовича и отстояли свои позиции.

Был создан Южный фронт, командующим назначен М.В. Фрунзе. В сентябре — октябре 1920 года войска Южного фронта вели упорные бои с врангелевцами. 51-я дивизия, восстановив свои силы, получила пополнение и продолжила активные боевые действия.

Слава о стойкости и героизме 51-й стрелковой дивизии разнеслась по всей стране, Моссовет наградил ее почетным Красным знаменем с надписью: «Уничтожь Врангеля!»

20 октября 1920 года на Каховский плацдарм прибыли представители столицы, вручили 51-й дивизии Красное знамя, приняли парад ее частей. И дали телеграмму Ленину: «Сегодня с командармом Авксентьевским и командующим плацдармом Блюхером осмотрели плацдарм. Приняли парад. Части представились в блестящем боевом порядке, выдержке».

Начдив В.К. Блюхер за героическую оборону Каховского плацдарма был награжден золотыми часами с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от ВЦИК».

Позже, в 1928 году, В.К. Блюхер за мужество, проявленное при обороне Каховки, был награжден четвертым орденом Боевого Красного Знамени.

51-я дивизия сыграла важную роль в окончательном разгроме войск Врангеля и освобождении Крыма: перед ней была поставлена задача — пробить дорогу в Крым. Ее бойцы в ночь на 29 октября, разгромив 2-й армейский корпус, утром 30-го штурмовали Перекоп и Турецкий вал

высотой 10 м с 12-ю рядами проволочных заграждений. Однако этот штурм успеха не имел. С 8 на 9 ноября предприняли еще одно наступление и в три часа 9 ноября после третьей атаки заняли Турецкий вал, отбросили врага на Ишуньские позиции, вклинились в его ряды и совместно с латышской дивизией, также входящей в состав Перекопской группы В.К. Блюхера, завязали тяжелые бои за прорыв обороны белых.

Начдив В.К. Блюхер сообщал в Моссовет: *«11 ноября в 12 часов занята ст. Ишунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно, жалкие остатки бегут в разных направлениях»*. Было захвачено много трофеев, тысячи пленных. Но и 51-я дивизия понесла большие потери.

Об этом также говорилось в рапорте: *«Много вышедших из Каховки остались убитыми, масса выбыла из строя ранеными, всего потерь насчитываем несколько тысяч, но дух велик, как был... Мы будем выполнять начатое дело с теми, кто остался в живых... Передайте московскому пролетариату, что мы, сыны рабочих и крестьян России, выполним порученную нам задачу — освобождение Крыма. Не зная устали, мы будем идти до тех пор, пока лозунг, написанный на знамени, подаренном нам, не будет выполнен, и надеемся, что в близком будущем радио оповестит Москву о великом событии: Крым — советский»*.

Преследуя неприятеля, 15 ноября 1920 года 51-я дивизия вступила в Севастополь, 17 ноября — в Ялту. Так был ликвидирован последний фронт Гражданской войны.

За доблесть в боях за освобождение Крыма свыше 40 соединений и частей РККА были награждены орденами и почетными революционными Красными знаменами ВЦИК.

Особо отличившаяся 51-я стрелковая дивизия получила наименование Перекопской. Начдив В.К. Блюхер был награжден третьим орденом Красного Знамени. Имя Василия Константиновича стало известно всей стране.

В начале июня 1922 года Ефим Лаврентьевич командирован в Моссоветом с подарками и шефским приветствием в 51-ю Московскую стрелковую дивизию. По приезду он стал в ней самым почетным гостем, выступая с докладами, беседами, лекциями, рассказывая о Москве, о налаживании разрушенного городского хозяйства.

Сохранилось письмо красноармейцев в Московский комитет партии о посещении Е.Л. Афониным дивизии: *«Первым вопросом, который мы услышали от него, был: “Ну, как у вас, с довольствием красноармейцев, как обстоят дела с обмундированием, с посевной кампанией?”*

Афонин выслушал ответы с большим вниманием. Сразу было видно, что человек задает вопросы не из простого любопытства, что его волнует жизнь товарищей».

Вручив подарки, на другой день Ефим Лаврентьевич знакомился с расквартированием полков, был на занятиях, в столовой, ел из общего котла, спал на голых нарах, как когда-то под Пермью в 3-й армии. А вечером писал статьи для местных газет. И так — целую неделю, не зная, что он уже заразился сыпняком.

Перед отъездом снова выступил перед красноармейцами, обещал сделать в Моссовете подробный доклад об их положении, нуждах. И сдержал слово, хотя в Москву приехал с повышенной температурой.

По докладу Е.Л. Афонины в дивизию было послано дополнительное продовольствие. Сам же Афонин слег: не выдержало сердце, здоровье было подорвано тюрьмой, ссылкой, изнурительной работой в Моссовете, натиском тифа.

...Всеми миру известны святыни у Кремлевской стены. Сотни героев революции спят здесь вечным сном. В центре Революционного некрополя — мавзолей. А некрополь возник 10 ноября 1917 года: в этот день в Москве хоронили рабочих и солдат, погибших за Советскую власть.

4 ноября совместное заседание представителей Московского и районных военно-революционных комитетов впервые назвало Красную площадь местом вечного упокоения борцов, павших за народное дело. От Бутырского районного ВРК участвовал в работе этого заседания и Е.Л. Афонин.

7 ноября Московский ВРК на утреннем заседании постановил: «Устроить братскую могилу на Красной площади между Никольскими и Троицкими воротами вдоль стены» (ошибка в подлиннике: надо — Спасскими. — А.К.).

В Революционный некрополь вошли мавзолей, две братские могилы, восемь отдельных захоронений за мавзолеем, колумбарий в Кремлевской стене.

Среди захороненных в Революционном некрополе и бывший крестьянин из деревни Маслово Сугоновской волости Калужского уезда (ныне Ферзиковский район) Ефим Лаврентьевич Афонин — депутат Моссовета, заведующий издательским отделом Мосземотдела, член Центрального совета Всероссийского союза крестьянских писателей, 22 июня 1922 года умерший в 50-летнем возрасте от сыпняка, пользовавшийся огромной любовью крестьян, рабочих, красноармейцев. Воины 51-й Московской и Перекопской стрелковой дивизий, узнав о смерти Ефима Лаврентьевича, писали: *«Вечная память тебе, яркому выразителю пролетарского шефства, как символу единства семьи рабочих и крестьян с Красной Армией».*

У могилы Ефима Лаврентьевича у Кремлевской стены выступили поэты, был исполнен «Реквием» на слова председателя Всероссийского союза крестьянских писателей нашего земляка Григория Деева-Хомяковского. В день похорон тысячи москвичей шли за гробом Ефима Лаврентьевича, отдавая дань глубокого уважения «красному казначей» революции.

Поэт-рабочий из Тарусского уезда Михаил Савин написал стихи «Другу-гражданину Е.Л. Афонину», в которых дал высокую оценку деятельности нашего славного земляка.

Через два года Союз крестьянских писателей посвятил Ефиму Лаврентьевичу специальный сборник «Ржаной венок».

В августе 1983 года исполком Ферзиковского районного Совета народных депутатов принял решение об увековечении памяти Е.Л. Афонина, Калужский облисполком утвердил это решение. Одна из улиц районного центра (поселок Ферзиково), бывшая Больничная, переименована в улицу имени Ефима Афонина.

Есенин и калужане (Г.Д. Деев-Хомяковский)

Сергей Александрович Есенин вспоминал: *«После отъезда в Петроград я потерял связи с суриковцами, но до сих пор благодарен им. Они мне многое в жизни объяснили, и, может быть, благодаря этим людям я не свихнулся в политическом отношении. Помню, что большую роль в кружке играли вернувшиеся из ссылки социал-демократы (...) Афонин, Кормилицын».*

К этому можно добавить: и Григорий Дмитриевич Деев-Хомяковский (настоящая фамилия — Деев). Родился Григорий Дмитриевич в 1888 году в деревеньке Хомяковке бывшей Ферзиковской волости Калужского уезда (ныне деревня Хомяково Хомяковской сельской администрации Ферзиковского района Калужской области).

В «Малой литературной энциклопедии» о нем говорится так: *«Русский советский поэт, член коммунистической партии с 1918 года. Родился в семье крестьянина-бедняка. Был пастухом, батраком, уехал в Москву, работал сапожником, булочником, почтальоном...»*

Действительно, с шести лет Гриша Деев начал гнуть спину на местных богатеях, а в одиннадцать после смерти отца стал опорой семьи. Чтобы заработать средства к существованию, пришлось побывать и дровосеком, и подпаском, и поденщиком. Желание учиться зародилось у него с малых лет. Работая, учился урывками, зимой посещал земскую школу. Позднее он писал:

Провел я детство за работой,
Судьбы не баловнем я был.
Участь, боролся с злой заботой,
С трудом сроднился, полюбил.

Г.Д. Деев-Хомяковский

А с 12 лет он уже в Москве, в булочной, работает мальчиком на побегушках у хозяина, сближается с рабочими, что в свою очередь имело исключительно важное значение, повлияло на всю его жизнь.

В бурные дни первой русской революции 1905 года он вместе со своим земляком из деревни Маслово Сугоновской волости Егором Кормилицыным ведет среди булочников антиправительственную пропаганду, участвует в баррикадных боях на Пресне. В книге «Десять лет Красной Пресне» приведено заявление Г.Д. Деева-Хомяковского от

10 декабря 1930 года: «Я, член Красной Пресни в 1905 году, был три раза тяжело ранен, с момента октября 1905 г. до октябрьских дней 1917 г. принимал активное участие в работе Сушевско-Марьинского райкома по организации боевых красногвардейских дружин, за что был судом Кузнецовского участка в июле 1917 года приговорен к двум месяцам тюрьмы, но скрывался до Октябрьской революции. В октябрьские дни работал в штабе в б. Театре «Олимпия» Сушевско-Марьинского района. После Октября принимал активное участие в Отряде особого назначения райкома под командой Шугаева. В Красной Армии был как пропагандист. Принимал участие под Красной горкой в команде т. Шугаева на Псковском фронте по партмобилизации».

Далее в «Малой литературной энциклопедии» отмечалось, что Григорий Дмитриевич в 1909 году выдержал экзамен на звание народного учителя, работал учителем, начал печататься в 1907 году. Первой книгой Деева-Хомяковского была «Машина пашня» (1911), затем вышли книги стихов «Зорька» (1917), «Борозды» (1919). Деев-Хомяковский составил четыре сборника революционных и народных песен. Стихи носили в основном подражательный характер, что и было отмечено Горьким.

Но давайте по порядку. За участие в революционных боях на Пресне Григорий Дмитриевич был выслан из Москвы, скрывался от полиции, работал учителем в глухих деревнях, одно время даже пытался стать

монахом мужского монастыря в Тихоновой пустыни. Но скоро от этой идеи отказался, увлекшись поэтическим творчеством.

Вернувшись в Москву, он посещает лекции в народном университете Шанявского. Пишет письмо Алексею Максимовичу Горькому на остров Капри и получает ответ, в котором пролетарский писатель, анализируя его творчество, писал: «Содержание Ваших стихов хорошее, мысли не новы, но это добрые мысли и сеять их в мир — доброе дело. А вот форма Ваших стихотворений плоха. Не обижайтесь на этот отзыв. Литературное дело серьезное, это должны чувствовать Вы, демократ». Это письмо определило дальнейший творческий путь Григория Дмитриевича.

В 1912 году он подружился с Сергеем Есениным. В своих воспоминаниях «Правда о Есенине» Г.Д. Деев-Хомяковский писал: *«Нужно оставить вздорный вымысел, утверждающий, что Есенин пришел в Питер прямо из рязанских сел. Поэт, прежде чем попасть в цепкие лапы питерских барынь, испытал горькую долю крестьянского самородка-писателя. Появился он в Москве весной 1912 года, приехал из деревни без гроша денег и пришел к поэту С.Н. Кошкаррову-Зоревому. Сергей Николаевич был тогда председателем Суриковского кружка писателей»*.

«Московский товарищеский кружок писателей из народа» образовался в 1902 году, и через год был переименован в «Суриковский литературно-музыкальный кружок», Устав которого был утвержден 28 мая 1905 года.

Некоторые биографы Есенина утверждают, будто контакты рязанского поэта-самородка с суриковцами относятся к 1911 году, когда Сергей Александрович еще учился в Спас-Клепиках и на каникулах приезжал в Белокаменную. Это версия. На самом деле было не так. Знакомство произошло в августе 1912 года, когда Сергей Есенин окончательно поселился в Москве. А наиболее деятельное участие в кружке принимал в 1914 — начале 1915 года. К этому времени состав кружка сузился: 19 его членов были призваны в армию, в т.ч. 15 — из провинции.

К началу 1915 года суриковский кружок состоял из 27 москвичей и 14 провинциалов.

Григорий Дмитриевич писал далее в своих воспоминаниях: *«Лето после Ленских расстрелов было самое живое и бурное. Наша группа конспиративно собиралась часто в Кунцево, близ села Крылатское, в бывшем парке Солдатенкова, под знаменитым старым вековым дубом. Там под видом экскурсии литераторов мы впервые ввели Есени-*

на в круг общественной политической жизни. Там молодой поэт впервые стал выступать со своим творчеством. Талант его был замечен всеми собиравшимися (первые его литературные опыты поместили в детских журналах “Мирок” и “Доброе утро”). В течение первых двух лет Есенин вел непрерывную работу в кружке. Казалось нам, что из Есенина выйдет не только поэт, но и хороший общественник. В 1913—1914 Годах он был чрезвычайно близок к кружковой общественной работе, занимал должность секретаря кружка. Он часто выступал с нами среди рабочих аудиторий на вечерах и выполнял задания, которые были связаны со значительным риском.

В конце 1914 года было решено издавать журнал “Друг народа”, который должен был повести борьбу с человеческой бойней, борьбу за интернациональное объединение трудящихся. Решение об издании журнала было принято на общем собрании кружка 4 января 1915 года. Первый номер помечен 1 января, объявленный как двухнедельный литературно-общественный журнал. Но выпускался он нерегулярно: в 1915 году вышло всего пять номеров, в следующем — один, потом издание вообще прекратилось и возобновилось лишь в 1918 году».

Григорий Дмитриевич писал: «Не имея лишних средств, кружок все же решил в это время заняться издательством. Издательская работа подвигалась медленно. Есенина волновало последнее обстоятельство. В августе социал-демократическая группа выпустила литературное воззвание против войны. Есенин написал небольшую поэму “Галки”, в которой отобразил поражение наших войск, бегущих из Пруссии, и плач жен по убитым.

Есенин был секретарем журнала и с жаром готовил первый выпуск. Денег не было, но журнал выпустить было необходимо. Собрались в редакции “Доброго утра”, обсудили положение и внесли по 3—5 рублей на первый номер.

— Распространим сами, — говорил Есенин.

Выпущено было воззвание: “Цель журнала — быть другом интеллигента-народника, сознательного крестьянина, фабричного рабочего и сельского учителя”. Этим воззванием суриковцы хотели привлечь внимание тех, кто, как нам казалось, хотя в малой степени был настроен против войны.

Есенина тяготило безденежье кружка. Он стал выказывать некоторую нервозность. Сданная в печать его поэма «Галки» была конфи-

скована еще в наборе. К сожалению, она так и не была издана, текст ее до сих пор не найден. В первых числах марта 1915 года Сергей Есенин уехал в Петроград».

...С первых дней февральской революции Григорий Деев — член Моссовета. За выступление против политики Керенского его приговаривают к двум месяцам тюрьмы. В это время выходит книга его стихов «Зорька», а перед этим ему удается опубликовать в печати несколько своих стихотворений. После октябрьского переворота он выпускает еще две книги стихов: в 1919 году — «Борозды», в 1924-м — пьесу «Молодель», в 1926-м — пьесу «Кудель», издает повторно «На Перекоп».

Не менее известен Григорий Дмитриевич и как общественный деятель. Еще в 1908 году он становится одним из членов кружка, а затем и председателем Суриковского литературно-музыкального кружка, влившего в 1912 году во Всероссийское общество крестьянских писателей. Именно в эти годы крепнет дружба Григория Деева с Сергеем Есениным. В 20-е годы он пять лет возглавлял Всероссийское общество крестьянских писателей.

Позже он отошел от литературной деятельности и работал в системе народного образования (с 1928 года и до конца своих дней).

Григорий Дмитриевич никогда не порывал связей с родным краем, членами Ферзиковского землячества в Москве, приобретавшими для сельских изб-читален детекторные радиоприемники, газеты, журналы. Сотрудничал Григорий Дмитриевич с журналом «Лицом к деревне».

В 1922 году в Калуге была издана книга его стихов «Медная жила».

В 30-х годах он окончил Институт красной профессуры, стал профессором. Умер в 1946 году, похоронен в Москве.

Революционер Владимир Красноцветов

В Симферополе, в Крымском архиве хранится документ следующего содержания: «В.Г. Красноцветов появился в Ялте примерно в конце октября 1917 года. С первых же дней своего приезда он занялся усиленной пропагандистской деятельностью. Во время выборов в Учредительное собрание по поручению организации большевиков тов. Красноцветов в ноябре 1917 года, проводя избирательное собрание в Гурзуфе, во время речи почувствовал себя плохо и через несколько часов скончался. Ему были устроены впервые в Ялте большевистские торжественные похороны без попов и без крестов и прочих премудростей старого быта».

Кто же такой Владимир Красноцветов?

Родился он 10 июля 1890 года в селе Криворезово Богимовской волости Тарусского уезда (ныне Ферзиковский район Калужской области). Его отец, Григорий Васильевич, служил священником в храме села Криворезово, мать, Мария Федоровна, не работала, занималась воспитанием детей, их у Красноцветовых было шестеро: пятеро сыновей — Михаил, Дмитрий, Николай, Владимир, Сергей и дочь Елена.

Школы в Криворезове не было, и Григорий Васильевич, несмотря на тесноту — две комнатки, — в 1900 году организовал школу для детей крестьян, в которой бесплатно обучались 20 крестьянских ребят — Щетинины, Кургановы, Хромовы, Родины и другие.

Через четыре года в селе Никольском была построена новая школа, и криворезовские ребята продолжили образование в ней. Володя Красноцветов был способным учеником. В августе 1901 года он обучался в Калужском реальном училище, но через два года был отчислен за неуплату очередного взноса за право обучения в этом заведении.

В сведениях об учащих­ся реального училища отмечается: *«Владимир Красноцветов — способный, внимательный и прилежный ученик, учится очень хорошо и прилежно, быстро соображает, книги и тетради содержит опрятно. Поступил в первый класс в августе 1901 года, уволен за невзнос платы с марта 1903 года».*

Володя с детских лет увлекался спортом, особенно любил кататься на коньках. Однажды случилось несчастье: бегая на коньках по замерзшему пруду, он за что-то зацепился и сломал позвоночник.

После этого случая Володя тяжело заболел туберкулезом. Средств на лечение сына у родителей не было, и его взяла к себе тетя Вера Федоровна Радищева, определившая своего племянника на лечение в Алупку, в санаторий Боброва. В ту пору сестрой милосердия, ухаживавшей за Володей, работала Мария Викентьева, которая имела тесную связь с организацией крымских большевиков, она приносила ему нелегальную литературу.

Около пяти лет лечился Володя в Алупкинском санатории. По пути из Крыма в Москву он заезжал в родное Криворезово, рассказывал крестьянам о программе большевиков, о том пути, по которому им надо идти к свободе, равенству и братству. Муж тети Веры был крупным специалистом Московского городского хозяйства; у Радищевых не было детей, и они усыновили Володю Красноцветова, содержали его на своем иждивении более десяти лет.

Два года после приезда из Алупки Владимир много занимался самообразованием, готовился поступить в Высшее техническое училище.

23 мая 1911 года он экстерном сдает в первый кадетский корпус для поступления на военную службу, в военное училище с правом вольноопределяющегося. Выданное свидетельство № 1452 от 28 мая 1911 года давало право на поступление в Высшее техническое училище, в которое он и был принят в августе того же года. И в училище В. Красноцветов продолжает активно участвовать в революционной деятельности, в студенческой организации РСДРП. Об этом свидетельствует еще один документ, полученный 28 ноября 1957 года из парткома МВТУ: *«В.Г. Красноцветов, будучи студентом нашего училища, принимал активное участие в развертывании революционной работы среди студентов и рабочих Москвы перед революцией 1917 года».*

В октябре 1913 года Владимир Григорьевич женился на Марии Васильевне, ставшей его помощницей. Супруги Красноцветовы в доме, где

снимали квартиру, на 2-й Мещанской улице, под полом хранили нелегальную литературу, оружие, самодельные бомбы. Их комната служила явочной квартирой для большевиков-нелегалов, где их снабжали деньгами, литературой, паспортами. В этом Владимиру Григорьевичу помог его брат Сергей Красноцветов.

Группа братьев Красноцветовых оказала большую помощь Московскому комитету РСДРП.

Из переписки департамента полиции, хранящейся в Архиве истории и реконструкции Москвы, видно, что в марте 1914 года социал-демократическое подполье Москвы решило укрепить ослабленную арестами организацию. С этой целью были созданы «Инициативная руководящая группа» и «Пропагандистская коллегия». 6 марта на нелегальном собрании «Пропагандистской коллегии» Владимир Григорьевич был арестован вместе с другими своими единомышленниками, на другой день препровожден в полицейский дом на Якиманке, а через два месяца, 14 мая, он был приговорен к тюремному заключению сроком на три месяца.

Заместитель Московского градоначальника полковник Модль не замедлил известить директора училища об аресте Владимира Красноцветова: *«Студенты вверенного Вам училища Владимир Красноцветов, Виктор Леонтьев и Давид Аронов-Цирлин за нарушение обязательного постановления, изданного господином московским градоначальником от 15 марта 1912 года о сборищах и собраниях, подвергнуты аресту на три месяца каждый, считая срок со дня их задержания».*

Шло время. В ноябре 1917 года были назначены выборы в Учредительное собрание. 4 ноября Ялтинский комитет РСДРП(б) провел первый митинг. В извещении, опубликованном в газете «Известия» Ялтинского Совета рабочих и солдатских депутатов 8 ноября 1917 года, сообщалось: *«4 ноября состоялся первый предвыборный митинг РСДРП(б). Большой зал Пушкинского народного дома был полон рабочими, солдатами и матросами. Митинг открыл председатель комитета большевиков тов. Булевский, поздравивший участников собрания с блестящей победой революционных войск над Керенским. Председательствовал В. Красноцветов. На собрании выступили представители большевиков Борискин, Красноцветов, Булевский...».*

Митинги проводились ежедневно, на них велась жестокая борьба за кандидатов большевиков, против которых выступали эсеры, меньшевики, представители других партий.

10 ноября такой митинг проводился в Гурзуфе, где с яркой, взволнованной речью выступил Владимир Григорьевич Красноцветов. И вдруг ему стало плохо, а через несколько часов он умер.

Ялтинский комитет РСДРП(б) в своем Обращении, опубликованном в «Известиях» Ялтинского Совета рабочих и солдатских депутатов (№ 115 от 12 ноября 1917 года), по поводу смерти Владимира Григорьевича сообщал: *«Ялтинский комитет РСДРП(б) извещает всех товарищей о тяжелой утрате, постигшей партию. Товарищ В. Красноцветов умер на своем посту за революционной работой накануне Учредительного собрания. Комитет просит всех товарищей принять горячее участие в похоронах и отдать последний долг товарищу».*

Учредительное собрание не состоялось. Большевики разогнали его. Возможно, если бы этого не произошло, Россия пошла бы другим путем. Но История не любит сослагательного наклонения. И стало так, как стало: 70 лет тоталитарного режима, — а марксистское учение на поверку оказалось утопией...

«Его слова зажигали...» (Алексей Самсонов)

Лето 1923 года выдалось жарким. Машинистки Калужского губисполкома ходили на работу в легких платьицах, самодельных туфельках на каблучках из лыковой веревки. Их сияющие здоровьем лица нет-нет да и привлекали внимание вечно занятых работников аппарата исполкома. По инициативе месткома в один из субботних вечеров решили провести вечер «СМЫЧКИ» ответственных и технических работников. Зиночка Прозоровская со своей задушевной подругой — они работали машинистками в исполкоме — тоже были приглашены. В этот памятный вечер и познакомились председатель губисполкома коммунист Алексей Кириллович Самсонов и Зиночка Прозоровская.

Танцы были в разгаре, Алексей Кириллович часто приглашал свою новую знакомую потанцевать. Вальс сменялся «полькой», «полька» — «краковяком», а то и просто молодежь отплясывала под баян «гопака» или «цыганочку», или «яблочко». Счастливые молодые люди Алексей Кириллович и Зиночка, разгоряченные танцами, вышли в городской парк прогуляться.

Потом Алексей Кириллович стал заходить к Прозоровским на Театральную площадь. Отец Прозоровских работал на железной дороге. Вскоре Зина получила предложение, скромно сыграли свадьбу, и переехала она жить в коммуну «Спартак». Жили в комнатах семьями. Рядом с комнатой председателя губисполкома жили семьи Кондакова, Билибина и других. Они вносили членские взносы, обедали все в одно время в столовой коммуны. Жили впроголодь, но счастливо и радостно. Через год родился у Самсоновых первенец — сын, продолжатель рода Самсоновых. Назвали Леонидом.

Алексей Кириллович часто выезжал в командировки, а Зинаида Георгиевна водила Леонида гулять в Ленинский сквер. Там по инициативе Алексея Кирилловича калужане поставили памятник Ленину, торжественное открытие его состоялось 6 июля 1925 года.

В долгие зимние вечера Самсонов рассказывал Зинаиде Георгиевне о своем детстве, своей боевой юности. И она, укладывая маленького Леонида спать, укачивая его, каждый раз вспоминала услышанное... Перед ней воочию вставали картины.

...Морозный февраль 1918-го. По дороге от станции Ферзиково в Елькино шагает солдат в длиннополой шинели, с рюкзаком за спиной, винтовкой на правом плече. Свинцовые тучи заволокли небо, нигде ни огонька. Тихо, только слышен скрип солдатских сапог на смерзшемся снегу. Спешит домой солдат. Ждут, наверное, его мать да две маленькие сестренки, братишка. Дождались. Кормилец вернулся, старший.

А на другой день солдаты-односельчане и их единомышленники из окрестных деревень В.С. Васильев, И.Т. Булычев, братья Сильяновы, Кузнецов и другие рассказывали Алексею Самсонову деревенские новости. Оказалось, что в Ферзиковской волости существует еще созданная при Временном правительстве земская управа во главе со старшиной Федотовым и писарем Глебовым. Эту компанию поддержива-

Открытие памятника В.И. Ленину в Калуге

ют местные кулаки, торговцы. Надо что-то предпринимать, хватит им пить кровь народную.

И решили солдаты-фронтовики провести крестьянское волостное собрание, избрать новую власть в лице Совета крестьянских депутатов. Зашли к учительнице Евдокии Ивановне Капраловой насчет помещения, написали приглашения крестьянам, дали ребятишкам разнести по деревням. Назначили день и час собрания. В назначенное время в школу пришло около 300 крестьян. Прибыли и торговцы, врач больницы правый эсер Масленников, помощник начальника станции меньшевик Лазарев и другие...

...Заснул в кровати маленький Леонидик. А мысли Зинаиды Георгиевны текут, вспоминаются фамилии первых сподвижников ее Алексея.

...После долгих дебатов в президиум на этом собрании в селе Ферзикове были избраны солдаты Васильев, Сильянов, Кузнецов. Слово предоставили Алексею Кирилловичу. И он рассказал крестьянам-землякам о победе большевиков, о Ленине, о партии коммунистов. Потом проходили выборы. В первый Ферзиковский волостной Совет крестьянских депутатов вошли А.К. Самсонов, В.С. Васильев, В.Г. Кузнецов, В.А. Сильянов и другие.

Расходились крестьяне делегациями. Победили большевики.

«Так было после победы Октября, — продолжает вспоминать Зинаида Георгиевна. — А как пришел Алеша к большевикам? Он мне рассказывал...»

И снова волной нахлынули воспоминания на молодую женщину.

...Ферзиковские сутлинки могли прокормить крестьянскую семью в лучшем случае до Нового года. Поэтому мужская часть сельского населения издавна уходила в отхожий промысел. Вот и отец Алексея Кирилл Самсонов с детства работал пекарем в Петербурге, и Алексея своей профессии обучил. Алеша уже в 1907 году, с 12 лет, мальчиком на пекарне работал. Там-то он и пристрастился к революционной литературе, принимал активное участие в рабочих забастовках 1909, 1912, 1913 годов. Потом служил в царской армии, не раз избирался в полковые солдатские и революционные комитеты, подвергался преследованиям царского правительства, а потом и Временного буржуазного.

«Да, нелегко приходилось Алексею устанавливать Советскую власть. Голод, разруха, — продолжала думать Зинаида Георгиевна. — Заседания исполкома волостного Совета проходили ежедневно...»

...Крестьяне-бедняки тянулись к новой власти. А торговцы и кулаки, затаив злобу, прятали хлеб, ждали удобного случая сместить комитетчиков.

На одном из заседаний волисполкома было предложено переименовать Ферзиковскую волость в Карл-Марксовскую. Алексей Кириллович рассказал членам исполкома об учении Карла Маркса, о том, что большевики — верные продолжатели его теоретического наследия.

16 февраля 1918 года в Калуге был созван первый уездный съезд Советов. Делегат съезда А.К. Самсонов был избран в состав исполкома, а на заседании исполкома — его председателем. В состав первого исполкома уездного Совета крестьянских и батрацких депутатов вошли В.С. Васильев, И.Т. Булычев — его товарищи по работе в Ферзиковской волости, В.Н. Волотовский и другие. Был создан уездный Совет народных комиссаров, председателем которого был утвержден А.К. Самсонов. В июле этого же года уездный совнарком был распущен.

Вспомнилось и отношение Алексея Кирилловича к Брестскому миру. В.И. Ленин 25 февраля 1918 года послал во все губернии и уезды запрос. А.К. Самсонов собрал внеочередное заседание Калужского уездного Совета, сумел доказать правильность миролюбивой политики Ленина, необходимость заключения Брестского мира.

Или взять революционную агитацию в деревне. Радио и телевидения не было, газет было мало. Всю разъяснительную работу о полити-

Главный состав Калужского уездного исполкома (в центре — А.К. Самсонов)

ке партии и молодой Советской республики вели активисты уисполкома. Увеличивалось количество сочувствующих большевикам, но и росло недовольство имущих.

В марте провели съезд учителей уезда, на котором присутствовали все члены исполкома, затем съезд врачей...

В апреле того же года большевики Калужского уисполкома вынесли решение о создании при исполкоме партийной организации.

В партийный комитет вошли А.К. Самсонов, В.Н. Волотовский, И.Т. Булычев, Г.А. Билибин, В.С. Васильев.

14 мая на Бобруйских складах враги революции взорвали боеприпасы, взрыв огромной силы потряс город. Зашевелилась контрреволюция. На другой день после взрыва Алексей Кириллович приехал в родную волость. Здесь второй день шло бурное собрание с перевесом эсеров и меньшевиков, помещиков и кулаков, торговцев. Помещица Атрыгантьева требовала вернуть ей имение.

Выступил Алексей Кириллович и призвал крестьян изъять землю и инвентарь у помещиков и торговцев, обещая помощь. Снова враги Советской власти остались ни с чем.

15 мая 1918 года проходил второй съезд депутатов Калужского уездного Совета. Алексей Кириллович сделал доклад о внутреннем и международном положении республики. Выступил он и с заключительным словом и указал на необходимость усиления борьбы против происков кулаков.

А в июне вышел Декрет Советского правительства «Об организации комитетов деревенской бедноты». Созданные в уезде комбеды обуздали аппетиты кулаков, провели большую работу по разъяснению декретов Советской власти, сформировали из бедноты продовольственные отряды.

В сентябре провели уездный съезд комитетов бедноты. На съезде отмечалось, что учительство уезда повернулось лицом к крестьянам, проводит читки газет, беседы, разъясняет декрет Советской власти об отделении церкви от государства...

...В это время посылались на лестнице энергичные шаги: Алексей Кириллович вернулся с работы. Он разделся, умылся, поцеловал в щеку супругу, наклонившись над кроватью Леонида, поцеловал нежно в румяную щечку своего спящего первенца. Тот в ответ на отцовскую ласку робко улыбнулся во сне.

— Как вы тут без меня, соскучились? — спросил Алексей Кириллович. — Давай почаевничаем.

— О чем ты тут думала, мечтала? — спросил супругу.

— Да вот вспоминала твои рассказы о становлении Советской власти в Калужском уезде. Расскажи поподробнее о школе-коммуне в Ферзикове, — попросила Зинаида Георгиевна.

— Говорят, что первую треть жизни человек мечтает, вторую — вспоминает. Ну что ж, пока ты стол к чаю сервируешь, попытаюсь вспомнить подробности, родная.

И Алексей Кириллович начал так:

— Ты знаешь, я люблю детей, это же активные строители светлого будущего. А война столько несчастья принесла во многие семьи. Сам Дзержинский занимается борьбой с беспризорниками. Вот и мы на одном из заседаний уисполкома решили большой барский дом Атрыгантьевой отдать под школу-коммуну для беспризорных детей. Давал указания членам исполкома подбирать помещения и организовывать для беспризорных детские дома, направлять в школу-коммуну. Часто бывал в Ферзикове, заходил в школу, помогал продуктами, оборудованием, инвентарем для сельхозработ. Директором школы-коммуны назначили коммуниста А.В. Нестерова.

Учителя-воспитатели проводили уроки, занимались в мастерских, в поле, на огороде.

Накануне нового 1919 года устроили для ребят елку. А летом 1919 года пригласили в школу-коммуну самого Всероссийского старосту Михаила Ивановича Калинина. Мы сфотографировались у школы с крестьянами, М.М. Калининым, Е.М. Ярославским...

Чайник закипел, Зинаида Георгиевна поставила на стол легкий ужин, состоящий из картошки в мундире, морковного чая да нескольких кусочков черного хлеба.

— Алексей, расскажи, как вы коммуну «Спартак» организовали?

— Работники укома партии и уисполкома я, В.С. Васильев, Кондаков, И.Т. Булычев, М.С. Жуков, Курочкин, В.Н. Волотовский организовали коммуну и назвали ее «Спартак». Работали, не считаясь со временем, и сходились вместе только на ночь. По воскресеньям наша коммуна пустела: все разъезжались по деревням, по волостям проводить собрания о текущем моменте.

Бабушка Арина убирала комнаты, готовила нам обед. Жили без семей. Но и она вскоре ушла от нас, ей показалось, что для комиссаров мы слишком бедно живем: хлеб из овсянки, да и тот не вволю. По ве-

черам вели задушевные беседы за своим более чем скромным ужином: делились впечатлениями от прожитого дня, намечали планы на будущее. Иногда пели революционные песни, читали вслух газеты, наслаждаясь коротким отдыхом, с тем чтобы завтра снова с головой окунуться в трудную, но интересную жизнь, работу...

А жизнь действительно была кипучей, многогранной.

В октябре 1918 года по предложению А.К. Самсонова исполком вынес решение о закрытии Дугнинского женского монастыря «Отрада и утешение». Значительная часть монастырских земель передавалась крестьянам-беднякам, имущество — школам, детским приютам, клубам. А в октябре 1918 года Алексей Кириллович был избран делегатом на Чрезвычайный VI Всероссийский съезд Советов, на котором с большой речью, посвященной годовщине Октября, выступил В.И. Ленин.

Алексей Кириллович вместе с другими делегатами съезда присутствовал на открытии памятника Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу на площади Революции, на Красной площади в Москве при открытии мемориальной доски борцам, отдавшим свои жизни за торжество революции.

И снова слушал Ленина и на площади Революции, и у Кремлевской стены.

А на другой день Владимир Ильич сделал на съезде доклад о международном положении. Алексей Кириллович слушал Ленина впервые. И каждая фраза открывала новый мир, слова западали в сердце накрепко, и он вместе с другими делегатами съезда был готов отдать жизнь за дело революции.

В начале 1919 года встала новая задача: организовать вступление крестьянской массы в Красную Армию. В начале марта того же года Колчак захватил Уфу. В.И. Ленин обратился к рабочим с призывом оказать помощь Восточному фронту.

Члены укома партии и исполкома подают заявления с просьбой отправить их на фронт. Но заявления были удовлетворены только троим: Булычеву, Курочкину и Большакову.

Докладывая 18 мая на заседании губкома партии о мобилизации по Калужскому уезду, Алексей Кириллович привел такие цифры: из 200 членов партии 50 коммунистов сразу же влились в полк калужан, отправляемый на фронт.

Поступают сведения с мест сражений. Погиб смертью храбрых под Белгородом А.В. Нестеров — бывший директор школы-коммуны.

В связи с тем, что войска Деникина подходили к Туле, Калужская губерния была объявлена на военном положении. В уездах создаются ревкомы. Председателем уездного ревкома утверждается А.К. Самсонов, членами ревкома — А.Д. Дюдин и Г.А. Билибин. Они организовали в волостях партизанские отряды, назначили командиров и комиссаров, инструктировали их, обеспечили обучение актива военному делу.

За полгода — с мая по октябрь — уездная партийная организация сократилась вдвое, работы прибавилось.

Надо было обеспечивать сражающуюся армию всем необходимым, и в первую очередь хлебом.

Навещал Алексей Кириллович в родном Елькине свою мать. Приедет, бывало, он и с грустью видит, как бедствует его семья — мать с младшими сестрами, а помочь ничем не может.

Соседи посмеиваются: «Твой-то, Марья, теперь самый главный в уезде, пусть помогает, ведь отец-то помер».

Строго посмотрит на таких доброжелателей Мария Егоровна и скажет: «Мой не такой, чтобы общественное добро на себя и на свою семью тратить. Хорошо хоть брата своего, Федюшку, взял к себе на воспитание».

Алексей Кириллович мечтал построить в Елькине школу. Трудно было ребятишкам в ненастную погоду ходить в Ферзиково. И наконец нашел выход. Из Русина перевезли двухэтажный дом родственницы протопресвитера И.Л. Янышева и собрали здание школы. Радовались все: и ребятишки, и их родители, и Алексей Кириллович, осуществивший свою мечту.

В 1919 году часто проводились «Недели». Члены укома партии и уисполкома выезжали в волости и там проводили тематические беседы. Например, во время «Недели земли» — о социалистическом землеустройстве, в «Неделю просвещения» вели беседы с учителями, а учителя — с крестьянами — о просвещении народа. Во время проведения «Недели молодежи» Самсонов приехал в Елькино и подарил парням и девушкам дом под сельский клуб, отобрав его у проворовавшегося члена производственного отдела Алпатова.

Проводили «Дни пропаганды», на один из таких «дней» в Дутну приехали А.К. Самсонов и В.Н. Волотовский, митинговали часа три. Алексей Кириллович говорил о победе над Колчаком, о необходимости разбить во что бы то ни стало полчища Деникина.

Алексей Кириллович обладал счастливым даром оратора. Люди заражались его убежденным словом, верили ему, шли за ним. Побывали в детском приюте, на спектакле в рабочем клубе, в школе, больнице, библиотеке, ознакомились с работой партийной ячейки и волисполкома. И везде, чем могли, помогли дугничам в строительстве новой жизни.

После октябрьских праздников провели «партийную неделю». Состав уездной парторганизации увеличился почти втрое, и на 1 декабря она насчитывала в своих рядах 374 человека, причем 240 вступили во время «партийной недели»...

— О чем задумался, Алексей, — спросила примолкнувшего мужа Зинаида Георгиевна.

— Да вот, вспомнил первый год своей работы в уезде.

— Ты мне обещал о встрече с Калининным рассказать. Ну, пожалуйста.

При воспоминании о Михаиле Ивановиче Самсонов оживился, будто рукой сняло дневную усталость. Закончив ужин, он произнес вполголоса, боясь разбудить Ленюшку:

— Ну, слушай.

— В 1919 году к нам в уезд приехали М.И. Калинин и старый член партии, кандидат в члены ЦК Е.М. Ярославский. Ознакомившись с работой укома и уисполкома, Е.М. Ярославский выступил на пятом уездном съезде Советов с докладом о международном положении.

9 июня 1919 года они участвовали в официальном открытии Ферзиковской школы-коммуны, выезжали в волости.

— Мне думается, — улыбнулся Алексей Кириллович, — Михаил Иванович остался доволен политической и хозяйственной жизнью уезда.

На совещаниях позже он не раз ставил нас в пример другим товарищам.

И замолчал Самсонов, снова воспоминания волной нахлынули...

...Декабрь 1919 года.

Алексей Кириллович вместе с другими делегатами едет в Москву на VII Всероссийский съезд Советов, затаив дыхание, слушает голос вождя. Пять дней продолжался съезд. Владимир Ильич выступал не раз. Он говорил о недостатках, намечал меры, которые должны были проводиться как в центре, так и на местах.

Военное положение в губернии в связи с победами на фронтах Гражданской войны было снято. Но голод и холод, тиф продолжали терзать население губернии и уезда.

В этот трудный период А.К. Самсонов был избран председателем президиума Калужского губисполкома. Забот и ответственности прибавилось, много требовалось сил на обеспечение губернии продовольствием, топливом.

Алексею Кирилловичу вспомнился Всероссийский субботник 1 мая. Члены губисполкома вместе с Самсоновым участвовали в митингах, а потом работали на ремонте дорог, погрузке вагонов.

И по-прежнему он уделял пристальное внимание Калужскому уезду, был членом укома партии и уисполкома. Всегда бывал на съездах Советов уезда, партконференциях, выступал с докладами, помогал где делом, где советом, и уездные работники шли к нему запросто, всегда находили в нем справедливого защитника интересов доброго товарища.

«В мыслях-то как быстро год пролетел, — думает Алексей Кириллович. — А каково мне было привыкать к работе в губернии!»

...И вот снова декабрь. Теперь уже 1920 года. Снова Самсонов вместе с другими делегатами едет в Москву на VIII Всероссийский съезд Советов. Вновь с напряженным вниманием слушает В.И. Ленина, его установки о методах подъема экономики села, работе с крестьянскими массами.

Вспомнился и доклад Г.М. Кржижановского, холодный зал Большого театра, Ленин в президиуме, большая карта электрификации России. На этом съезде Алексея Кирилловича избрали членом ВЦИК.

И возвратившись из Москвы со съезда, собрал Алексей Кириллович актив в Калужском театре и информировал его о работе и решениях съезда Советов, сделал доклад об электрификации губерний. Повторяя положения из докладов Ленина и Кржижановского о плане ГОЭЛРО, он показывал на карте губернии будущие электростанции. И люди тоже внимательно слушали его вдохновенные слова о будущем Калужской губернии.

Большое место в докладе было уделено вопросам культурного развития губернии в связи с электрификацией ее уездов.

В марте 1921 года Алексей Кириллович принимал участие в работе X съезда партии в качестве делегата с правом решающего голоса. Замена продразверстки продналогом, доклад Ленина — то, чего ждало крестьянство от Советской власти.

«Это еще больше укрепит союз крестьянства с рабочим классом», — думал Алексей Кириллович, слушая вождя.

Вернувшись в Калугу, он внимательно изучил стенограммы съезда, информировал губернскую партийную организацию о его работе.

В.И. Ленин написал брошюру «О продналоге». Обсудили этот вопрос на Всероссийской партийной конференции, где А.К. Самсонов был делегатом. С горячими речами, отстаивая ленинскую политику, выступал Алексей Кириллович на VIII уездной и IX губернской партконференциях РКП(б), VII съезде Советов Калужской губернии, на собраниях в парторганизациях. Опубликовал несколько проблемных статей о проведении новой экономической политики в губернии. Более 50 мелких предприятий можно было бы сдать в аренду частным предпринимателям. Даже в сельском хозяйстве положение было лучше, отказ от разверстки привел к увеличению площади посевов.

Оказалась неподготовленной к товарообмену и кооперация. Алексей Кириллович был доволен: план по уплате продналога выполнен успешно.

В статьях «Небольшие итоги и большие перспективы», «Распределительные и товарообменные операции», «О культурной торговле», тезисах доклада на IX губпартконференции «Практическое проведение новой экономической политики» — он указывал пути выполнения ленинской программы, выработанной X съездом РКП(б), Всероссийской партконференцией.

Губконференция и съезд Советов приняли по докладам Самсонова развернутые решения о практическом проведении новой экономической политики в жизнь.

Вспомнился Алексею Кирилловичу и X Всероссийский съезд Советов, огорчение, вызванное тем, что в связи с болезнью на съезде не выступал В.И. Ленин. Однако указания Ленина, высказанные им на XI съезде партии, легли в основу решений съезда Советов. X Всероссийский съезд Советов, на котором А.К. Самсонов присутствовал делегатом с правом решающего голоса, вынес чрезвычайно важное решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, причем предварительно этот вопрос был подготовлен В.И. Лениным в комиссии под его руководством.

А 30 декабря 1922 года состоялся I съезд Советов, на котором также присутствовал А.К. Самсонов в качестве делегата. Вспомнилось Алексею Кирилловичу в этот вечер и его возвращение в Калугу с этих съездов, свои статьи в губернской газете «Тактика РКП(б) в национальном вопросе», информация о съездах на собраниях партийно-советского ак-

тива губернии, статьи в губернской газете «Бюджет калужского крестьянина», «К пересмотру налогового законодательства».

В апреле 1923 года в Москве проходил XII съезд партии, в работе которого Алексей Кириллович принимал участие в качестве делегата. Был он и делегатом XI Всероссийского съезда Советов, проходившего в январе 1924 года. И вот... не стало Ленина.

Алексей Кириллович тяжело переживал эту утрату. Вместе с другими делегатами ездил в Горки проститься с Ильичом, стоял в почетном карауле в Доме Союзов у его гроба, провожал в последний путь в морозный день 27 января — в мавзолей.

А за день до этого, 26 января, в Москве проходил II съезд Советов, на нем также присутствовал Алексей Кириллович в качестве делегата. Он слышал выступления М.И. Калинина, Н.К. Крупской, К.Е. Ворошилова, Клары Цеткин, И.В. Сталина и других. И эти выступления создавали уверенность, что партия справится со своим великим горем и пойдет дальше по пути, указанному Лениным.

Вечерами в калужском общежитии «Спартак» перечитывал Алексей Кириллович стенограммы съездов партии, выступления Владимира Ильича, его выступления на съездах Советов, отдельные работы и с нетерпением ждал выхода в свет издания Полного собрания сочинений В.И. Ленина.

А на одном из заседаний губисполкома по его инициативе было принято решение на бывшей плац-парадной площади разбить сквер имени Ленина.

— Здесь будут цвести розы, будет много-много цветов вокруг памятника Ильичу, — сказал он.

Будучи председателем комиссии по увековечению памяти В.И. Ленина, он лично руководил реконструкцией площади, разбивкой сквера, где намечалось установить памятник, участвовал в выборе проекта, следил за отливкой памятника на заводе. Средства изыскивали. Трудящиеся присылали в специальный фонд деньги от проводимых субботников, отчисляли из зарплаты, устраивали платные концерты, ставили спектакли. Памятник заложили 6 июля 1924 года, а через год состоялось его торжественное открытие.

День выдался ясный, жаркий. Пришло много народа. Шли колоннами со знаменами, цветами...

На торжестве первым выступил Алексей Кириллович. Говорил задушевно, торжественно и проникновенно.

Среди принявшихся кустов роз стоял памятник — Владимир Ильич с выброшенной вперед рукой, как бы призывающий к новым победам...

...И вот уже Зина с маленьким Леонидиком гуляет у памятника Ленину.

— Как быстро течет время. Вот и мне недавно исполнилось тридцать.

...Маленький Леонид всхлипнул во сне, прервав воспоминания отца.

— Пора готовиться ко сну, — решил Самсонов, выключая подслеповатый свет ночной лампы. — Завтра снова работа...

...И вот я на квартире у Зинаиды Георгиевны. Ей 70, но она полна сил и энергии, очень живая, общительная. Ей скучно сидеть одной дома, и она еще работает с неполным рабочим днем.

Я застал ее дома после обеда. Мы разговорились. Зинаида Георгиевна рассказала:

— Вместе всей коммуной ходили в выходные дни в театр. И тоже обсуждали коллективно. Летом жили в бору на даче, и тоже все вместе на одной даче. Алексей Кириллович любил играть в городки.

Двери у нас никогда не запирались, жили открыто: все приходило к нам запросто.

Я удивлялась разносторонности интересов и познаний мужа, его кипучей энергии. Он много читал, любил вечерние беседы. Люди шли к нему за советом и помощью. Он никогда не жаловался на усталость, хотел все больше знать. Не хватало только времени, чтобы впитать в себя знания.

В 1925 году он участвовал в работе XII Всероссийского и III Всесоюзного съездов Советов, ездил по уездам, писал статьи в газеты, строил планы, как лучше организовать работу в губернии.

Он стоял у самых истоков становления Советской власти, строил социализм, власть Советов в волости, уезде, губернии.

— В конце августа 1925 года Алексей Кириллович пришел домой особенно возбужденным, — рассказывала Зинаида Георгиевна. — Оказывается, из ЦК партии в губком РКП(б) пришло постановление, что А.К. Самсонов по решению ЦК отзывается в Москву. Привлекательно было то, что открывались новые горизонты для пополнения знаний: он сможет учиться и дальше.

В конце сентября 1925 года А.К. Самсонов уехал на новую работу членом Совета Сельскосоюза, жил в общежитии, осваивал новое дело, много читал, ждал квартиру, когда бы могли переехать к нему и мы.

А потом Алексея Кирилловича назначили первым заместителем Народного комиссара социального обеспечения РСФСР. Снова новые обязанности, новая ответственность.

Наркомом был И.А. Ноговицын — член партии с 1905 года. Через год нарком и его первый заместитель издали третий том большого сборника по социальному обеспечению, в котором опубликовали все действующие законы по вопросам государственного обеспечения инвалидов войны, крестьянской взаимопомощи и др.

— Мужа в то время очень интересовал вопрос о социальном обеспечении маломощных крестьян. Через год он выпустил брошюру «Обеспечение престарелых крестьян и инвалидов».

— Вот еще один интересный факт из жизни Алексея Кирилловича, — продолжила нашу беседу Зинаида Георгиевна. — Стало известно, что в 1927 году в Париже состоится Международный конгресс социальной помощи и социальной гигиены, на который приглашены представители многих стран, в том числе и Советской России. Из-за болезни И.А. Ноговицына было предложено готовиться к поездке на конгресс Алексею Кирилловичу. В делегацию входил и нарком здравоохранения профессор Московского университета по социальной гигиене Н.А. Семашко. Открылся конгресс в июне 1928 года. Париж поразил Алексея Кирилловича красотой площадей, бульваров.

Вместе с другими делегатами конгресса он посетил памятные места, связанные с жизнью В.И. Ленина в Париже, побывал у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез.

— Да, Вы знаете, — продолжала Зинаида Георгиевна, — Алексей Кириллович встречался с Белой Куном. А было это так. После Парижа Самсонов должен был задержаться в Германии. Там ему предстояло познакомиться с использованием труда инвалидов в различных областях промышленности. И кроме того, он получил задание ЦК партии сопровождать от Берлина до Ленинграда только что выпущенного из австрийской тюрьмы венгерского революционера Бела Куна. Он рассказывал в дороге Алексею Кирилловичу о своей жизни в России, встречах с Лениным, причинах поражения Венгерской Советской Республики, просуществовавшей в 1919 году всего лишь 133 дня.

Вернувшись в Москву, Алексей Кириллович вновь с головой окунулся в дела Наркомата. Жили мы в то время в двухкомнатной квартире на

Плющихе. Часто к нам в гости приходил поэт Г.Д. Деев-Хомяковский. Они были земляками с Алексеем Кирилловичем.

Вместе ходили гулять в Тимирязевский парк, в Сокольники. У этих замечательных людей было много общего. Тяжелое беспросветное детство, не менее тяжелое отрочество в полутемной душевной булочной. Деев-Хомяковский даже посвятил моему мужу одно из своих стихотворений — «Пахарю».

— Михаил Иванович Калинин очень хорошо относился к моему мужу, — продолжает вести рассказ Зинаида Георгиевна. — Еще с 1919 года, с Калужского уисполкома. Алексей Кириллович просил Всесоюзного старосту направить его на учебу. А Михаил Иванович ответил: «Подожди, не всем же учиться. Надо кому-то и работать. Ты еще молодой, можешь потянуть работу и потяжелее».

И в начале 1930 года мы переехали в Уфу. Алексей Кириллович стал работать заместителем председателя Совнаркома автономной республики, председателем Госплана Башкирской АССР.

Приехали в марте. Как сейчас помню: на полях лежал еще снег. Шел третий год первой пятилетки. Туго проходила коллективизация. Город был освещен слабо, по улицам текли первые ручейки.

Алексей Кириллович познакомился с сотрудниками Госплана, вошел в состав комиссии по районированию республики. И уже в июне 1930 года на областной партийной конференции он был избран членом пленума и членом бюро Башкирского обкома ВКП(б)... Три с половиной года прожили мы в Уфе.

Алексей Кириллович быстро вошел в курс дела и всю свою кипучую энергию направил на развитие народного хозяйства и культуры республики. С его участием были пересмотрены и уточнены планы первой пятилетки, причем он уделял самое пристальное внимание научному обоснованию планов и организации их выполнения.

— Помнится, он еще статью опубликовал в республиканском журнале «Хозяйство Башкирии». Она называлась, кажется, «К пересмотру пятилетнего плана народно-хозяйственного и культурного строительства в БАССР». В ней приводились данные о том, что республика располагает большими топливными и сырьевыми ресурсами, и в связи с этим есть реальная возможность увеличить первоначальные наметки пятилетнего плана. В статье он обращался с призывом к работникам народного хозяйства Башкирии обсудить на собраниях трудовых

коллективов проект плана, чтобы Госплан БАССР мог учесть замечания и предложения трудящихся.

Алексей Кириллович придавал исключительно важное значение участию в планировании широких народных масс.

Своим энтузиазмом он заражал всех сотрудников Госплана республики, за короткое время сумел сплотить их в работоспособный коллектив.

— Жили мы в Уфе в квартире без всяких удобств. Алексей Кириллович часто ездил по командировкам в отдаленные районы. Хлебный паек выдавали мукой, молоко маленькому Владилену доставала с трудом, — рассказывает Зинаида Георгиевна.

...В это время в квартире раздался звонок.

— Вот и Владик идет.

— Мы как раз о тебе говорим, — сказала Зинаида Георгиевна, знакомя меня с седеющим мужчиной. — Вот он родился у нас в Уфе. Трудное время было. Я и пекла сама хлеб, и выполняла всю домашнюю работу. Ведь на моих плечах двое маленьких было.

Бывало, Алексей Кириллович, уезжая в дальний район, говорил: «Ты не сердись, работы много».

При его участии в Башкирии было построено много предприятий. Вагоностроительный завод, например, фанерный комбинат, спичечная фабрика, завод «Дубитель» и другие предприятия. Но, пожалуй, больше всего Алексея Кирилловича увлекала работа по поиску нефти.

— Помню, — продолжает Зинаида Георгиевна, — летом 1932 года приехал в Уфу академик И.М. Губкин, бывал у нас. Вместе с мужем побывал на новом нефтяном месторождении. Радости столько было! Академик выступил со статьей в газете, на заседании Совнаркома республик о перспективах развития Башкирского нефтерожения. Алексей Кириллович с присущим ему энтузиазмом добивался строительства железной дороги к Ишимбаю, обеспечения работ, связанных с добычей нефти, привлек к решению нефтяной проблемы ученых, специалистов. Можно сказать, что в создание «Второго Баку» вложена значительная доля труда Алексея Кирилловича. Он был и одним из редакторов журнала «Социалистическое хозяйство Башкирии». На страницах этого журнала часто публиковались его статьи.

Рассказывая о своем замечательном супруге, Зинаида Георгиевна и ее сын Владилен Алексеевич и не знали, что в партийном архиве Калужской области хранится дело Алексея Кирилловича, в котором со-

хранены воспоминания его соратников по Башкирскому Госплану Н.Н. Барсова, П.Г. Воробьева, В.А. Токарева, которые очень тепло отзывались о деятельности Самсонова: «Он был чутким и отзывчивым человеком, до конца преданным идее коммунизма», «Всегда трудился страстно, вдохновенно», «Глубоко верил в то, что на земле восторжествуют идеи коммунизма», «Его слова зажигали других в борьбе за это великое дело», «Он принадлежал к числу настойчивых, требовательных руководителей, не допускавших пустой болтовни и требовавших от сотрудников большой конкретности», «Обладал искусством четко организовать работу коллектива, способностью подмечать зарождение всего нового, передового».

— А осенью 1933 года, — рассказывает Зинаида Георгиевна, — мы переехали в Сталинград. Моего мужа перевели по решению ЦК ВКП(б) работать заместителем председателя крайисполкома и председателем крайплана Нижне-Волжского края.

С первых дней работы его захватило составление большой справочной книги «Нижнее Поволжье». Здесь давалась и география края, и состояние промышленности, сельского хозяйства, путей сообщения, рыбного хозяйства, социально-культурного строительства края. Отдельные разделы были посвящены составу партийных организаций, Советов, профсоюзов... А в январе 1934 года Нижнее Поволжье было поделено на два края — Саратовский и Сталинградский.

— На краевой партийной конференции Алексей Кириллович сделал подробный доклад о перспективах промышленного, сельскохозяйственного и культурного развития вновь образованного края, его границах, планах на вторую пятилетку. Рассказал делегатам партконференции о перспективах реконструкции Сталинградского тракторного завода и Красноармейской судовой верфи, о сооружении завода по переработке нефти, расширении химкомбината, о строительстве автозавода.

На этой конференции Алексея Кирилловича избрали членом Сталинградского крайкома ВКП(б).

Обстоятельно изучив экономику края, перспективы ее развития, он опубликовал брошюру «Вторая пятилетка Сталинградского края».

— Настроение мужа улучшилось, — говорит Зинаида Георгиевна. — Работа здесь была живее, интереснее, и сам город крупнее. Волга, асфальтированные улицы и тротуары, библиотеки, театры. Ему все это хотелось сделать еще лучше, еще краше.

Весной в Сталинграде зацвела белая акация, на плечи прохожих медленно падали ее лепестки, запах акации окутал весь город.

У Алексея Кирилловича сложились хорошие отношения с председателем крайисполкома, сотрудниками крайплана. Они вместе любовались цветущим городом, следили за работами по его озеленению, как покрываются садами и скверами его улицы и площади.

— Здесь мы жили уже в квартире со всеми удобствами. У мужа была отдельная комната-кабинет с книгами, рукописями. В свободное от работы время он брал с собой сыновей, и мы гуляли по набережной вдоль Волги, перебирались на другой берег, отдыхали в лесу.

Во время работы в Сталинграде Алексей Кириллович был весел, жизнерадостен. Писал статьи, делал доклады, редактировал отдельные работы. Росла сеть школ, вузов.

А в июле 1937 года Алексей Кириллович был репрессирован. И я с детьми уехала в Калугу к маме.

Леонид погиб на фронте в 1944 году. Живем вот вдвоем с Владилеином. Трудно было, но теперь все позади. Алексея Кирилловича реабилитировали. Я работала машинисткой в аптекоуправлении, в годы войны — на железной дороге телеграфисткой. От Леонида получила письмо. Старший сын писал: «Отправляюсь добровольно с штурмовой группой форсировать Неман. Надо искупить вину за оккупацию и “вину” за отца. Предчувствий плохих нет. Пытал три раза счастье. Два снаряда не разорвались, затем — плавание в лодке под пулеметом. Может быть, и глуп я, но после разберемся. Бодр. Настроение отличное. Совершенно спокоен. Леонид».

В эту ночь 16 июля 1944 года Леня Самсонов «проявил героизм и был убит». Об этом рассказала маме и младшему брату «похоронка», присланная военкоматом. А ему было всего 19 лет.

Зинаида Георгиевна и Владилен Алексеевич Самсоновы жили в Калуге. Калужане помнят своего первого секретаря укома партии и председателя губисполкома. Калужская областная санаторно-лесная школа в Ферзикове носила его имя, также его именем названа и одна из улиц в Ферзикове. На бывшем Доме Советов висит мемориальная доска, на которой среди участников становления Советской власти в Ферзиковской волости первым выбито имя Алексея Кирилловича Самсонова — верного сына России.

Заместитель главкома Сибири И.М. Царицын

Иван Михайлович Царицын (1888–1968) — герой Гражданской войны в Сибири — родился в деревне Аристово Калужской губернии (ныне Ферзиковский район). С малых лет он познал нужду и тяжелый труд. Земля не могла прокормить большую семью — приходилось уходить на заработки, заниматься «отхожим промыслом». Едва Ваня Царицын подрос, его отправили в Оренбург учиться на повара. И уже в декабре 1905 года он вступает в ленинскую партию. Затем арест, суд. Царские власти высылают молодого революционера в Барнаул. Так И.М. Царицын становится политическим ссыльным, он много читает, повышая свои политические знания.

Началась Первая мировая война, И.М. Царицына мобилизовали в царскую армию. Грамотного солдата заметили и назначили унтер-офицером.

После свержения самодержавия солдаты Томского гарнизона избрали И.М. Царицына в горсовет. Большевик добросовестно выполнял поручения партии. Но ухудшилось здоровье, унтер-офицера демобилизовали, и он едет в Барнаул. Врачи помогают ему встать на ноги.

И вновь И.М. Царицын в политической борьбе. Сохранился фотоснимок митинга 1 мая 1917 года. Под транспарантом «Совет рабочих и солдатских депутатов» — видные революционеры Алтая: ученик Ленинской школы в Лонжюмо И. Присягин, А. Селезнев, Д. Сулин. Рядом с Сулиным — большевик-прапорщик Н. Малюков, плечом к нему — И. Царицын.

Весной 1918 года в Каменском уезде эсеры подняли мятеж. Из Барнаула на подавление мятежа вышел отряд Красной Гвардии, ко-

торым командовал И.М. Царицын. Подавив мятеж, бойцы революции вернулись с победой.

В ночь на 26 мая 1918 года в Новоиколаевске (Новосибирск) агенты Антанты спровоцировали мятеж солдат чехословацкого корпуса против Советов. Алтайский ревком назначил И.М. Царицына начальником штаба Красной Гвардии. Начались бои, мятежники широко использовали артиллерию, у ревкома же и пушек не было. Царицын запросил Омск, и Центросибирь обещала помочь. Батарею в Омске погрузили на платформы. Но события развивались стремительно: бои, бои...

И.М. Царицын

Из-за отсутствия пушек пришлось оставить Черепаново и Тальменку. Снаряды врага стали рваться на окраинах Барнаула. Утром 15 июня 1918 года ревком приказал оставить город.

Три эшелона двинулись к Семипалатинску, под Шипуновой их обстреляли, бойцы выпрыгивали из вагонов и бросались в атаку. Станцию взяли, но потери оказались большими. Вражеская пуля обожгла плечо Царицыну — рану перевязали.

Эшелоны отошли к Алайску. Там на митинге более двух тысяч человек бойцов решили продолжать борьбу. Своим командиром они выбрали кольчугинского большевика Петра Федоровича Сухова, начальником штаба — председателя военотдела Барнаульского горсовета Дмитрия Григорьевича Сулина. Командиры повели бойцов на север — к Омску. Царицын рядовым шагал в колонне. Ныла рана, он винил себя во всех неудачах. Его заметил Сулин и пригласил служить в штабе. Царицын согласился.

Выпускник Одесского пехотного училища Дмитрий Сулин имел боевой опыт (бывший подпоручик). Все свои фронтовые знания он стал передавать Царицыну, учил его пользоваться топографической картой, вести штабные документы, обеспечивать войска всем необходимым.

Бойцы дошли до деревни Харитоново, находящейся в выгодном географическом положении. Здесь командиры решили скомплектовать Красную бригаду. Назначались командиры батальонов, рот и взводов, политруки, интендантство и санчасть.

Разведка донесла, что в соседних селениях появились вражеские отряды. Стало ясно, что белогвардейцы стягивают силы. Командование решило нанести упреждающие удары. В их разработке принял участие Царицын. Первые победы под Баевыми Ленками, Глубоким и Вылковом вдохновили бойцов. Под Овечкиным взяли богатые трофеи: двести кавалерийских лошадей, четыре ящика ручных гранат и топографические карты. Из бывших конников командиры сформировали эскадрон, а из фронтовиков во всех батальонах создали группы гранатометчиков.

На север выступила отлично укомплектованная Красная бригада. На алом стяге слова: «Да здравствует социалистическая Красная Армия и Гвардия. 1918 год».

С боями бригада дошла до села Травного (теперь Доволенского района Новосибирской области). Когда до магистрали оставалась добрая сотня километров, командиры узнали, что Омск занят врагом. Без пушек было не пробраться. Фронт уже ушел к Тоболу. Командиры решили повернуть бригаду к югу, достичь границы и двигаться к Красному Туркестану.

В Травном Царицын почувствовал себя очень плохо, обострилась болезнь, открылась рана. Он попросил совета у Сулина. И тот, имея бланки и печать уездного военного комиссара, выдал Царицыну освобождение от мобилизации по болезни. Бригада вернулась на юг, а Царицын укрылся в соседней деревне. Поправив здоровье, он добрался до советского командования и доложил о боях суховцев.

Царицыну предложили служить в штабе, где проявились его недюжинные способности: он активно участвовал в планировании операций по разгрому Колчака. Командование повышало ему звания.

При освобождении Новониколаевска вражеская пуля ударила его в грудь, пройдя в сантиметре от сердца. И.М. Царицын попал в госпиталь. После лечения партия вновь доверила ему высокие воинские посты. Самый высокий — заместитель главкома Сибири по тылу. В его петлицах сияли два ромба (ныне — звание генерал-лейтенанта).

Оргбюро ЦК партии вызвало И.М. Царицына в Москву, он получил ответственное задание — несколько лет работал генеральным представителем Госстраха СССР в Тегеране.

В годы борьбы советского народа с фашистскими захватчиками И.М. Царицын обеспечивал советские войска нефтепродуктами. Его грудь украсили медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В 1967 году Советское правительство наградило И.М. Царицына орденом Трудового Красного Знамени.

Он встречался с друзьями в Центральном музее Октябрьской революции, дружил с женой Сулина Леонилой Арсентьевной, после гибели мужа хранившей память о нем. Вскоре она вышла замуж за чекиста Виталия Лазарева, поклявшегося чтить память Сулина.

Царицыны и Лазаревы называли своих сыновей одинаковыми именами.

Весной 1968 года внезапно заболела и умерла младшая дочь И.М. Царицына. Эта потеря сильно отразилась на его здоровье. Через месяц он скончался.

Память о скромном и мужественном борце за светлое будущее навсегда сохранится в благодарных сердцах калужан и сибиряков.

Комиссар Вера (В.А. Ульяновская)

В конце июня 1918 года в актовом зале Калужской женской гимназии говорливыми стайками собрались в парадной форме выпускницы. Экзамены позади, наступили торжества вручения аттестатов зрелости. Велико же было их изумление, когда им вручили... по два аттестата. В одном из них, написанном на гербовой бумаге с соблюдением старой орфографии с «ять» и твердыми знаками, после перечисления оценок по предметам указывалось, что «предоставляются владелице оного все права, как и выпускникам мужских гимназий и реальных училищ, кроме права по чинопроизводству». В другом — без оценок и на простой, чуть ли не оберточной бумаге — говорилось: «Рабочее и Крестьянское Правительство. Калужский комиссариат Народного Просвещения». А внизу — подпись: «Губернский комиссар народного просвещения М. Салько».

Среди обладательниц этих двух аттестатов находилась и Вера Ульяновская. Ей очень хотелось продолжить образование, и она поступила учиться на историко-филологический факультет Высших женских курсов в Москве. В октябре того же года на курсах проходил митинг курсисток, где было решено оказать помощь гражданам молодой Советской республики в борьбе с неграмотностью. Через несколько дней после этого митинга Вера, оформив годичный отпуск, приехала домой в Калугу и получила место учительницы в деревне Усадье Урицкой волости. В школу ходили ребята трех деревень за три-пять километров пешком. Школа была маленькая, с одной классной комнатой и отгороженным углом для учительницы. Вера Александровна взяла второй и четвертый классы. В первой половине дня ребята учились, а после обеда усадские мальчишки и девчон-

ки приходили к учительнице читать книжки.

Через год Вера Ульяновская поступила на курсы в Москву.

А время было беспокойное, Москва пестрела призывами: «Республика в опасности!», «Все на защиту Республики!», «Записался ли ты добровольцем в Красную Армию?».

Под влиянием этих событий в октябре 1919 года на курсах состоялся митинг, на котором решили: всем курсантам выехать на фронт. Вскоре они узнали, что их просьба удовлетворена. Рано утром 28 октября в одном из домов в Малом Хартоньевском переулке состоялась

В.А. Ульяновская

встреча курсантов с В.И. Лениным, рассказавшим о положении на фронтах Гражданской войны, о поведении русской и иностранной буржуазии, о значении идеологической работы среди красноармейцев и о том, что борьбу рабочих и крестьян против контрреволюции надо довести до победного конца, а победа неизбежна. Два часа пролетели незаметно. У всех было одно желание: отдать свои молодые силы на разгром ненавистного врага, на победу пролетарской революции.

На другой день газета «Правда» сообщила, что «учащиеся курсов внешкольного образования выразили желание ехать на фронт, по этому поводу курсы посетили тт. Ленин, Луначарский и др. В своих речах приветствовавшие отметили горячий порыв курсантов помочь своим братьям, сражающимся за лучшее будущее».

После доклада В.И. Ленин, А.В. Луначарский, Н.К. Крупская сфотографировались с курсантами.

На фронт уезжали 4 ноября. Н.К. Крупская вновь посетила отъезжавших. С огромным удовлетворением восприняли они ее напутственное слово, а в ответ обещали отдать все силы делу просвещения красноармейцев. Собрались на перроне Казанского вокзала.

В.А. Ульяновскую и некоторых из ее друзей отправили в Самару, а затем в Оренбург, в политотдел Первой армии. Вера Ульяновская была

В.И. Ленин и Н.К. Крупская в группе слушателей курсов по внешкольному образованию, отправившихся на фронт, 1919, 28 октября, Москва

зачислена инструктором культпросветотдела, ей поручили вести занятия в нескольких красноармейских школах и читать лекции в партийной красноармейской школе.

В начале 1920 года политотдел Первой армии был переведен в город Полторацк, В.А. Ульяновскую назначили заведующей культпросветотделом 2-й бригады 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии. Через месяц на общем собрании партячейки Первой армии ее приняли в члены партии. Вера Ульяновская проверяла, как идет ликвидация неграмотности, налаживала выпуск газеты, читала лекции, доклады, организовывала и проверяла работу драмкружков. В каждой воинской части ей хотелось создать школы повышенного типа. В дальнейшем она собрала учителей местных школ и убедила их заниматься с красноармейцами в свободное от занятий в школах время.

В апреле того же года Политотдел переехал в Кушку — военную крепость. Культпросветработа в воинских частях заметно оживилась, стали выпускать газету «Луч Востока», в полках и эскадронах организовали передвижные библиотечки, открыли читальный зал, где стали проводить занятия по физике, химии, астрономии, математике. В конце февраля 1921 года В.А. Ульяновская получила отпуск и приехала в родную Калугу. Когда вернулась в армию, ее назначили в агитпоезд. Мель-

кали города Коканд, Наманган, Андижан, Фергана. Театральная группа агитпоезда выступала с концертами и спектаклями. На агитпоезд не раз нападали басмачи, приходилось держать оборону, охранять поезд в ночное время.

В 23 года В.А. Ульяновская стала комиссаром курсов востоковедения при штабе Туркестанского фронта. Курсантами были в основном бывшие белые офицеры. Начальник курсов слабо следил за дисциплиной: среди слушателей не было ни одного политработника, да и партячейка была небольшой. Вера Александровна сумела убедить начальство в необходимости введения дисциплинарных мер к нарушителям распорядка.

На рукаве у комиссара курсов — два ромба, звание приравнялось к военному комиссару дивизии (генерал-лейтенант). У нее была печать курсов, и начальник их не имел права принимать решения без подписи комиссара и его печати. Вела она и преподавание политических дисциплин.

Осенью 1922 года комиссара курсов В.А. Ульяновскую демобилизовали, и она поступила учиться в Московский государственный университет.

В.А. Ульяновская защитила кандидатскую диссертацию, 20 лет работала в Академии наук, десять лет возглавляла Дом ученых в Москве, позже была старшим научным сотрудником Института истории Академии наук СССР.

В.А. Ульяновская долгое время сотрудничала в исторической секции Дома Советской Армии в Москве.

Дружила «комиссар Вера» и с А.К. Самсоновым, уже в послевоенные годы часто приезжала к воспитанникам санаторно-лесной школы имени Самсонова в село Ферзиково, располагавшейся в бывшем доме помещицы Атрыгантевой. Несколько лет тому назад ее не стало.

Похоронена в Москве.

Революционный оратор Алексей Дюдин

Алексей Дмитриевич Дюдин (1898–1935) родился и вырос в селе Андронове, с детских лет занимался сапожным ремеслом и достиг звания мастера. Способный юноша работает на выборных должностях в крестьянских кооперативных организациях: в Аристовской молочной артели, в Андроновском сельскохозяйственном товариществе, Ферзиковском ссудо-сберегательном товариществе, губернском союзе молочных артелей. Образование имел «среднее» — два класса церковно-приходской школы. Но много занимался самообразованием.

В мае 1918 года А.Д. Дюдин вступает в ряды РКП(б) и работает заместителем уездного продкомиссара, заведующим финотделом в уездном Совете крестьянских и батрацких депутатов. Здесь-то и пригодилось ему знание финансового дела: он вводит чрезвычайный налог на местную буржуазию в Калужском уезде.

А во время наступления деникинцев на Москву работает секретарем уездного военно-революционного комитета, избирается членом исполкома уездного Совета.

С раннего детства костный туберкулез превратил А.Д. Дюдина в инвалида, передвигавшегося лишь с помощью костылей. Но физический недостаток не сломил кипучую натуру. Это был необычайно живой и энергичный человек, полный оптимизма.

Жили члены укома партии и члены уездного исполкома в общежитии, в коммуне «Спартак», по воскресеньям выезжали на места, тезисы для докладов готовили по очереди. А.Д. Дюдин никогда не пользовался этими тезисами, обладая феноменальной памятью. Как-то принесли из библиотеки «Историю» Ключевского, Алексей Дмитриевич прочитал ее и запомнил настолько, что мог цитировать главами.

Партийно-хозяйственный актив Калужского уезда. 1-й слева — А.Д. Дюдин

В 1919 году авторитет А.Д. Дюдина настолько возрос, что коммунисты Калужского уезда избрали его председателем уездного комитета партии, а через год он стал заместителем председателя губкома партии, три года возглавлял земотдел губисполкома, губсоюз потребительских обществ.

Талант народного трибуна развивался у А.Д. Дюдина в спорах и диспутах, а их в то горячее время проводилось в губернском городе Калуге немало. Вот ему предоставляется слово. Стуча костылями, он поднимается на сцену, становится на трибуну и начинает говорить. Живое волевое лицо, горящие глаза, черные как смоль зачесанные назад волосы, крепко сжатые кулаки — весь вид бойца, готового к беспощадной схватке с врагом. Зорко всматривается в аудиторию. Горячая взволнованная речь убеждает слушателей в его правоте своей железной логикой, неопровержимыми доказательствами.

А.Д. Дюдин был большим мастером полемической речи, молниеносной реакции, острого слова. Комитет партии часто направлял его докладчиком в трудные коллективы. Он умел с первых слов установить контакт с аудиторией, заставить слушать себя. Гордость слышалась в его речи, когда он рассказывал о массовом героизме бойцов и командиров Красной Армии, о воинском искусстве наших полководцев. Его речь внушала слушателям непоколебимую уверенность в неисчерпаемые силы рабочего класса и трудового крестьянства.

И в то же время с убийственным сарказмом говорил он об иностранных горе-стратегах в речи о разгроме барона Врангеля.

Но, пожалуй, наиболее выдающимися были его выступления на антирелигиозных диспутах. Однажды А.Д. Дюдин выступал в присутствии кандидата в члены ЦК партии Ем. Ярославского, который заинтересовался личностью выступавшего.

— Кто таков? С каким образованием?

И каково же было его удивление, когда ему сказали, что на трибуне сапожник из Аристовского сельсовета, с двухклассным образованием.

А.Д. Дюдин был яркой и талантливой натурой, блестящим оратором, активно боровшимся за установление Советской власти в нашем крае.

Однажды демагоги на одном из съездов старались настроить делегатов против Советской власти. А.Д. Дюдин послушал и попросил слова, выступил, внес поправку в проект резолюции: «для рабочих, трудового крестьянства и тех, кто трудится». Эта поправка настолько смутила демагогов, что против нее никто не выступил.

Участвовал он и в создании первых коммунистических партячеек в нашем крае.

«Можно только удивляться разносторонности знаний А.Д. Дюдина», — вспоминали современники.

Умер Алексей Дмитриевич Дюдин в 1935 году, похоронен в Москве.

Активный пропагандист Дмитрий Корпунков

Крестьянин из деревни Перерушево Ферзиковской волости бывшего Калужского уезда (ныне Хомяковская сельская администрация Ферзиковского района) Дмитрий Платонович Корпунков с юношеских лет связал свою судьбу с партией большевиков.

Ферзиковские суглинки не могли прокормить семью хлебом весь год, его хватало лишь до Рождества. И мужское население волости, да и Калужского уезда сызмала шло в города на заработки. Уезжали в Москву, Петроград, Харьков, Одессу будочниками, половыми в трактиры, малярами на стройки, каменщиками. Так было и с Дмитрием Корпунковым, ставшим пекарем и с юных лет включившимся в борьбу против царского самодержавия. А в конце 1915 года он был призван в армию. Общительный, политически грамотный солдат — он и в своем полку нашел единомышленников, организовал в роте кружок РСДРП, в скором времени переросший в большевистскую ячейку, руководил которой Дмитрий Платонович до марта 1917-го.

Известие об отречении царя Корпунков и его товарищи встретили в казарме, сразу же провели собрание и решили в честь этого знаменательного события вывесить на казарме красный флаг с надписью: «Да здравствует III Интернационал!».

Молодого большевика товарищи по роте избрали членом полкового солдатского комитета. После его выступления на полковом митинге о том, что война идет не в интересах трудового народа, что воевать незачем, к нему увеличилась неприязнь со стороны эсеров-меньшевистской верхушки. И на следующий день после этого митинга его арестовали как большевика-пораженца, обвинив в измене. Освободили из-под ареста лишь в дни Октябрьского переворота.

...Вернулся солдат домой в родную деревеньку Перерушево, с радостью встретили его отец Платон Корпунков, мать, братья, сестры. Немного окрепнув, он поехал в Калугу и был направлен на работу в Губземотдел. Работал энергично: стосковался за три года солдатской жизни, создавал комбеды, совхозы, коммуны.

В начале декабря 1919 года в Москве должен был проходить I съезд сельскохозяйственных коммун и сельхозартелей. Представителем от Калужской губернии на съезд делегировали в Наркомзем Дмитрия Платоновича. В столицу он приехал пораньше и остановился у Семена Пафнутьевича Середы, которого вскоре пригласил Ленин. Нарком земледелия взял с собой и Дмитрия Платоновича.

Лидия Александровна Фотиева доложила Ильичу, что в приемной ждут нарком Середя и гость из Калуги. Минут через десять их пригласили в кабинет. Ленин поинтересовался у Дмитрия Платоновича, как в губернии проводится в жизнь закон о социалистическом переустройстве, какие формы землепользования имеются у крестьян, в чем заключается их социалистический характер, как ведется пропаганда по общественной обработке земли, много ли безлошадных крестьян в губернии.

В.И. Ленин, Я.М. Свердлов в Президиуме I Всероссийского съезда земельных отделов комитетов бедноты и сельскохозяйственных коммун в Колонном зале Дома Союзов, 1918, 11 декабря, Москва

И Дмитрий Платонович подробно рассказал, что по уездам и волостям губернии распространено «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», что оно разъясняется крестьянам на сельских сходах.

Сообщил он и о том, что в губернии на базе помещичьих имений создаются земледельческие коммуны и артели, что инвентарь из имений передается товариществам по совместной обработке земли. Около 30 земледельческих коммун и 90 артелей в губернии уже создано, широко применяется организация товариществ по совместной обработке земли. И подробно рассказал о хорошо работавшей коммуне «Красный городок» на базе бывшего имения князей Голицыных.

— Выполняя первые декреты Советской власти о земле, — рассказывал Дмитрий Платонович, — губернский и уездные земельные отделы взяли на учет всю помещичью и монастырскую земли. Голицынское имение начало хиреть уже в годы войны, было отдано на откуп управляющему, инвентарь изнашивался и почти не ремонтировался, поголовье крупного рогатого скота и лошадей уменьшилось вдвое по сравнению с довоенными годами. Попытка создать коммуну из местных крестьян не увенчалась успехом, и инициативу по ее созданию взяли на себя солдаты Бобруйских складов. Инициатором стал комиссар артсклада, участник революции 1905 года А.А. Александров, председателем избрали С.С. Банцержу. В коммуну вступило 68 человек, в т.ч. 15 мужчин, 27 женщин, шесть подростков и 20 детей. Местные власти выделили 200 десятин земли, из них 68 — пахотной, передали и сохранившийся инвентарь: четыре конные косилки, три жатки, молотилку, веялку, селялку, несколько борон, плугов, культиваторов, двое конных граблей, маслобойку с сепаратором, 21 лошадь, 40 голов крупного рогатого скота, 18 свиней, 12 овец, птицу. Губбюро коммун ассигновало на нужды коммуны сто

С.П. Середа — нарком земледелия

тысяч рублей (по курсу того времени). Благодаря помощи государства, своих шефов — рабочих и солдат артсклада, коммунары в скором времени вылечили скот, отремонтировали инвентарь, успешно провели весенний сев, а осенью собрали неплохой урожай, обеспечив скот кормами, озимый и яровой клин — семенами. И уже с первых дней людям по душе пришлось коллективное хозяйствование на земле.

Выслушав калужского делегата, Ленин дал несколько практических советов, сводившихся к тому, что без основательной пропаганды, без разъяснения преимуществ товарищеского совместного земледелия, без повторения этой мысли тысячи и тысячи раз нельзя рассчитывать на то, что в широких массах крестьянства появится интерес к новой жизни.

На этом их беседа закончилась, встретились снова 4 декабря на I Съезде земледельческих коммун.

И Корпунков подумал, что Ленин специально пригласил их с наркомом земледелия, с тем чтобы проверить правильность своей концепции по аграрному вопросу.

Позднее Дмитрий Платонович работал в учреждениях Москвы, был долгое время на советско-партийной работе. Умер в 50-х годах, похоронен в Москве.

М.И. Калинин в Бебелеве

Весть о предстоящем приезде М.И. Калинина в село Бебелево за два дня распространилась по окрестным деревням.

Бебелево — центр укрупненной волости, в которую влились Урицкая, Кольцовская и Никитинская волости. Район большой, и все деревни выслали для встречи Всероссийского Старосты своих представителей, поэтому народу собралось много.

У входа в волисполком — арка и на ней надпись: «Добро пожаловать, тов. Калинин!» ВИК полон народа.

— Едет! Калинин едет!

Члены ВИКа с хлебом-солью встречают Михаила Ивановича у входа:

— Приветствуем Вас, тов. Калинин, в нашей волости, среди наших крестьян. Подносим Вам продукты своего производства. И просим Вас помочь, чтобы они всегда были у нас в изобилии.

Тов. Калинин жмет крестьянам руки, благодарит и усмехается:

— Ну, товарищи, свое производство вы сами должны заботиться восстанавливать.

Окруженный толпой крестьян, Михаил Иванович проходит в здание волисполкома. Увидев на потолке электрические лампочки (Бебелево все электрифицировано), интересуется:

— Сколько стоит свет? Выгодно ли это для крестьян? Окупает ли себя электростанция?

А в народном доме уже идет подготовка к собранию, которое вот-вот начнется. Там уже все расселись и ждут Калинина.

В президиум собрания представителей крестьянства четырех волостей избирается М.И. Калинин. Он — председатель — ведет крестьянское собрание. Ведет умело, толково, видно, что ему привычно это. Подлинно крестьянский Всероссийский Староста!

— Как, товарищи, хотите: сами высказаться, а потом я говорить буду, или еще как? По-моему, начинайте вы, рассказывайте про свои дела...

— Нет, Вы, тов. Калинин! Вас желаем послушать. А мы подготовимся.

— Ладно.

И Михаил Иванович начал говорить о наших внутренних и внешних делах. Язык его всем понятен. Образы, примеры, взятые из крестьянской жизни, — все это красит речь Калинина. Каждый чувствует, что хоть и глава государства говорит, а все ж он простой, «такой же, как и мы, крестьянин».

После его речи выступают крестьяне. Михаил Иванович записывает, спрашивает, дает ответы.

Говорит председатель местного сельскохозяйственного товарищества:

— Проценты за кредит большие — 18.

Калинин отвечает:

— Теперь 12 будет. Уменьшаем.

Крестьяне говорят, что тяжел налог, что он должен быть единым. Некоторые просят Калинина снизить с них налог, по их бедности, инвалидности.

Михаил Иванович всем отвечает:

— Государству деньги нужны. Без налогов не прожить. Мы по сельхозналогу собираем 225 млн рублей, а по другим налогам 1 500 млн рублей в год. Сельхозналог составляет только шестую часть всех налогов. Сельхозналог — единый, других прямых налогов на крестьян нет. А если в сельхозналог включить и косвенные налоги, то это действительно тяжело будет. Вот тогда взвзывать придется!

— Спылятся другие вопросы. Михаил Иванович не успевает ответить.

— На базаре за место берут? Понятно, товарищи. Площади убирать надо после вас. А это дорого стоит.

— Пользуются ли инвалиды германской войны какими-нибудь льготами? Нет, не пользуются. Но я считаю, что это сделать совершенно необходимо.

— Возвращаются ли вклады по старым сберегательным книжкам? Нет. Ведь цель революции — переместить богатства. Я, товарищи, тоже на книжке потерял 200 рублей. Положил их, когда работал в Питере на заводе.

— Вот, говорят, что налог надо брать только по земле. Я считаю, что это неверно. В нашей местности земли песчаные. Если две коровы в хозяйстве, то и навозу вдвое, и урожай по 80 пудов. А на той полоске, где у хозяина навоз от одной коровы, — 40 пудов. Вот что значит лишняя корова. Поэтому скот надо увеличивать, как объект обложения.

Крестьяне удовлетворены. На все вопросы Михаил Иванович дал ответы.

Выходят ребятишки-школьники и приветствуют М.И. Калинина — вождем пролетариата.

Товарищ Калинин благодарит.

— Ну, а теперь пожелаю вам всего хорошего. Пора ехать.

— До свидания, Михаил Иванович! Счастливого пути!

Крестьяне провожают своего старосту. У электростанции ждет фотограф.

— Хотим сняться вместе с товарищем Калининым!.

Уже уехал М.И. Калинин, а крестьяне все не расходятся.

— Эх, счастливые теперь наше Боброво! Сам Калинин был. Век этого не забудем. Редко деревня такую радость видела!

(газета «Коммуна», 24 февраля 1924 года)

В 1919 году был организован кооператив под названием «Бобровское сельскохозяйственное товарищество «Пионер»», которое объединяло все кооперативы в одном виде. Задачи Бобровского сельскохозяйственного товарищества «Пионер» были большие, но ввиду того, что мы имели мало средств, всего задуманного не могли осуществить.

В 1919 году задумали построить мельницу. Наше желание объяснялось большим желанием произвести здесь культурную работу. Производить без денег было очень трудно, но все-таки в 1919 году была построена мельница, а вслед за ней начали строить электрическую станцию. Она строилась не только для получения света, но и как сила производственная. В 20-м году станция еще не достроилась, и вдруг в этом же году по случаю неизвестному мельница и станция сгорели.

Местное население не упало духом: решили строить вновь, обратились за содействием к местным Губсоюзу и местным властям, которые охотно пошли нам навстречу. В 1921 году возникла новая мельница и новая электростанция, которые до октября месяца работали и вдруг вновь сгорели. Опять население при поддержке властей не отказалось взяться за работу, и через четыре месяца вновь была построена электрическая станция, и с 1922 года работает без перебоя. Правда, с 1919 года благодаря пожарам и малому количеству средств товарищество не имело возможности полностью наладить культурную работу.

С 1922 года был взят участок, на котором в прошлом году засеяли культуры овса, клевера, вики, и этими семенами снабжалось население.

Все-таки в настоящий момент мы имеем зерноочистительный и прокатный пункт рядом с мельницей. Кроме того, общество оборудовало на 75 процентов крупорушку. В настоящее время крупорушка работает. Товарищество встало на ноги, и через полтора года будет пущен кирпичный завод, угольный завод сейчас уже работает. Сейчас у нас имеется свой собственный агроном, через две недели будет ветеринарный врач, в котором чувствуется большая нужда, т.к. поблизости такого врача нет и он нам очень необходим...

(Из выступления крестьянина Евсеева
на встрече с М.И. Калинин 23 февраля 1924 года (ГАКО))

Член КПСС с 1919 года, товарищ Зыбин вспоминает: *«Зима была снежная. Подготовили лошадей и утром выехали из Калуги в Бебелево. По дороге случилось небольшое приключение. Навстречу ехал крестьянин из д. Малая Слободка Дюжев с возом. Уступая дорогу, Дюжев попал в ров, и сани глубоко застряли в снегу. Крестьянин завор-*

чал и стал помогать лошади выбраться на дорогу. Михаил Иванович остановил лошадей, и все вышли помогать Дюжеву. Тот не переставал ворчать. Но, когда узнал, что это М.И. Калинин, Дюжев молча снял шапку и долго стоял, смотря вслед удаляющимся саням».

В Бебелеве М.И. Калинина встретили по старинному русскому обычаю с хлебом-солью. Приветствовал крестьян М.И. Калинин у входа в волостное правление. После приветствия направились к зданию электростанции. Каждому хотелось поговорить с Калининым. Он отвечал на все вопросы. После митинга лента у входа была перерезана, и был дан первый ток. Яркое светило село Бебелево. Вместо керосиновых ламп в нардоме загорелась люстра. Зал нардома был переполнен. М.И. Калинин сделал доклад. Было задано много вопросов. М.И. Калинин просто и доходчиво отвечал на каждый вопрос. Калинина пригласили к ужину, который был приготовлен в крестьянской избе.

В обсуждении доклада М.И. Калинина выступили Архаров, Корпунков, Шувалов, Сидоров, Александров, Гаврилов, Чесноков, Солнцев, Терентьев, Чумаков, Тельганова, Семенов, Васильев, Филина, Афонин, Кузнецов, Чернов.

Во время заключительного слова и ответов на вопросы в зале раздался голос:

— Дайте слово сказать.

— А почему голос раньше не подавал?

— Не брало. А теперь больно забрало.

(ГАКО, из протокола встречи)

Позже мне рассказывал Иван Устинович Матвеев о встрече с Михаилом Ивановичем: «Калинин интересовался за ужином историей села. Ну, мы и рассказали ему, что знали.

— Называлось оно Боброво или по имени владельца Бобра, или из-за развитого в те далекие времена бобрового промысла, а может и из-за “бобрового кормления”. Была такая привилегия для тысяцких начальников. А в XVIII веке стало типичным помещичьим гнездом Римских-Корсаковых.

— Уж не композитора ли? — поинтересовался Михаил Иванович.

— Вряд ли, — отвечали мы ему. — Может, ветвь какая, родственники. Приезжали дворяне повеселиться, погулять из Калуги. Говорят, сам калужский наместник, генерал-поручик Кречетников приезжал.

После отмены крепостного права многие обнищали и ушли на заработки, пополнив рабочий класс. В начале века учитель Соловьев построил на свои средства трехклассную школу. После революции в школе разместился волостной исполком.

— А как ваш “Пионер” работает? — спросил Калинин Евсеева.

— Вначале совместно обрабатывали 45 десятин земли. Не поверите, Михаил Иванович, два года назад на губернской сельскохозяйственной выставке за успехи наш “Пионер” был награжден Дипломом и денежной премией ни много ни мало 200 миллионов рублей!

— Как растет революционное сознание крестьян? — интересовался Калинин.

— На глазах растет, — отвечал Дмитрий Платонович Корпунков, сопровождавший Михаила Ивановича от губернского земотдела.

— Помните, товарищи, — обратился он к нам за подтверждением, — 10 июля 1920 года какой мы воскресник провели? Это же новые формы коммунистического отношения к труду проникают в деревню. — И продолжал: — Знаете, Михаил Иванович, у здания паровой мельницы скопилось много камня, щебня, песка, бревен и другого строительного материала. Необходимо все это было убрать, произвести уборку и внутри помещения. Волостной исполком призвал население прийти на воскресник. Не поверите, в назначенное время собралось около 700 человек — все, от мала до велика. Так через несколько часов навели порядок».

...Исполкомовские кони, настоявшись за день в Бебелеве, шли ходко. И Михаил Иванович, и сопровождающие его члены губисполкома молчали, вспоминая каждое слово, высказанное крестьянами на встрече.

Небо вызвездило, накатанная дорога блестела под лунным холодным светом, снег искрился, скрипел под полозьями.

Вечером предстояла встреча Михаила Ивановича с активом города Калуги на торжественном заседании, посвященном шестой годовщине Красной Армии.

— А ничего калужские крестьяне живут, справно. Вот и в Бебелевской волости бросается в глаза достаток, довольство, — проговорил Всероссийский Староста. И вспомнился ему тяжелый год в Поволжье.

Визит Фрицьофа Нансена — норвежского путешественника, его уверенность в том, что Запад поможет России, не оставит в беде людей — жителей Поволжья. То, что увидел норвежский гуманист в городах и селах Поволжья, — его потрясло. Вернувшись на родину, он написал о детях, похожих на скелеты, о женщинах, высохших, будто мумии, о трупях на дорогах, железнодорожных станциях. Он обращался с призывами к правительствам разных стран, прося миллионов

пожертвовать часть средств. Но ни Великобритания, ни Совет Лиги Наций не внес в помощь голодающим Поволжья ни фунта стерлингов. А вот сам Нансен отдал почти все свои сбережения. Михаил Иванович подписал ему от имени Всероссийского съезда Советов Благодарственную грамоту. Ведь этот исследователь Арктики, пробившийся через льды коварного Севера, — сильный человек. Но и он оказался беспомощным перед корыстью и бездушием правящих кругов капитала. А сам помог!

«Великий — всегда велик, в большом и малом», — подумал Михаил Иванович, плотнее запахиваясь в губисполкомовский тулуп.

Приближалась Калуга. Горку у Киёвского моста кони взяли сходу.

Пострадавший за идею (П.А. Шорников)

Петр александрович Шорников (в будущем — секретарь Бебелевского волостного комитета партии) родился и вырос в городе Черепети, по профессии был столяром. В 17 лет создал на Черепетском заводе рабкорровский пост, учился в Лихвинской совпартшколе, работал секретарем комсомольской организации в селе Грязнове, учился в губернской совпартшколе. Сохранилась характеристика Шорникова-курсанта: *«Как курсант и как член партии большевиков дисциплинирован. В клубной работе, работе ячейки РКСМ принимает активное участие, руководит школой политграмоты, одновременно он — староста общежития и член бюро ячейки “Долой неграмотность!”»*.

После губпарткурсов он работал пропагандистом в Бабынинской волости (ныне Бабынинский район). И там проявил себя как знающий дело, марксистски подкованный работник. Руководил сельским кружком политграмоты, выступал с докладами среди крестьян, сельской интеллигенции.

И вот его избрали секретарем волостного комитета партии. Центр Бебелевской волости в то время находился на станции Желябужская. В волости насчитывалось 5 100 единоличных хозяйств, из них более 700 хуторов. На станции Желябужская около вокзала — волисполком, лесничество, кооперация, местных жителей — восемь семей: два крестьянина-бедняка, вдова, содержатель чайной и четыре дровозаготовителя, имевших стотысячные годовые доходы. У кооператива — десятки тысяч кубометров дров, у дровозаготовителей — ни полена: все отправлено. Они — Куликов, Киреев, Пушкарев и Гусев — дрова не заготавливали, а скупали у крестьян ворованный из госугодий лес, дрова... Им пора

П.А. Шорников

было быть за решеткой, но они — люди тонкие: даже приняли участие в строительстве нардома. И с начальником станции у них были прекрасные отношения: вагоны шли без задержки. Не трогали дровозаготовителей и коммунисты волостной партийной организации. В акте обследования парторганизации (1928 год) отмечалось, что никакой партийной работы не ведется, в организации царят пьянство, склоки, растраты, упадок дисциплины. Трое были исключены из партии, десять партийцев были наказаны.

Молодой коммунист П.А. Шорников быстро выдвинулся среди ак-

тивистов в Калужском уезде. Его приезд сразу почувствовали кулаки и люто возненавидели его. Новый секретарь волкома обложил их налогом. Дровозаготовитель Куликов заплатил в том же году 2 104 рубля промналога и 1 040 — самообложения. Киреев — соответственно 3 128 и 1 175. Гусев и Пушкарев по раскладке налога стояли между этими двумя дельцами.

Недружелюбно встретили нового секретаря волкома и партийцы-хуторяне, им не нравилось, что Шорников гонял их за пьянство, нарушение партийной дисциплины.

Четыре месяца проработал в Желябужской секретарем волкома Петр Шорников, успев за этот срок сделать немало. Половина коммунистов одобряла его действия, понимала и во многом ему помогала. Возросло влияние партийной организации на население волости. Налицо было активное участие коммунистов во всех проводимых мероприятиях, политических и хозяйственных кампаниях. Активно прошло самообложение, вся тяжесть которого легла на плечи кулаков. Под влиянием коммунистов проходило проведение подписки на займ индустриализации.

Петр Шорников провел субботник, на заработанные деньги закупили облигации займа. Постепенно налаживалась работа среди бедноты.

Были сделаны первые шаги по организации колхозов. Но главным в своей деятельности Петр Шорников считал внутрипартийную работу.

Слабой считалась Сугоновская ячейка. С приездом нового секретаря сугоновские большевики встряхнулись и были первыми во всех начинаниях волкома партии.

А через четыре месяца состоялось отчетное собрание. В десятках цифр Петр Александрович проанализировал состояние дел в волости. И доклад на несколько лет для бебелевских коммунистов стал программным документом. Но не так смотрели на нововведения Шорникова коммунисты-хуторяне. На проходившем собрании 13 мая 1928 года они выступили единым фронтом против «диктатора», «грубияна», «высочки» Шорникова. На эти «качества» налегали и получившие партийные взыскания. За Шорникова стояли молодые партийцы и сугоновцы. При голосовании победили «старики» перевесом в один голос, создав невообразимую шумиху. Помог им и представитель уездного комитета партии, из-за шумихи уловивший лишь то, что Шорников допустил «немыслимую грубость». И высказал это свое мнение вслух.

Странно, но кулаки и «дровозаготовители» предвидели такой исход собрания и еще задолго до него говорили:

— После переизбрания тебе не жить.

Шорников жил на квартире у Куликова.

Содержатель чайной (второй после кооперативной) Кривенко говорил Даше Заморенковой — батрачке Куликовых, что Шорникову не жить, даже если его и не переизберут.

Травил Шорникова и квартирохозяин Куликов за налог по самообложению, вначале отказав в столе, потом велел «убираться с квартиры». Ненавидел хозяин своего квартиранта и за то, что он обращал внимание на неправильный расчет Куликовых с их батрачкой. Они без заключения договора заставляли ее работать больше положенного.

Куликов сдавал жильцам три маленькие комнатухи, разделенные деревянными перегородками. Соседом по комнате у Шорникова был работник кооперации Николай Васин, в другой жил Николай Кобызев.

17 мая 1928 года П.А. Шорников собирался покинуть станцию Желябужская и ехать в Грабцево на новое место работы — преподавателем обществоведения в школу крестьянской молодежи.

Проводив последний поезд на Калугу, вернулся домой, сел у окна, боком к нему, разговорился с Кобызовым и Николаем Васиным. В 23 ча-

са 25 минут раздался выстрел из-за занавески. Стреляли в окно. Все вскочили, вскочил и Шорников — и тут же упал, схватившись за грудь. Крикнул: «Воды!»

Приехавшие утром милиционеры из Калуги арестовали несколько человек, в том числе Куликова и его жену, Киреева и Кривенко. У Кривенко в дровах нашли револьвер системы «наган», стреляную гильзу от патрона со свежим нагаром, галошу, оставленную в грязи у дома Куликова. Против Кривенко нашлись и другие улики. На станции Желябужская на следующий день состоялся траурный митинг.

Тело П.А. Шорникова перевезли на Пятницкое кладбище в Калугу и торжественно захоронили. Состоялся траурный митинг и на кладбище. Кривенко был приговорен народным судом к расстрелу.

Рабочие Мышегского завода писали: «Не похвал нам надо ждать от кулаков. Слава товарищу Шорникову, с честью выполнявшему классовый долг до конца своей жизни!»

Газеты «Правда» и «Беднота» посвятили Шорникову большие статьи.

Именем Шорникова крестьяне деревни Новоселки назвали свой колхоз — первый в Бебелевской волости.

...Прошли годы, но светлые имена погибших в классовых битвах никогда не сотрутся в памяти народной.

Командир-комиссар Мурманского порта П.А. Щетинин

Будущий командир-комиссар Мурманского порта и начальник гарнизона Павел Афанасьевич Щетинин родился в 1893 году в семье крестьян деревни Криворезово Богимовской волости бывшего Тарусского уезда Калужской губернии (ныне Ферзиковский район Калужской области).

До революции хлеба крестьянской семье в Калужском крае хватало лишь до Рождества (7 января по н. ст.). Так было и в криворезовских крестьянских семьях. Когда Павлу исполнилось девять лет, родители были вынуждены отдать его пастухом в соседнюю деревню: пасти лошадей все лето за десять рублей. Летом Павел пас лошадей, зимой учился в Никольском двухклассном народном училище.

И через несколько лет он был вынужден отправиться на заработки: скудные криворезовские суглинки давали мало дохода — и подростки из крестьянских семей издавна уходили в Москву, Санкт-Петербург на заработки.

Павел Щетинин поступает «мальчиком» в московскую булочную Блинова с жалованьем четыре рубля в месяц. Здесь, в Москве, он вступает в Союз булочников, активно участвует в забастовках солидарности. Это было уже накануне Первой мировой войны.

В 1914 году Павел Щетинин был призван служить на флот, служил в Кронштадте вначале писарем при штабе, затем в штабе второго дивизиона миноносцев. В дивизионе он знакомится с большевиками, изучает их Программу, ведет по их указаниям среди моряков дивизиона пропаганду за мир против войны, за свержение царского самодержавия.

В дни февральской революции 1917 года вместе с другими большевиками Павел Афанасьевич участвует в аресте офицеров-монархистов.

Отзывчивого, активного моряка товарищи по дивизиону избирают председателем матросского комитета.

В июне 1917 года Павел Афанасьевич вступает в ряды членов РСДРП(б) и дружно проводит в жизнь директиву В.И. Ленина (Ульянова) по подготовке к вооруженному восстанию.

В начале 1918-го его избирают в Гельсингфорский флотский комитет, и он участвует в выводе Балтийского флота из Финляндии согласно решению Брестского мира. Будучи секретарем флотского комитета, он подписывает акт об аресте командующего флотом адмирала Развозова, на III съезде моряков Балтфлота он избирается председателем ревизионной комиссии: настолько высок был его авторитет.

Честного и принципиального краснофлотца в июне того же 1918 года руководство Балтфлотом назначает членом Коллегии контроля в Кронштадте, затем заведующим отделом предварительной ревизии, заместителем начальника отдела Рабоче-крестьянской инспекции в Кронштадте (РКИ), начальником Кронштадтского отдела, начальником морского отдела РКИ ПВО и Балтфлота, начальником РКИ Черноморского флота.

В 1921 году в Кронштадте вспыхнул левоэсеровский мятеж. За отказ работать с мятежным ревкомом эсеры берут Павла Афанасьевича под стражу, и он несколько дней ожидает расстрела в Кронштадтской тюрьме. Но делегаты X съезда РКП(б) разгромили мятежников и тем самым спасли Павла Афанасьевича Щетинина от неминуемой смерти.

Работая в инспекциях (РКИ) Балтийского, а затем Черноморского флотов, Павел Афанасьевич решительно боролся с казнокрадами, нарушителями трудового законодательства, морали, чиновниками-бюрократами, взяточниками, прогульщиками. Вместе с тем он был чутким и внимательным ревизором, ненавидел лицемеров, зазнаек, недоброжелательное отношение командиров к подчиненным, рядовым краснофлотцам.

Руководство Вооруженными силами страны в 1930 году назначает Павла Афанасьевича начальником строительства аэродрома в подмосковном Щелкове, затем начальником строительства летной школы в Ейске.

Отлично справившись с новыми назначениями, через три года Павел Афанасьевич назначается командиром-комиссаром порта и начальником гарнизона города Мурманска. И на этом трудном и высоком

посту Павел Афанасьевич Щетинин работает честно и добросовестно, и в строительном, и в организационном направлении. Проработал он в этой высокой должности до «большого террора»: будучи инспектором-ревизором Балтийского, а затем Черноморского флотов, он нажил себе в чиновничьей верхушке немало врагов, которые, пользуясь широко развитой в те годы системой доносительства, в 1937 году добились своего, упрятав Павла Афанасьевича за решетку.

Какие бы высокие посты «на флоте не занимал Щетинин, он никогда не порывал со своей “малой родиной” — деревней Криворезово, поддерживал крепкие связи с Богимовским землячеством в Москве, созданным в 20-х годах XX столетия, с большим вниманием относился к просьбам своих земляков в годы “культурной революции”».

Павел Афанасьевич был примерным отцом. Сын его героически погиб в одном из боев в годы Великой Отечественной войны.

В 1937 году верный сын партии, крупный военачальник флота П.А. Щетинин был расстрелян буквально через несколько дней после ареста.

И лишь 26 сентября 1965 года доброе имя командира-комиссара Мурманского порта и начальника Мурманского гарнизона Павла Афанасьевича Щетинина было восстановлено Верховной коллегией Верховного Суда СССР. Он был реабилитирован посмертно.

Контр-адмирал Николай Бачков

Недалеко от старинного села Авчурино на левом берегу Калужско-Алексинского каньона стояла деревенька Анненки. После Первой мировой войны из 60 семей, в ней проживавших, оставалось немало солдатских вдов. И звали их по-уличному: «Солдатка», «Инвалидиха», «Комиссариха». Попробуй разберись, сколько там жило Бачковых, Гуровых, Кумановых...

Бачковым повезло: живым вернулся с войны глава семьи Мефодий Самойлович, к жене и троем своим сыновьям: Николаю, Сергею и Михаилу.

Вместе с солдатом-фронтовиком В. Гуровым он и организовывал позднее колхоз «Красный пахарь».

Старший сын Бачковых Николай родился еще до войны, в 1911 году, учился в своей школе в Анненках, потом семья переехала в Калугу, и он продолжил образование в первой калужской советской школе (ныне школа № 5).

А когда пришло время идти служить на действительную военную службу в Красную Армию, был зачислен на флот, служил на Черном море, на крейсере «Червона Украина» в качестве рядового краснофлотца-рулевого.

Крейсером командовал будущий нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, он-то и направил молодого краснофлотца Николая Бачкова в военно-морское училище. И уже в 1935 году Николаю Мефодиевичу было присвоено звание лейтенанта. При распределении выпускников училища он был направлен для прохождения дальнейшей воинской службы на Амурскую военную флотилию, в Отдельный дивизион трале-

ния и заграждения в качестве командира боевой части тральщика «Ленинград».

На Амуре Николай Мефодиевич служил вплоть до 1943 года, пройдя последовательно должности помощника командира и командира тральщика, начальника штаба и командира того же дивизиона.

А в апреле 1943 года во главе группы командиров (в то время в лексиконе РККА и ВМФ СССР не было слова «офицер», оно появится позднее, в годы войны) Амурской военной флотилии Н.М. Бачков был направлен на стажировку для приобретения боевого опыта по борьбе с минной опасностью на Волжскую военную флотилию. И здесь, под Сталинградом, Николай Мефодиевич принял участие в боевых действиях во втором боевом районе обороны против массированных постановок мин самолетами противника и в боевом тралении мин на Волге, от Сталинграда до Саратова.

Современная военная наука так оценила действия службы траления: *«Важную и ответственную задачу в 1943 году выполнили моряки Волжской и Каспийской военных флотилий. Они обеспечивали безопасность судоходства по Волжско-Каспийской магистрали. По этой коммуникации провозилось более 60 % всех грузов, доставляемых по внутренним водным путям Советского Союза. Только перевозки нефти и нефтепродуктов за семь месяцев 1943 года достигли 6 млн т. Для перевозки такого количества нефти и нефтепродуктов потребовалось бы отправлять в среднем ежедневно по 30—35 железнодорожных составов.*

По грузообороту Волжско-Каспийский путь заменял более десяти железнодорожных линий.

Германское командование, учитывая огромное значение Волжско-Каспийского пути, с весны 1943 года стало проводить в широком масштабе авиационную разведку Волги и северной части Каспийского моря. С началом навигации специально созданная авиационная группа противника в составе 100 самолетов 4-го воздушного флота, летая с аэродромов оккупированной части Украины, начала минирование Волги с целью хотя бы временно сорвать перевозки грузов, столь необходимых для советской промышленности и наступающих войск Красной Армии.

Постановки мин противник производил исключительно ночью. После постановки мин самолеты обычно, чтобы замаскировать место минирования, продолжали полет вдоль реки, а затем ложились

на обратный курс. Враг обычно ставил магнитные и магнитно-акустические парашютные мины весом 1 000 и 500 кг».

Николай Мефодиевич рассказывал автору этих строк: «Помимо основного способа уничтожения поставленных мин — траления, применялся и другой способ: в местах постановки мин сбрасывали глубинные бомбы, от взрыва которых происходила детонация и взрывы самих мин. Противоминная оборона Волги была неплохо организована. За всю летнюю навигацию по Волге прошло более 8 000 судов, из которых только 20 подорвались на минах. Наши потери в жидком топливе составили менее 0,5 % общего количества топлива, перевезенного по этой магистрали. Противнику ни на один день не удалось остановить движение судов по Волге и Каспию».

Глубинные бомбы «охотники за минами» сбрасывали с быстроходных деревянных катеров, а после детонации или разрушения корпуса или прибора мин проводили траление магнитным или электромагнитным тралом.

А чтобы окончательно убедиться, что в фарватере реки мин нет, буксировали металлическое основание корабельного артиллерийского щита с сильным магнитным полем. После этого фарватер считался протраленным и объявлялся открытым для прохождения кораблей и судов. Такой способ применялся в первые годы войны. Моряки-черноморцы обобщили опыт борьбы с донными минами и разослали инструкции по всем флотам и флотилиям. Позже стали применять минные прерыватели, другие магнитные тралы. Были и мины-ловушки, особенно опасные в тумане, ночью, при ветреной погоде. Сейчас помогают локаторы, в годы Великой Отечественной войны их еще не было, приходилось рассчитывать лишь на собственное зрение.

В конце 1943 года амурцы были откомандированы для прохождения дальнейшей воинской службы на свое старое место — в Амурскую военную флотилию.

В 1945-м Николай Мефодиевич участвовал в войне с Японией.

К августу 1945-го Квантунская армия имела 881 000 солдат и офицеров, в ее состав входила и Сунгарийская военная флотилия, имевшая 26 кораблей и катеров, до трех полков морской пехоты с высадочными средствами: до 50 мотоботов и 60 десантных моторных лодок.

Амурская военная флотилия насчитывала 143 боевых корабля и катера и значительно превосходила Сунгарийскую.

Замысел советского командования сводился к тому, чтобы силами фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии мощными концентрированными ударами, сходящимися в центре Манчжурии, расчлнить и уничтожить Квантунскую армию. Войскам при содействии Амурской флотилии предстояло овладеть устьем Сунгари и наступать вдоль обеих ее берегов в общем направлении на Харбин.

Высокому темпу продвижения войск способствовали корабли Амурской военной флотилии под командованием Н.В. Антонова. За три дня было очищено все побережье Амура. И в этом немалая заслуга войск 2-го Дальневосточного фронта, пограничных войск и Амурской флотилии, корабли которой не только перевозили боевую технику, продовольствие и боеприпасы, но и перебрасывали войска в глубокий тыл врага, придерживали десанты артиллерийским огнем при захвате важных опорных пунктов, расположенных на берегах Сунгари.

За период боевых действий и в ходе приема капитуляции флотилия высадила около 20 десантов, перевезла более 140 тысяч бойцов и командиров Советской Армии, много техники, горючего и других грузов.

19 августа с прибытием кораблей Амурской военной флотилии в Харбин завершилась Сунгарийская наступательная операция.

Утром на подступах к Харбину навстречу советским кораблям вышел катер с начальником штаба Сунгарийской военной флотилии генерал-майором Цау, заявившим советскому командованию о капитуляции флотилии и гарнизона Харбина.

По окончании Второй мировой войны капитан второго ранга Николай Мефодиевич Бачков был переведен на Краснознаменную Дунайскую военную флотилию, в бригаду траления, которая в те послевоенные годы действовала по боевому тралению мин противника в дунайских водах Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Австрии.

Н.М. Бачков, 1950-е гг.

Н.М. Бачков, 1985

Николай Мефодиевич работал начальником штаба флотилии, позднее командиром бригады траления. И до конца 1947 года он отлично выполнял задачу боевого послевоенного траления Дуная и его притоков. Это была очень опасная работа. При взрыве мин Николай Мефодиевич был дважды тяжело контужен. За успешное выполнение задания командования капитан первого ранга Н.М. Бачков был награжден боевым орденом Отечественной войны 1-й степени.

За мужество и отвагу, проявленные морским офицером Н.М. Бач-

ковым в годы Великой Отечественной войны, он был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими боевыми медалями.

Закончив боевое траление Дуная и его притоков, бригада тральщиков перебазировалась в отечественные воды.

А в 1947 году каперанг Н.М. Бачков был откомандирован на учебу в военно-морскую академию.

После академии он работал в бывшем Морском генштабе оператором оперативного отдела, а затем начальником одного из управлений Генштаба.

В 1952 году каперанга Н.М. Бачкова назначают на должность начальника штаба Краснознаменной Амурской военной флотилии. А с октября того же года он командовал этой прославленной флотилией до самого ее расформирования в 1956 году.

В начале того же года Николай Мефодиевич снова едет на запад командовать Краснознаменной Дунайской флотилией. Пять лет проработал в этой должности наш славный земляк с берегов Калужско-Алексинского каньона.

Боевого и административного опыта у каперанга Н.М. Бачкова накопилось немало, пора было передавать накопленные знания и опыт молодежи. И руководство ВМФ назначает Николая Мефодиевича на-

Дружественная беседа с 1-м заместителем командующего Черноморским флотом вице-адмиралом С.Е. Чурсиным, 1956

чальником Нахимовского военно-морского училища в Ленинград. Два года проработал в этой должности Н.М. Бачков.

А следующие два года он возглавляет коллектив знаменитой «фрунзенки», работает начальником Ленинградского высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе.

С этой должности, уже будучи контр-адмиралом, он выходит заслуженным ветераном в отставку.

В последние годы Н.М. Бачков жил в Ялте, в центре города, активно участвовал в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Брат Николая Мефодиевича Сергей — полковник в отставке — жил в Москве, он тоже участник Великой Отечественной войны. Младший из трех братьев Бачковых Михаил Мефодиевич в годы войны сражался с немецко-фашистскими захватчиками в качестве морского офицера, погиб героически, командуя торпедным катером «Морской охотник».

Три брата Бачковых родом из деревни Анненки Авчурино сельского совета Ферзиковского района (бывший Калужский уезд). По-разному сложились их судьбы, но все они честно, верой и правдой служили Отчизне, героически сражаясь с врагом во имя славы и чести русского оружия, во имя свободы России.

Штурман субмарины «С-7»

М.Т. Хрусталеv

Уже в мае — июне 1941 года, до начала военных действий на Балтфлоте была объявлена боевая готовность. На позициях для своевременного обнаружения противника находилось несколько подводных лодок, в т.ч. у Ирбенского пролива с запада — подводная лодка «С-7» капитан-лейтенанта Сергея Прокофьевича Лисина.

И уже через три дня после начала войны на позициях в Балтийском море и Финском заливе было шестнадцать подводных лодок, с 1 июля — двадцать пять, или больше половины всех, находившихся в боевой готовности. Подводная лодка — это боевой корабль, способный погружаться и длительное время действовать в подводном положении. Ее важнейшее тактическое действие — скрытность; лодка предназначена для уничтожения кораблей, наземных объектов на территории противника, выполнения разведки, высадки диверсионных групп.

Первая подводная лодка была построена в Англии в 1620 году голландцем Ван Дрейбелем, в России в 1724–27 годах — Ефимом Никаноровым. В 80-х годах XIX века русский инженер С.К. Джевецкий разработал первую подводную лодку с электрическим двигателем. Подводная лодка «С-7», которой командовал С.П. Лисин, — это корабль длиной 70 м, весом более 1 000 т, сотни машин и механизмов. Эта лодка новейшей постройки принадлежала к классу наиболее совершенных, удобных в управлении и хорошо вооруженных лодок, была снабжена шестью торпедными аппаратами, двумя пушками: 100- и 45-миллиметровой, обладала скоростью в 20 узлов и отличной маневренностью, имела надежную радиосвязь. На ней служило 45 человек, в том числе восемь офицеров. Военно-морской флаг Советского Союза был поднят на

ней в августе 1940 года. И этот день отмечался на корабле как праздник. Пройдя ходовые испытания в Кронштадте глубокой осенью 1940 года, лодка с полностью укомплектованной командой перебазировалась в Лиепая (Либава).

Штурманом на лодке служил калужанин, происходящий из крестьянской семьи деревни Княж-Иван (ныне деревня Володарское Ферзиковского района Калужской области), — Михаил Тимофеевич Хрусталеv. Он родился 28 октября 1918 года, окончил семилетку в рабочем поселке Дугна, учился в Астраханском рыбном техникуме, затем по комсомольской путевке — в Ленинградском высшем военно-морском училище имени Фрунзе, которое успешно закончил в довоенном 1940 году. Получив специальность штурмана, молодой лейтенант прибыл служить на подводную лодку «Л-1», но перед войной был переведен на подлодку «С-7». На этой субмарине Михаил Тимофеевич встретил войну.

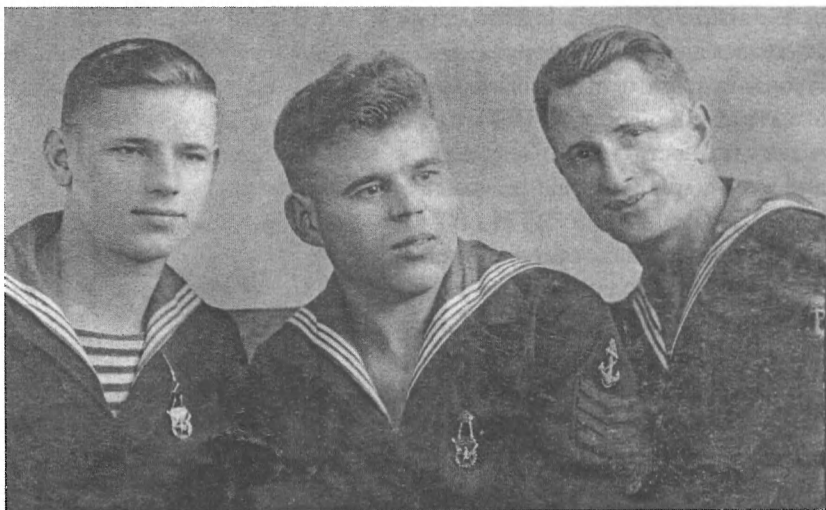

С.П. Лисин, командир п/л «С-7»

Во время своих боевых походов лейтенант Хрусталеv вел дневник. Его мысли, наблюдения поместились в двух тетрадах, исписанных мелким почерком. Бумага пожелтела от времени, но остались четкие и разборчивые строки, выведенные остро отточенным штурманским карандашом, тем самым, которым автор дневника вел прокладку курса корабля.

Дневник «Заветные тетради» вел штурман Российского флота, привыкший к точности и аккуратности. День за днем, час за часом излагает он события из жизни экипажа. В первые месяцы Великой Отечественной войны дневник старшего лейтенанта М.Т. Хрусталева повествует о верности долгу.

Одна из двух тетрадей дневника начинается такими словами: *«Товарищ! Если погибну в боях за Родину, выполни мою последнюю просьбу: по окончании войны или когда это будет возможно, передай этот дневник моей жене для моего сына по адресу: Ленинград, пр. 25-го Октября, 11/2, Хрусталеvой Софье Григорьевне. Пусть мой сын Леня зна-*

Курсанты Высшего военно-морского училища им. Фрунзе. Слева — М.Т. Хрусталеv

ет о моем участии в Отечественной войне и защищает Родину, как защищали ее мы — участники этой войны».

Далее идут дневниковые записи.

18 августа 1941 года. Весь день провел на лодке. Бьемся с зенитным перископом: почти не разворачивается, и мотор еле-еле поднимает его. Но ничего, терпения у нас хватит, заставим упрянца работать как следует. После ужина состоялось партийное собрание. Военком лодки В.С. Гусев зачитал приказ Главной Ставки о героической борьбе наших частей, попавших в окружение. Приказ напоминает о присяге, о верности своему долгу, необходимости сражаться до последней капли крови. Такая постановка вопроса совершенно правильная, и мы ее целиком поддерживаем.

Ремонт лодки подходит концу. Через два-три дня все будет готово, и мы снова сможем принять участие в боевых действиях.

19 августа. Сегодня в Кронштадте были четыре воздушные тревоги. Скоро, по-видимому, они здесь будут также часты, как тогда в Виндаве, когда из-за них и поесть нормально не удавалось. Обстановка все усложняется. В Балтийское море теперь войти страшно трудно, так как побережье Нарвского залива занято гитлеровцами. Но оставаться здесь и бездействовать нам не к лицу. У меня не хватает совести сидеть сложа руки в то время, когда три моих брата воюют, защищая Родину.

20 августа. Говорил по телефону с Соней. Она должна была с сыном уехать из Ленинграда, но фашисты повредили железную дорогу, разрушили мост. Эше-

лоны с эвакуированными сейчас из города не отправляются. Сегодня меня приняли в члены партии. Итак, я — коммунист! Узнал, что в районе Виндавы мы в течение трех суток ходили по минному полю. Приходится только удивляться: как не подорвались? Между прочим, мы не раз слышали какой-то шум по борту, но не придавали ему значения. А теперь ясно: это терлись о борт лодки минрепы.

21 августа. За день были две воздушные тревоги. Просил командира отпустить хоть на несколько часов к семье. Отпустил неохотно: с ремонтом еще не покончили. До Ленинграда добрался с трудом. Поздно вечером пришел ко мне Ваня Дубовик. Не узнать: младший лейтенант, подтянутый, щеголеватый. Он — летчик-истребитель. За два месяца сбил четыре «Me-109» и «Ю-88», а Вася Никитин уже Герой Советского Союза: сбил восемь вражеских самолетов. Воюют же люди! Счастливыц! Я даже Сереже позавидовал: ранен в голову, лежит в госпитале, рана заживает плохо, снова начала гноиться. Проговорили до глубокой ночи. Соня беспокоится. Их еще не отправляют, хотя и велят быть наготове.

22 августа. Утром Ваня пошел на завод за «волкодавом» (так он в шутку величает свою машину). Пришел краснофлотец, передал распоряжение, чтобы семья собиралась ехать. Но когда отправят — никто не знает.

В 16:25 поцеловал сынишку и отправился на Балтийский вокзал. Соня проводила меня. Простились на перроне.

23 августа. Осмотрел свое заведение. Кое-что оказалось несделанным. У трансформатора гирокомпаса оборваны концы. Приказал разобрать и припаять. За это дело взялся штурманский электрик Игнатьев. Он новый человек на лодке, но сразу видно, что знающий и старательный. Позвонил Соне, они все еще сидят на чемаданах. Ночью были две ночные тревоги — первые ночные тревоги в Кронштадте.

24 августа. Звонил Соне. Оказалось, что их вещи уже отвезли на вокзал. Сегодня должны уехать. Надя, младшая сестра жены, остается. Мне и проводить их не удастся: ходят слухи, что уже получен боевой приказ.

28 августа. После обеда ходил на почту, звонил в Ленинград. Дома никого не оказалось, соседи сказали, что сегодня никого из моих не видели, наверное, уехали. Возвратился на плавбазу весь мокрый, дождь не перестает ни на минуту — мелкий, типично осенний. Вечером случилась неприятность. Поднимая

В.С. Гусев, комиссар п/л «С-7»

командирский перископ, оборвал антенну (Игнатьева посылал осмотреть, а он не доглядел). При опускании бутель антенны не сел на место, перекосялся, срезал болтики, крепящие защитное стекло вместе с оправой. К счастью, стекло, оправка и линзы не пострадали. Пришел к командиру подавленный. Думал, что он накажет за поломку. Но он, даже голоса не повысив, только поторопил с ремонтом перископа и антенны. Видно, понял мое состояние.

29 августа. Наши войска оставили Днепропетровск. Все думаю о Соне и сыне. Ехать в вагоне в такую погоду, сидеть на вокзалах и бегать от бомбардировок — ничего хорошего не предвещает. Как бы не заболел Ленья. Не лучше ли их оставить в Ленинграде?

Дождь все идет. Но матросы сами работают, как черти, и рабочих подгоняют. Вчерашнюю поломку устранили в два счета. В 12:00 испробовали. Перископ действует лучше прежнего.

Получил письмо от Сони, которое она передала с каким-то краснофлотцем. Пишет, что они едут по направлению на Ярославль в пассажирском вагоне.

Это самое лучшее, на что я мог рассчитывать. Разместились хорошо, думают, что доедут нормально.

Итак, я расстался со своей семьей. До конца войны. Может, и писем жены не увижу. Она будет писать Наде. А когда мне удастся побывать в Ленинграде?

После обеда были занятия по ручному оружию (пистолет и наган). Получил «двойку».

В 17:00 пришло несколько кораблей из Таллина. Оттуда ушли все корабли. Город горит. Подводники «четвертой», которая тоже пришла в Кронштадт, рассказали о своих переживаниях. Они побывали в положении, пожалуй, худшем, чем мы 24 июня, когда еле-еле всплыли после того, как нашу лодку обстреляли фашистские торпедные катера. «Четвертая» атаковала вражеский транспорт, но после залпа выскочила на поверхность. Заполнив цистерну быстрого погружения, она полным ходом ушла под воду. Глубина была всего 22 м. Ударившись о грунт, лодка стала разворачиваться на отдых. В это время началась бомбежка. Легли на грунт, выключив все агрегаты. Бомбы рвались очень близко. В отсеках погас свет. Потом все затихло. Лежали на грунте около 12 часов. Ночью аварийным продуванием всплыли. Команда вооружилась автоматами. После всплытия подводники обнаружили, что возле носа и кормы лодки стоят буи, а по бокам вешки — самое худшее, что может быть для подводного корабля, лежащего на грунте. Если бы они не всплыли ночью, им наверняка бы не уйти.

31 августа. Произвели проворачивание механизмов. Все в порядке. В свободное время занимался с «ТТ», «двойку» надо ликвидировать как можно скорее. До двух часов ночи читал «Коварство и любовь» Шиллера.

1 сентября. Приказано готовиться к переходу в Ленинград. Вечером на плавбазе был концерт. Народу набилось в кубрик столько, что я махнул рукой — не пробиться. Играл с матросами в домино, а потом читал «Заговор Физеско» в Ге-

ные» Шиллера. Ходят самые тревожные слухи о Ленинграде. Будто эвакуированные возвращаются из-за невозможности проехать по железной дороге. Возможно, и Соня вернулась? Тогда я ее завтра увижу.

2 сентября. Пришли в Ленинград. Встали у Балтийского завода. В 21 : 30 звонил домой. Там одна Надя, остальные уехали в ночь с 26 на 27 августа. Вестей от них никаких нет. Сейчас район Мги и Ивановских порогов занят немским десантом, так что неизвестно, где сейчас находятся Соня и все остальные? Живы ли?

4 сентября. Ездил в парткомиссию. Заполнял регистрационную карточку, беседовал с комиссаром бригады. Вечером мне вручили партбилет. Всю дорогу по пути на лодку я то и дело вынимал его из кармана, рассматривал. Может ли быть что дороже этой скромной книжечки!

5 сентября. Весь день разбирал карты. В 16 : 00 уволился на берег. Нади дома не было. А пришла — сразу полезла на крышу; она сегодня дежурная дружины МПВО. Сидеть одному было скучно. Поднялся к Наде. Вместе сидели на крыше, смотрели на темный настороженный город. Вдали вспыхивали зарницы: вокруг Ленинграда не прекращается бой.

8 сентября. Каждый день воздушные тревоги. Сегодня впервые видел над Ленинградом 12 фашистских бомбардировщиков. Зенитный огонь был сильный, но артиллеристы, по-видимому, еще не приобрели опыта. Истребители наши появились с опозданием, когда в районе Варшавского вокзала показались четыре столба дыма, которые вскоре слились в один пожар. Он продолжался с 19 : 00 до 22 : 30. Над городом стелится сплошное облако дыма. В 22 : 35 снова тревога. Полная луна, в ее свете лучи прожекторов кажутся слабыми. Пушки стреляют со всех сторон, но самолетов не видно.

Поздно вечером объявили: командирам лодок и штурманам завтра к 12 : 00 явиться в Кронштадт к командующему Флотом. Все взволнованы, строят всякие предположения.

9 сентября. В 8 : 00 все собрались и поехали на катере до моста лейтенанта Шмидта, затем на трамвае, поезде и снова на катере в Кронштадт.

По дороге из окна вагона видел воздушный бой над Новым Петергофом. Во время тревоги наш «паровик» не останавливался, а осторожно шел. Приехали в 12 : 30. Оказалось, что вызывал командир бригады. Командиры остались у него, а нас направили к флагманскому штурману. Он коротко ознакомил нас с задачей. Его слова ошеломили нас, как если бы в мирное время нас свои начали бомбить. Правда, никто из нас не высказал удивления вслух, но зато сколько было разговоров, когда мы остались одни!

Ошеломление сменилось воодушевлением. Все рассуждают о походе с такой легкостью, будто это мирная прогулка, хотя у всех еще в памяти трагедия перехода наших кораблей из Таллина, когда мы потеряли немало друзей.

Получил письмо от Сони. Они проехали Тихвин, подъезжают к Ярославлю. Во время бомбежек и пересадок укладывают сынишку в сундук на перину. Пе-

реносить это «приданое» помогают красноармейцы. Письмо бодрое, но я понимаю, чего стоит жене эта бодрость.

11 сентября. Вернулись в Ленинград. Свою «семерку» нашли у Республиканского моста. Вчера и сегодня грузили торпеды, запасались топливом и продуктами на полную автономность. Выгрузили все лишнее. Я снес домой свои вещи. Нади не было: уехала рыть окопы. Оставил имеющиеся у меня деньги. Ей они, может быть, пригодятся.

В 18 : 29 отошли от плавбазы. Жадными глазами смотрел на берег. Прощай, любимый Ленинград! Увидимся ли снова с тобой?

На южном берегу залива были видны пожары в районе Н. Петергоф-Волдарское. В 20 : 40 пришли в Кронштадт. Стало известно, что Ленинград окружен. С кораблей берут много матросов на сухопутный фронт. Корабли, стоящие в гавани и в Морском канале, стреляют по берегу. Орудия ведут огонь с небольшим углом возвышения: так близок враг.

17 сентября. За день было 10 воздушных тревог. Все время стоим в готовности. Получил телеграмму от жены: «Доехали хорошо. Горьковская область, станция Шатки, дом колхозника».

Отлегло от сердца. Теперь со спокойной душой можно идти в бой. Лодки подтягиваются в Кронштадт. В районе Петергофа, Ораниенбаума и в Ленинграде — пожары. С береговой базы ушли на фронт 130 моряков. На плавбазе осталось не более 60 человек. Сняли много личного состава с катеров и даже с отдельных лодок. Мы ждем приказа выйти в море.

19 сентября. Стоим в Петровском канале. Сегодня враг впервые бомбил Кронштадт с воздуха. Фашистские самолеты появлялись несколько раз, но их отгоняли зенитной артиллерией. С высоты 3 000 м они все-таки сбросили несколько бомб. Повреждений серьезных нет.

21 сентября. С утра стоит хорошая, но холодная погода. Облачность с небольшими просветами. Фашистские летчики пользуются облаками, как засадой: вынырнут из них, сбросят бомбы и снова спрячутся. Огонь ведут все корабли. Мы тоже стреляем. Я вижу, как от самолета отделяются черные точки. Сперва медленно, затем все быстрее они несутся вниз, вырастая в размерах. Мне кажется, что они летят прямо на нас. Хватаю за рукав военкома Василия Семеновича Гусева. Он бледен, но спокоен. «Перелет», — определяет военком. Действительно, бомбы, оглушительно взвизгнув над нашими головами, упали в Петровском садике и не взорвались. Бомбы падали на город, на рейд. Больше всего нас потрясло известие, что несколько из них попало в госпиталь. Повреждения получили отдельные корабли. Мы выпустили 110 45-миллиметровых снарядов. На пушке сгорела вся краска. Над Кронштадтом сбито несколько вражеских самолетов, мы сами видели, как догорали остатки одного из них.

22 сентября. Сегодня исполнилось три месяца войны. «Октябрьская революция», «Марат» и «Киров» бьют по берегу и днем и ночью. Видно, много неприятностей доставляют фашистам их залпы. Потому немцы так остервенело

и бомбят Кронштадт. С утра опять начались налеты. Кронштадт отбивается от них зенитками, бесстрашно вступают в бой наши истребители. Но фашистов много. Волна за волной налетают бомбардировщики. Две бомбы в такой близости упали от нашей лодки, что нам казалось: не уцелеем. Прижавшись друг к другу, мы укрылись на мостике. На нас обрушились массы воды, ила, осколков, камня. Поднялись и не узнали своего корабля: весь покрыт толстым слоем липкой грязи.

23 сентября. Предательски безоблачная погода. Вражеские налеты начались в 10:00. В первом участвовал 41 самолет. Взрывы повсюду. На наших глазах одна из бомб попала в «Марат». Столб огня, дыма, воды был громадный. Линкору разломило нос по вторую башню. Носовая часть медленно погружалась в воду, а на флагштоке продолжал развеваться гюйс. В этом аду корабли продолжали стрелять. В пяти налетах участвовало 90 самолетов. Наш расчет сорокапятки сбил «Ю-88». Бомбардировщик упал неподалеку. С каким ликованием экипаж встретил эту победу! После отбоя матросы кинулись на мостик, обнимали и целовали командира Василия Субботина, его помощника — кока Ивана Шинкаренко.

В 16:10 — снова налет. Всего за день мы насчитали около 120 самолетов.

В 20:52 мы отошли от стенки. Приказано встать на Красногорском рейде, днем лежать на грунте, ночью всплывать. Командование решило не подвергать лодки риску: налеты на Кронштадт продолжаются.

Командир бригады, провожая нас в море, предупредил, чтобы мы следили за сигналами с берега: разведчики ожидают прихода наших катеров.

Шинкаренко печет пирожки. Я под видом пробы два уже уничтожил. Удивительный мастер наш кок. Готовит — пальчики оближешь. Его пирожки сразу напомнили мне детство, деревню...

Каждую ночь я провожу за своим штурманским столиком. Плохая погода и еще не изученные мною передвижения масс воды в заливе не дают покоя. Иногда при всем своем старании невязки достигают нескольких миль, а это, конечно, не нравится всем. Но я не могу все точно учесть, никак не привыкну к этому району так же, как к восточной части моря.

2 ноября. Ходили вдоль южного берега залива. В 16:30 легли на грунт. С наступлением темноты всплыли и открыли огонь. В первую минуту наша сотка производит десять выстрелов. Потом темп снижается, так как в накатниках давление воздуха оказалось на 8–10 атмосфер ниже, чем должно быть. Выпустили три осветительных и 30 фугасных снарядов. Конечно, результаты стрельбы, как и всех предыдущих, нам пока не известны. Но мы сознаем, какой переполох они вызывают в стане врага. Пожалуй, ни одна подводная лодка не подходила так близко к берегу, занятому противником, и не производила таких дерзких огневых налетов по его тылам.

Нам остается еще самое трудное — обстрел порта. Придется подходить к берегу еще ближе. А там вражеские катера, береговые батареи. Рискованное дело!

3 ноября. Вчера начал читать «Тихое Кеммо» Кнехта — книгу из финской жизни. Читаю обычно ночью, между дел. Спать приходится редко, урывками. Сегодня получился конфуз: задремал и из-за этого опоздал с поворотом на 37 минут. Мое счастье, что район оказался безопасным. Но в других условиях эти пять миль могли бы оказаться роковыми для корабля, так как сесть на мель в настоящее время — это быть расстрелянными торпедными катерами или самолетами.

Вечером всплыли. Полнолуние, видимость отличная, волна около двух баллов, безоблачно. Эта исключительная видимость подвела вахтенного командира. С расстояния около 15 миль показался берег. А так как весь берег в снегу, то небольшую опушку леса вахтенный принял за силуэт корабля. Хорошо, что ничего не предприняли, кроме как повернули на него. Через несколько минут ошибка выяснилась, и мы легли на старый курс.

6 ноября. Все высматриваем вражеские корабли, но ничего путного не встречаем. Напрасно томятся торпедисты возле своих аппаратов.

В 15:19 легли на грунт в 25 кабельтовых от порта.

В 21:09 открыли огонь из «сотки» и «сорокапятки». Люди работали с энтузиазмом. Хороший «подарок» поднесли мы фашистам в честь Октябрьского праздника! На берегу были видны три больших взрыва, следовавшие один за другим.

7 ноября. Наступила XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Празднуем мы ее на боевой позиции. В третьем часу ночи получили радиограмму: «Поздравляем мужественных подводников с XXIV годовщиной Великого Октября. Будьте и впредь смелыми и дерзкими в борьбе с ненавистным врагом, мстите немецким пиратам, никакой пощады гитлеровским разбойникам. Военный совет КФБ: вице-адмирал Трибуц, дивизионный комиссар Смирнов, бригадный комиссар Вербицкий».

Всю ночь ходили южнее Б. Тютерса. Утром погрузились. Плаваем вдоль берега, то и дело осматривая горизонт в перископ. Море пусто. Во время вечернего чая матросы пригласили меня в гости в первый отсек. Пил чай вместе с ними. Шутили, смеялись. Хорошо в такой дружеской семье. Не верилось, что мы у вражеских берегов, что каждую минуту нас подстерегает опасность. Оказалось, что в этот вечер наша офицерская кают-компания пустовала. Все командиры боевых частей, комиссар, старпом, врач были в отсеках. Матросы долго не отпускали их. Пожалуй, в эти часы мы особенно глубоко поняли, какой крепкой дружбой спаян наш экипаж.

9 ноября. Приняли радиограмму о параде на Красной площади. Запись речи И.В. Сталина Гусев зачитал в каждом отсеке. Матросы слушали затаив дыхание.

Всплыли около 18:30. С каждым днем всплываем все раньше, а погружаемся все позже! Ветер северо-западный, четыре балла, волна три бала, сплошная облачность, абсолютная темнота — хоть глаз выколи! Ни одного вражеского

судна до сих пор не встретили. Обидно. У левого двигателя сгорел подшипник воздуходувки. Заряжаем батареи одним правым дизелем. Он работает с перегрузкой, сильно искрит. А в такую ночь искры видны далеко! К концу суток воздуходувку отремонтировали. Мотористы Журавлев, Михайлов, Лазин и Гавриков работали без отдыха 20 часов. За это время они произвели ремонт, на который в обычных условиях даже с участием заводских рабочих потребовалось бы четыре-пять суток.

11 ноября. Уточняя течения. Сегодня результаты обрадовали. После суток плавания без обсервации невязка не превышает мили.

Пошла моя 15-я бессонная ночь. Все время от всплытия до погружения я не схожу со своего поста, веду счисление, контролирую его по глубинам. Рельеф Нарвского залива я теперь изучил, пожалуй, лучше, чем мосты на Невском проспекте. Ведь ночью глубины являются для меня единственным ориентиром. Приходится учитывать течение в зависимости от направления и силы ветра, а следовательно, и волны. Величина поправок порой достигает восьми-девяти миль. И это в условиях плавания среди минных полей. Вот и приходится всю ночь сидеть за картой.

Утром после погружения командир отсылает меня спать, а сам определяется по берегу. Он даже сердится, если я долго не ухожу. Сплю до 12 : 00, когда меня чуть ли не силой поднимают с койки обедать.

После обеда восстанавливаю на карте путь, пройденный лодкой за время моего сна. Если командиру удалось хорошо определиться, иду опять отдыхать на два-три часа.

Всего я сплю в сутки четыре-шесть часов.

Иногда, правда, я и ночью для сна урываю несколько минут, привалившись к маховику кингстона, что расположен слева за моей спиной. Просыпаюсь в таких случаях с головной болью и весь продрогший от сквозняка.

Меньше всех отдыхает командир корабля. И в то же время он заботится, чтобы каждый из нас использовал любую возможность для отдыха.

12 ноября. У командира приподнятое настроение: возвращаемся в Кронштадт.

Мы уже подошли к бую Лавенсари, когда командир приблизился к моему столу, взял раскрытую книгу, посмотрел название: «Утраченные иллюзии» Бальзака. Рассмеялся: «Как раз определяет наше настроение». Я не понял, он пояснил: «Поворачиваем назад, штурман. Приказано, если достаточно продуктов и топлива, оставаться на позиции до 15 ноября». Легли на обратный курс. Топлива осталось суток на пять, продуктов много, а пресной воды — всего на два дня. Выход нашли: пить дистиллированную воду, предназначенную для аккумуляторных батарей. А кок Шинкаренко заявил, что суп будет варить из забортной воды. Он все время колдует на своем камбузе. Военфельдшер Шкурко боялся, что у людей расстроятся желудки. Но матросы едят суп, расхваливают и добавки просят. Никто и не догадался, что суп из морской воды.

14 ноября. Мороз. Лодка обледеневает. Залив по-прежнему пуст. Получили радиogramму о награждении орденами моряков подводной лодки «С-4». Везет же людям! «Четверка» потопила уже несколько транспортов, а мы за весь поход даже не видели ни одного.

15 ноября. Ночью получили приказание обстрелять берег. У нас осталось семь фугасных, 15 шрапнельных и три осветительных 100-миллиметровых снаряда.

В 4:22 объявили арттревогу, а открыли огонь только в 4:54. Пушка обмерзла, под ногами у артиллеристов лед. Гусев опять у пушки. Но ложиться на снаряды теперь ему не приходится: опередил кто-то из краснофлотцев. После того, как подали наверх снаряды, шахту задраили, так как в нее вливаются потоки воды, рулевой Оленин, только что сменившийся с вахты у штурвала, трудится у пушки. За предыдущие стрельбы он вместе с другими артиллеристами получил благодарность командира, и сейчас готов горы свернуть. Стрельба продолжалась шесть минут. Выпустили все 25 снарядов, отходим на нора.

Сегодня днем я проспал целых восемь часов. Командир приказал и на обед не будить меня. Все это время он сам вел прокладку, даже в самом трудном районе — над грядой восточнее Б. Тютерса, где раньше не раз мы уже касались грунта.

Сейчас идем на глубине 15 м, и все сильнее качает. Крен доходит до 23°. Можно себе представить, что творится на поверхности. Обратил внимание на то, что, когда волна бьет в корму, рыскание лодки доходит до 6—7°. Рулевому нелегко удержать корабль на курсе.

16 ноября. Подошли к Кронштадту. Рейд забит сплошным мелким льдом. Он настолько смерзся, что, войдя в него, мы застряли. Полным назад кое-как выбрались. Подождали, не выйдут ли нам буксир. Но два суденышка, ходившие по рейду, сами еле продвигались. Командир подумал немного и приказал дать обоим дизелям полный вперед. От ломавшегося льда стоял такой гул, что на мостике было трудно разговаривать. После перехода через лед у нас на уровне ватерлинии с легкого корпуса оказалась содранной вся краска. Сейчас лодка пестрая: зеленая, шаровая, рыжая. Надстройка полна льда.

В Кронштадте все также: фашисты обстреливают город, с их батареями ведут перестрелку форты и корабли. Снаряд попал в пирс, у которого мы стоим.

Мы снова не досчитались многих своих друзей. Подорвалась на mine «вторая». На ней погиб мой друг Леша Лебедев, штурман и поэт. Спаслись только три человека. «Девятка» вчера вернулась с позиции без командира — капитана третьего ранга Рогачевского. Нам рассказали историю его гибели. Лодка всплывала с грунта по волне. После продувания средней Рогачевский, командир боевой части лейтенант Милованов и сигнальщик вышли на мостик. Тут на них налетела с кормы огромная волна. Она смыла людей с мостика. Через открытый люк в шахту хлынуло тонн пять воды. При отходе волны люк захлопнулся. Когда его открыли изнутри, на мостике никого не оказалось. Ночь была темная, лодка долго кружилась в этом районе, но так никого из смытых водой и не нашли.

Приборы в центральном посту были залиты водой и вышли из строя. Старпом и штурман вели лодку вслепую, но все-таки дошли до базы.

После обеда я вновь занял свою каюту на береговой базе. Когда покидал ее, она была чистой. Сейчас весь пол был обсыпан штукатуркой, которая сыплется с потолка и стен при каждом близком взрыве.

Совсем отвык спать ночью.

19 ноября. На базе я изнывал от скуки. Вчера махнул рукой на береговые удобства и перебрался на лодку. Здесь, в родной обстановке, и ночная бессонница кончилась. Сплю как убитый.

21 ноября. Не спали до 3 : 00. Слушали Лисина. Рассказывал о боях в Испании, об испанских морях. Он был там, принимал участие в боевых действиях.

В 7 : 00 во время обстрела города тяжело ранило на улице старшину группы радистов Курочкина, его увезли в госпиталь. Комиссар Гусев и наш доктор Шкурко поспешили туда, но уже не застали старшину в живых. Это у нас первая жертва войны из личного состава лодки.

Обстрел Кронштадта не прекращается.

24 ноября. Ночью пришли в Ленинград и ошвартовались возле Адмиралтейства.

Фашистская артиллерия непрерывно обстреливает город.

27 ноября. Обстрел города начался с утра. Снаряды падают в районе Гостиного двора. Они летят совсем близко от нас, их свист режет уши, а затем через несколько секунд раздаются взрывы. После обеда, несмотря на низкую облачность и снегопад, налетели фашистские самолеты. Они бомбят из-за облаков. Две бомбы упали у Республиканского моста, совсем близко от нас. Их взрывы сильно отдались по корпусу лодки.

Высоко в небе, за облаками, непрерывно воют моторы, трещат пулеметные очереди. Это наши летчики бесстрашно атакуют вражеские самолеты. Иногда в просветах между облаками мы видим стремительные точки истребителей. Наблюдаем за ними с восхищением и волнением. Ведь это наши крылатые друзья. Возможно, там и мои товарищи Ваня Дубовик и Вася Никитин.

Воздушная тревога продолжалась с 12 : 15 до 17 : 45.

30 ноября. С 12 : 00 до 23 : 00 было четыре воздушных тревоги. Заметил: каждая по два часа с интервалами по часу. Странная закономерность!

В 20 : 00 в кают-компанию плавбазы началась кинокартина «Минин и Пожарский». Сеанс был прерван воздушной тревогой. Я не стал дожидаться и ушел на лодку. Потом узнал, что кино закончилось... в два часа ночи!

Фашисты бомбят город в плохую видимость, наугад: город большой, куда-нибудь бомба все равно попадет. Изверги! Кого убивают: мирное население, женщин, детей...

Ленинград уже три месяца в блокаде. С продовольствием все хуже. Надя получает 125 г хлеба в день, других продуктов почти нет. Но несмотря на голод и бомбежки, ленинградцы не падают духом.

Нам дают 300 г хлеба.

3 декабря. До обеда были занятия штурманов. Обменивались опытом походов. Выступил и я.

Из подводников сформирован батальон. Матросы знакомятся с сухопутной тактикой. Это, вероятно, на случай уличных боев в городе. Уж очень близко подошел враг к Ленинграду.

В 17:42 один за другим три близких взрыва потрясли лодку. По корпусу ударили осколки бомб и льда. Бомбы разорвались всего в 50 м от корабля. На плавбазе осколком ранило краснофлотца, находившегося на верхней палубе. В домах на набережной выбило все стекла.

Читаю «Красное и черное» Стендаля. Запасся Горьким — взял в библиотеке два первых тома его собрания сочинений.

9 декабря. Ремонтируем лодку, а по утрам занимаемся пехотной тактикой. Я помощник командира взвода. Сейчас изучаем самозарядную винтовку, автомат и гранату ИГД-33.

10 декабря. Занимался Боевым уставом пехоты. После обеда со своим взводом, в который входят матросы лодки, прорабатывали Строевой устав.

С 15:00 до 17:00 в Александровском саду проводил с матросами строевые занятия. Вечером заступил дежурить по плавбазе.

16 декабря. Внимательно следим за событиями под Москвой. Наши громят там фашистов по всему фронту.

Перед обедом начался усиленный обстрел Ленинграда. Он продолжался несколько часов. В 17:00, когда я сидел в дежурной рубке, раздался оглушительный взрыв, от которого круто качнулся корпус плавбазы. Погас свет, открылась дверь, контакты автоматического выключателя разомкнулись. Я надел шинель и выбежал на палубу. Прогремел второй взрыв. Снаряд попал в стоявший рядом с нами плавучий кран. На палубе встретил командира бригады и доложил ему, где упал первый снаряд у кормы, в 2–3 м от правого борта. Объявили боевую тревогу.

Я направился на лодку, но не успел пробежать шагов 30 по стенке, как новый взрыв свалил меня с ног. Снаряд упал в 7–8 м от нашей лодки. Как только осколки просвистели над головой, я вскочил на ноги и снова побежал. Уже на мостике опять пришлось прятаться от осколков, которые летели даже не знаю откуда. Они взвизгивали над головой, барабанили по ограждению рубки. Близкие взрывы не остались без последствий. В лодке полопались плафоны. Начал течь соляр из цистерны во втором отсеке, появилась течь в цистерне № 1. В легком корпусе несколько больших вмятин. На «девятке» дело хуже: более 30 пробоин и вмятина.

17 декабря. После обеда отрабатывали приемы штыкового боя. Матросы занимаются старательно, а в первое время ворчали: не наше дело, дескать. Отношение к занятиям изменилось после бесед Гусева. Умеет наш комиссар убеждать людей.

Наши войска заняли Калинин. Освобождена дорога от Тихвина до Волхова. Возможно, что скоро будет снята блокада Ленинграда. Скорее бы! Положение в городе тяжелое. Рабочие получают 250, служащие — 125 г хлеба, да и то не каждый день. Трамваи и троллейбусы ходят плохо. Рабочие, и без того ослабевшие от недоедания, добираются до заводов пешком, подчас через весь город. Много домов разрушено или повреждено обстрелами и бомбежками. Целые районы не освещаются — не хватает энергии. Топлива нет, население мерзнет. И все же настроение у людей бодрое, а особенно сейчас, когда ежедневно сообщают об успехах наших войск.

Уже 12 дней нет воздушных тревог. По-видимому, туго фашистам, вот и перебросили авиацию на другой фронт.

18 декабря. Наши войска заняли город Алексин. Это всего в 17 км от деревни, в которой я провел свое детство.

Фашисты разгромили в Ясной Поляне дом и музей Л.Н. Толстого.

После обеда была лыжная подготовка. Ходили по Неве, но из-за обстрела пришлось прятаться в землянке на берегу. Вечером мой взвод изучал пулемет-пистолет Дегтярева.

Читаю «Воскресенье» Льва Толстого.

22 декабря. Уже полгода идет Великая Отечественная война. Гитлер рассчитывал на «блиц-криг», собирався разгромить нас за две-три недели. Не вышло! А сейчас мы его бьем все сильнее.

Вечером была хорошая лекция об итогах шести месяцев войны.

23 декабря. Утром прослушали доклад капитан-лейтенанта Иванцова, командира «Щ-323». Рассказывал много поучительного. Лодка потопила в последнем походе четыре вражеских транспорта. Подводникам помогла скрытность действий. Вражеские моряки, теряя суда, думали, что они подрываются на минах, и стали ходить мористее. Нашим подводникам только это и нужно было. Атаки стали еще успешнее. Весь личный состав лодки награжден орденами, в том числе и мои друзья по выпуску: Кудряшов — орденом Ленина, Осипов — орденом Красного Знамени.

25 декабря. Сегодня увеличили паек: рабочие теперь получают 300 г, служащие и иждивенцы — 200 г. Но люди истощены, каждый день умирают сотни. Умерших отвозят на санках, хоронят без гробов — их не из чего сделать. Стоят сильные морозы, от этого населению еще тяжелее.

26 декабря. Опять начались воздушные тревоги, хотя и очень редко. Вражеские налеты заставили жителей перебраться в нижние этажи и подвалы. Кругом развалины, а райкомы уже готовят планы восстановления города. Все-таки удивительный наш народ!

Сообщение Ленинграда со страной поддерживается только с помощью автомашин через Ладожское озеро. День и ночь по этой «дороге жизни» идут колонны машин. Их не останавливают ни обстрелы, ни налеты с воздуха.

Вечером было собрание личного состава. Решили закончить ремонт к концу марта своими силами, не надеясь на помощь завода.

Командир дивизиона наградил денежными премиями за отличную боевую и политическую подготовку моих подчиненных: рулевого Оленина и штурманского электрика Игнатьева. Особо отметил образцовое содержание ими своих заведываний.

31 декабря. Вечером военком Гусев собрал моряков в кубрике, поздравил с наступлением Нового года. Праздничный ужин был скромным, не все чувствовали себя приподнято, но все были полны надежд: новый год принесет новые победы.

Заходила Надя. От Сони писем нет. Офицеры почти все остались с матросами: мы привыкли вместе делить и радость, и горе.

Думаю о Ленинграде. Чего только он не вынес за последние месяцы! На заснеженных улицах безжизненно застыли трамваи и троллейбусы. Из окон торчат трубы времянок. Но редко увидишь и из них дым: топлива нет. Надя топит печурку два раза в неделю. Из-за отсутствия топлива и сырья встали почти все заводы. По улицам тащатся вереницы людей с ведрами: воду берут из Невы. Увидите здесь и моряков: чтобы помочь населению, наши матросы носят воду ведрами на хлебозавод. Ленинград живет, борется, бьет фашиста!

1 января 1942 года. Наши войска освободили город Калугу, мою родину.

Зашел домой, поговорил с Надей. Писем от Сони нет. Как они там, живы ли?

4 января. Умер от голода наш родственник Павел Голосин. Другой его брат тоже близок к этому.

Стало известно, что наша лодка во время обстрела побережья, занятого врагом, взорвала бензохранилище. В газете расхвалили нашего лейтенанта Григория Алексеевича Новикова как образцового управляющего огнем.

Экипаж с утра до ночи занят ремонтом лодки.

14 января. Вечером заглянул домой. Надя была еще на работе. Зашел за ней в магазин. По дороге видели несколько пожаров. Дома было очень холодно. Истопили печку тремя полешками дров и моими старыми конспектами. Надя расстроена. Сегодня в их магазине хлеба не было. Сотни голодных людей напрасно стояли в очереди на морозе.

18 января. Который уже день у нас вместо хлеба выдают сухари.

Повторяю устройство гирокомпаса, лага и других приборов.

На лодке идет ремонт.

Читаю «Чапаева» Фурманова. Увлечся, даже делаю выписки.

Ложась спать, вспомнил вдруг: ведь сегодня у Новикова день рождения. Нашему боевому артиллеристу исполнилось 26 лет. Побежал к нему, поднял с постели, поздравил. Оказывается, он сам забыл. Долго сидели, беседовали обо всем.

3 февраля. Положение с продовольствием остается тяжелым. Кроме крохотных порций хлеба населению ничего не выдают. На днях умер Николай Голосин. На Надю жалко смотреть: еле ходит. Самоотверженный человек: работает в продовольственном магазине и чуть жива от голода. Чтобы поддержать ее, экономлю на своем пайке. Каждый раз приношу ей граммов 700–800 хлеба и немного масла.

Некоторые заводы Ленинграда стали работать.

5 февраля. Вечером было партийное собрание. Я почему-то впервые обратил внимание на то, сколько на него собирается людей. За время войны у нас на лодке вступило в партию 20 человек. И так на всех лодках. Чем больше трудностей, тем сильнее люди тянутся к партии. Это лучшее доказательство любви народа к партии, ее силы и непобедимости.

На собрании решили ремонт закончить к XXIV годовщине Красной Армии.

11 февраля. Получил письмо от своего брата Паши. Оно шло больше месяца. Паша воюет на Калининском направлении. Сообщил мне ужасную весть: 13 октября погиб брат Ваня. Его похоронили в районе города Ржева на опушке леса.

Ваня, Ваня! Я еще очень мало сделал в этой войне, но клянусь, что отомщу за смерть любимого брата. Смерть немецким фашистам! Не жалел и не пожалел своей жизни для разгрома и уничтожения ненавистного врага.

С сегодняшнего дня нам начали выдавать 800 г хлеба, рабочим — 500, служащим — 400, иждивенцам — 300 граммов.

16 февраля. С 13 : 30 был на сборе штурманов, который продлится недели полторы. Первые два часа занимались в учебном кабинете в Адмиралтействе. Сидели в шинелях, шапках, валенках и перчатках и все же замерзли: зуб на зуб не попадал. Не выдержали, перешли заниматься на плавбазу.

Фашисты каждый день усиленно обстреливают город. Временами снаряды проносятся над нашими головами.

19 февраля. Наконец-то получил письмо от Сони. Пишет, что Леня вырос большой, и я его не узнаю. Еще бы, ведь я его видел в последний раз в конце августа, когда ему было десять с половиной месяцев, а сейчас ему год и четыре с половиной месяца. Соня очень беспокоится обо мне...

Вчера мы, комсостав, решили сэкономить из своего пайка по 600 г хлеба, 60 г масла, 60 г сахара и 100 г мяса для подарка семьям наших погибших офицеров. Мы знаем, как тяжело живется сейчас этим семьям, и потому единодушно решили отказывать себе, но поддержать продовольствием детей погибших товарищей. За этих обездоленных сирот мы тоже расплатимся с фашистами. Отплатим врагу за все!

23 февраля. В честь XXIV годовщины Красной Армии состоялся торжественный подъем флага. За отличную организацию ремонта корабля командир и другие офицеры награждены грамотами Военного совета фронта. Многим объявлена благодарность. Слово свое мы сдержали. Вопреки всем трудностям блокады корабль отремонтировали досрочно.

26 февраля. Командир объявил, что мне и Новикову приказом Военного совета КБФ присвоено звание старшего лейтенанта.

8 марта. С утра до обеда вместе с командой лодки очищал от снега трамвайные пути на Республиканском мосту. Матросы работали с жаром. Очистили не только мост, но и часть набережной.

23 марта. Температура 0°, теплый ветер, чувствуется начало весны. Ленинградцы усиленно очищают улицы и площади от снега и мусора. Моряки помогают им.

Напряженно учимся. Сдаем зачеты по устройству лодки, торпедным стрельбам (в кабинете), разыгрываем выход в атаку и отражение атак катеров, изучаем морской театр. Пока у меня все идет нормально.

Город оживает по-весеннему. Но проходишь по улицам — сердце сжимается. Половина домов носит следы обстрелов и бомбежек: или угол обрушился, или целая половина дома рухнула, выбиты стекла, стены изрешечены осколками.

30 марта. Комиссар Гусев поручил мне вести политические занятия. Сегодня состоялось первое. Получилось не особенно хорошо. Надо больше готовиться.

11 апреля. Бомбежки и артобстрелы не прекращаются. Часто снаряды рвутся совсем близко, от взрывов корпус лодки как бы подпрыгивает. Никогда мы еще с такой тревогой не прислушивались к этому грохоту. Что, если угодит в нашу лодку?.. Столько труда вложили в ремонт, и вот, когда лодка совсем готова к походам, вдруг ее заденет...

Я уже несколько дней исполняю обязанности старпома. Командира нет, отправлен в дом отдыха, который организован для подводников на Васильевском острове. У меня сейчас хлопот полон рот. Сегодня на несколько минут приходил командир. Сказал мне, что он лучше бы согласился найти хорошего штурмана, чем помощника, намекая, что последним хочет поставить меня. Это значит, что командир ценит меня. Для моряка это самое главное.

15 апреля. Сегодня в Ленинграде после долгого перерыва пошли трамваи. Пока только по пяти маршрутам. Их звонки для нас что музыка. Сразу стало как-то веселее, радостнее. Снег быстро тает. Следим за льдом на Неве. Он стал серым, рыхлым. Скоро он сойдет в море, а вслед за ним и мы. Впереди походы и бои. Скорее бы...

Апрельскими записями 1942 года: «Смерть немецким оккупантам! Не жалеем и не пожалеем своей жизни для разгрома врага!» — кончается дошедшая до нас часть дневника.

Остальные дневники затерялись, возможно, навсегда.

В РГА ВМФ, в Санкт-Петербурге, хранится другой документ, написанный рукой штурмана подводной лодки «С-7» Михаила Тимофеевича Хрусталева: «Журнал боевых действий п/л “С-7”», который как бы продолжает «Заветные тетради».

22 июня 1942 года. Перешли в Кронштадт. На переходе лодку прикрывали катера-дымозавесчики и канонерская лодка. Противник обстрелял корабли артиллерийским огнем с южного берега. Борьбу с вражеской артиллерией вели батареи кронштадтских фортов и «Красной Горки».

2 июля. В 23 : 30 «С-7» в сопровождении катеров «МО» вышла из Кронштадта на остров Лавенсари. На рейде у острова простояли недолго. Дождавшись темноты, погрузились и пошли на запад.

Экипаж понимал все трудности похода. Стояли белые ночи, увеличивавшие опасность обнаружения лодки. Предстояло преодолеть сильные противолодочные рубежи, форсировать минные поля.

4 июля. Форсировали Голландский рубеж. Район охраняется вражескими кораблями. Акустик то и дело докладывает о шуме винтов. Несколько раз задевали корпусом минрепы.

5 июля. В 5 : 32 с правого борта слышали касание минрепа. Затем донеслись два взрыва по корме. Подняв перископ, вахтенный офицер увидел дозорный катер противника. Больше часа шли по минному полю. В 11 : 43 снова два взрыва по корме, теперь на большем расстоянии. В 23 : 33 собирались всплывать, но по пеленгу 384° заметили силуэт вражеского сторожевого корабля. В 23 : 56 всплыли на поверхность и начали движение в позиционном положении. Под водой находились 23 часа 20 минут без регенерации воздуха. В конце дня в лодке было очень тяжело дышать. Температура в аккумуляторных батареях доходит до 47°.

6 июля. Один из самых опасных минированных районов прошли в надводном положении, используя облачность и мелкий дождь. Это было большим риском. Вражеские корабли могли оказаться поблизости. Но нужно было подзарядить батареи.

В 19 : 30 вышли в Балтийское море.

9 июля. Во время зарядки батарей лодка подверглась атаке самолета, который сбросил две небольшие бомбы и обстрелял ее из пулемета. Вражеский самолет подкрался на бреющем полете, прячась за дымкой, которая стелилась над морем. Стук дизелей заглушал посторонние шумы. Стоявший на вахте рулевой-сигнальщик Оленин услышал шум авиационных моторов за мгновение до того, как к лодке потянулась цепочка всплеском от пулеметной очереди. Командир приказал срочно погружаться. Едва лодка скрылась под водой, справа и слева прогремели взрывы.

Утром увидели большей караван судов. От атаки командир отказался, так как над водой беспрерывно кружился самолет.

В 15 : 37 обнаружили одиночный транспорт. Атаковали его, выпустив две торпеды. Взрывов не последовало: промахнулись. В этом районе оживленное движение. В 16 : 54 показался конвой из восьми транспортов, миноносца и двух сторожевых кораблей. Командир повел лодку на сближение. Но в самый последний момент, приподняв перископ, увидел, что прямо на лодку несется миноносец. Когда вражеский корабль прошел над лодкой и командир вновь поднял перископ, цель была упущена.

В 18 : 26 вновь заметили одиночный транспорт, примерно 7 000 т водоизмещения. Дистанция до него 55 кабельтовых. Командир 40 минут маневриро-

вал, чтобы выстрелить наверняка. Наконец долгожданная команда: «Пли!» При-
тихли все в центральном отсеке. Но через несколько секунд старшина торпеди-
стов доложил: торпеда не вышла из аппарата, зажало хвостовой стопор. А транс-
порт уходит. Командир скомандовал: всплывать! Надводным ходом погнались
за транспортом. После 16 минут погони выпустили торпеду. Она попала во вра-
жеское судно в районе мостика. Транспорт затонул на глазах у подводников. На
лодке ликование. Счет открыт, первый вражеский транспорт пошел ко дну. Это
наша месть за Ленинград!

11 июля. Сегодня я — вахтенный офицер. Обнаружил конвой, но дистан-
ция большая, и командир от атаки отказался.

В 16:20 — новый конвой. Насчитали 16 транспортов и два миноносца.
Командир выводит лодку в атаку. На вертикальном руле Оленин. Зная, что ко-
рабль на боевом курсе, он выдерживает направление со всей возможной точ-
ностью. Командир, время от времени поднимая перископ, дожидается, когда
выбранный им транспорт выйдет на рассчитанный угол упреждения, чтобы
скомандовать: «Торпеды, пли!» И тут замечает, что на лодку мчится миноно-
сец. Хотя бы еще секунду выгадать. До угла упреждения остается 2°. В отсеках
отчетливо слышен шум винтов приближающегося корабля. Командир подает
команду, две торпеды устремляются к цели, и тотчас лодка ныряет на глубину.
Грохочут взрывы. Они все ближе. Инженер-механик Корж стоит рядом с ко-
мандиром с блоком в руках. Лодка содрогается от страшных ударов, а ме-
ханик невозмутимо отмечает количество сброшенных бомб. Гаснет свет, зве-
нит разбитое стекло.

23 глубинные бомбы были сброшены в непосредственной близости от ло-
дки. Существенных повреждений они не нанесли. Когда опасность миновала,
лодка подвсплыла немного. На месте атаки стоит без хода транспорт, развер-
нувшийся на обратный курс. Рядом с ним миноносец. На воде плавают облом-
ки затонувшего судна, стелется дым. Среди обломков снуют шлюпки, подби-
рая уцелевших людей.

Оленин 10 часов бессменно нес вахту на вертикальном руле. Во время атак
командир всегда вызывает его в рубку.

14 июля. День неудач. Три раза выходили в атаку, и все попусту. Транспорты
жмутся к берегу, малые глубины не дают возможности приблизиться к ним.

В 15:40 лодка вошла внутрь охранения большого конвоя. Командир начал
наводить кормовые аппараты на один из концевых транспортов, но пришлось
укрываться от миноносца, взявшего курс на лодку. Подняли снова перископ,
командир убедился, что цель упущена.

Шумопеленгаторная установка работает из рук вон плохо: при прорыве
охранения никакой ориентировки в шумах винтов кораблей не дает, несмотря
на короткие дистанции (6–10 кабельтовых). По-видимому, на работе приборов
сказалась недавняя бомбежка. При таком положении не только затрудняется
выход в атаку, но и возрастает опасность стать жертвой таранного удара.

18 июля. Приказано сменить позицию.

22 июля. Прибыли в Виндавский аванпорт. Целей не обнаружено.

29 июля. Увидели одиночный транспорт. Торпедная атака сорвалась из-за резкого уменьшения глубин. Командир приказал всплывать. Объявлена артиллерийская тревога. Расчет 100-миллиметровой пушки открыл огонь. Первый снаряд упал с перелетом, второй — с недолетом. Третий должен накрыть цель, но... отказала пушка. Транспорт выбросился на камни. Все старания отремонтировать орудие оказались тщетными. Вдали показался сторожевой корабль, спешивший на выручку своему транспорту. Пришлось уйти.

30 июля. Продолжаем находиться у маяка Акменраге.

7 : 43. По пеленгу 168° обнаружили мачты и трубы кораблей. Легли на курс навстречу им, надеясь сблизиться с ними у маяка. Здесь они будут поворачивать на другой курс, и нам будет легче атаковать кормовыми аппаратами.

7 : 59. Командир рассмотрел, что идут четыре транспорта. Для атаки выбрал наибольший из них, идущий вторым.

8 : 05. На дистанции порядка 20 кабельтовых обнаружили, что головной транспорт изменил курс, не доходя до буя, где мы ожидали подхода противника. Курсовой угол составляет 85—40 рулевого сорта. Стало очевидно, что атака кормовыми аппаратами срывается.

Выходить же в атаку носовыми аппаратами с единственной в них торпедой было нецелесообразно. К тому же ложиться на боевой курс не позволяла глубина (16—18 м).

8 : 15. Командир принял решение атаковать в надводном положении. Всплыли, дали ход обоими дизелями. Начали преследование транспортов, идущих вдоль берега к Павловской гавани. Все суда сильно задымили, заметно увеличивая ход. Для атаки командир избрал тот же большой транспорт и следующий за ним — по одной торпедой из кормовых аппаратов на каждое судно.

8 : 30. Из Павловской гавани вышел катер и идет по направлению к головному транспорту. Дали полный ход дизелями. Из центрального поста докладывают: глубина под килем — 7 м. Значит, если придется уклоняться от самолетов или катеров, погрузиться не сможем. Все-таки атаку продолжаем. Сблизившись с большим транспортом на дистанцию 5 кабельтовых, начали циркулировать влево, забрасывая кормовые аппараты. Дали малый ход, в конце поворота застопорили один дизель.

8 : 45. С приходом цели на угол упреждения на курсе 301 произвели выстрел торпедой по большому транспорту, затем повернули вправо. В 8 : 46 на курсе 309 выстрелили второй торпедой по следующему транспорту.

Торпеды вышли хорошо.

Следим за их ходом.

Вначале казалось, что первая торпеда по носу у транспорта, но, рассматривая в бинокль, командир убедился, что это не так, а через 1 минуту 45 секунд последовал взрыв. Торпеда попала в кормовую часть судна.

Наблюдая за второй торпедой, комиссар убедился, что она идет очень хорошо и близка к цели, но при ее приближении транспорт начал поворачивать вправо, и торпеда, пройдя вдоль его левого борта, взорвалась у берега.

8 : 47. Дали средний ход обоими дизелями с тем, чтобы быстрее сойти с мелкого места и иметь возможность погрузиться хотя бы под перископ.

Транспорт торпедирован у входа в Павловскую гавань. Вначале он погрузился с дифферентом на корму, но затем, выпрямившись, сел на грунт. Так как глубина здесь 10–12 м, то его мачты, трубы и мостик остались на поверхности воды. Транспорт шел полностью груженный, его водоизмещение не менее 8 000 т.

5 августа. Неподалеку от Виндавы утром обнаружили транспорт водоизмещением 1 000 т. Так как он шел на малых глубинах, командир решил его атаковать в позиционном положении. В 10 : 15 выпустили торпеду. Это была последняя торпеда на лодке. Транспорт от нее уклонился.

«Товарищ командир, пушка к бою готова!» — доложил комендор Василий Субботин. Лисин приказал открыть огонь. Матросы дали полную скорострельность. От частых выстрелов закипело масло в накатнике. Брызги его вырывались из сальников, попадали в лицо артиллеристам. Но моряки не замечали ожогов. Наводчик Кулочкин не отрывал глаз от прицела, хотя при каждом выстреле его сильно ударяло в лицо. Впоследствии оказалось, что матрос получил серьезные ушибы. Правая щека и нос распухли, превратились в сплошной синяк.

Выпустили 80 снарядов. Транспорт загорелся. Команда покидает его. Лодка подошла к одной из шлюпок. В ней оказались капитан транспорта и матрос. Они были взяты на лодку. После стали ходить вокруг горящего транспорта, продолжая расстреливать его. Не тонет. Стали стрелять ниже ватерлинии. Помогло. В 11 : 57 транспорт, приняв воды через пробоины, затонул.

9 августа. Лодка покинула позицию. Обратный путь потребовал огромного напряжения от всего экипажа. На меридиане Хельсинки — самом опасном районе — вдруг выяснилась неисправность гирокомпас. Магнитный компас тоже действовал плохо. Сказались бомбежки.

Командиру и штурману пришлось вести корабль среди минных полей, ориентируясь только по звездам. Штурманский электрик Игнатьев работал всю ночь, пока не исправил гирокомпас. Утром увидели седловину Гогланда. Невязка оказалась всего 3 мили.

11 августа. Подошли к Лавенсари. В условленной точке встречи командир поднял перископ. Увидел, что наши катера снуют взад-вперед, сбрасывая глубинные бомбы. Оказалось, что сюда забралась фашистская подводная лодка.

Так закончился этот поход, в течение которого подводники потопили четыре транспорта и одно судно заставили выброситься на камни. Весь экипаж был награжден орденами. Штурман Михаил Хрусталеv был удостоен ордена Ленина, так же как и комиссар Гусев.

Лисинцы пробыли в боевом походе 38 суток, не считая времени, затраченного на переход от Кронштадта до Лавенсари. «С-7» форсировала Финский залив со скоростью 87 миль в сутки, затратив на переходы в оба конца пять суток, позднее было уточнено, что лисинцы 22 раза пересекали опаснейшие линии вражеских минных заграждений.

Пять потопленных транспортов общим водоизмещением 31 000 т — таков итог боевого похода экипажа подводной лодки «С-7».

Эпилог

17 октября 1942 года, когда с севера уже начали дуть холодные ветры, подводная лодка «С-7» отправилась в новый поход. Через четыре дня штаб получает от нее радиограмму, в которой командир лодки Сергей Прокофьевич Лисин доложил, что закончил форсирование Финского залива и вышел в Балтийское море. На базе облегченно вздохнули, ибо все знали, сколько трудностей пришлось преодолеть подводникам на пути: лодку непрерывно преследовали вражеские корабли. Хорошо еще, что наша авиация поддержала подводников, обрушив удары по вражеским кораблям на Гогландском рубеже, потопив один сторожевик.

И вдруг «С-7» замолчала. Напрасно радисты штаба ежедневно посылали в эфир ее позывные.

Не откликнулись подводники и на радостное известие о присвоении их командиру звания Героя Советского Союза. Проходили дни, недели, истек срок автономности, залив сковало льдом. Друзья поняли: напрасны надежды, корабль не вернется. В начале января 1943 года приказом командующего флотом подводная лодка «С-7» была исключена из состава действующих кораблей, как погибшая при выполнении боевого задания.

Друзья подводников с тревогой думали, что же случилось с субмариной? Вспомнили, что еще 24 октября шведское радио сообщило о потоплении в Аландском море советской субмарины. Может, это и была «С-7»?

Да, это была она... Спустя 16 часов после подачи последней радиограммы на базу, лодка всплыла, чтобы произвести зарядку батарей. На мостик поднялись командир Сергей Прокофьевич Лисин, штурман Михаил Тимофеевич Хрусталеv, рулевой-сигнальщик Александр

М.Т. Хрусталеv

Константинович Оленин, трюмный Валентин Куница и комендор Василий Субботин. Ночь была такая темная, что люди на мостике еле различали друг друга. Внезапно яркое ослепительное пламя ударило в глаза. Вспышка длилась одно мгновение, но командир успел заметить, как в пятом отсеке разошелся корпус корабля. Через несколько секунд бывшие на мостике оказались в воде. Александр Оленин еще пытался ухватиться за нож сепараторов на носу лодки, пока еще выглядывающему из воды, но вскоре и тот погрузился в воду. Во-

круг бушевали волны. Александр Оленин свистнул раз, другой. Никто не отозвался. Потом послышался слабый возглас. Матрос поплыл в ту сторону и спросил:

— Кто это?

— Хрусталеv, — послышалось в ответ. Штурман с трудом держался на воде. Оленин вспомнил, что на Хрусталеve тяжелый реглан. В такой одежде долго не продержишься. Напрягая силы, матрос поспешил к офицеру. Не успел, услышал лишь последние слова штурмана: «Держитесь!» И все. Сколько потом ни плавал матрос, ни звал, Хрусталева нигде не обнаружил. Отчаяние охватило матроса: неужели один остался? И снова стал свистеть и кричать. Вскоре он услышал голос командира. Матрос поплыл к нему и сказал:

— Товарищу командир, разрешите Вас поцеловать перед смертью. Обнялись, поцеловались моряки. Борясь с волнами, долго плавали в темноте, пока не обнаружили Василия Субботина и Куницу. Все четверо были в капковых бушлатах. Оленин предложил связаться хлястиками. Командир оказался между ним и Василием Субботиным,

— Так лучше, уж если тонуть, так всем вместе, — пояснил Оленин.

Но дело оказалось совсем не в этом: матросы связались так, чтобы общими усилиями поддержать командира.

Берег был близко, но там — враг.

Командир указал на далекий огонек маяка: «Попытаемся добраться туда, там Швеция, нейтральное государство».

Но все знали, что это дело безнадежное: до шведского берега — десять миль. В ледяной воде они смогут продержаться несколько минут. Уже судороги начали схватывать их руки и ноги. И все-таки они плыли на еле заметную точку маяка. Плыли, пока ее свет не заслонило что-то большое и черное.

— Подводная лодка! — сразу определил Александр Оленин.

— Может быть, наша, — предположил командир, — здесь должна действовать по-соседству наша лодка.

А с финской лодки «Морской черт», потопившей нашу субмарину, тянули багры. Один из них вцепился в куртку Оленина и потащил наверх.

Мокрых, совсем обессиленных матросов спустили в отсек, разлучили с командиром. Они лежали на голом полу, а рядом сидели молчаливые люди с пистолетами в руках. И подводники поняли: они — в плену.

Пленных доставили в Финляндию, бросили в одиночные камеры тюрьмы. Матросы не видели С.И. Лисина. Но Оленин иногда на тонких листочках сигаретной бумаги писал ему: «Мы держимся, все в порядке!»

Как-то ночью моряки услышали топот ног и слова командира:

— Товарищи! Меня уводят. Держитесь до конца!

«...Страшная катастрофа поставила Лисина перед исключительным испытанием его воли, чести, преданности...Роковой случай подвел “С-7” к самой позиции подводной лодки противника. По течению обстоятельств акустик не услышал противника. А вражеская лодка в двух десятках кабельтовых ложилась на боевой курс. У этой лодки было название “Весихииси (морской черт)”».

Один из зарубежных военных журналов «Ревю Маритим» (Париж, февраль 1957 года) опубликовал статью «Операции советских подводных лодок на Балтийском море в 1942 году», в которой приводятся следующие подробности гибели «С-7». После того, как лодка была запеленгована, за ней началась охота. В этот район было переброшено несколько финских подводных лодок. Когда «С-7» всплыла для зарядки батарей, ночь была темной, но потом взошла луна. Финская подводная лодка «Морской черт» под командованием капитана III ранга Айтолы бесшумно патрулировала в надводном положении. При лунном свете вахтенный офицер заметил на горизонте советскую подводную лодку.

С финской лодки, оставляя после себя светящийся след, была выпущена торпеда. Время для взрыва истекло, и Айтола приказал открыть огонь уже из носового орудия. Но через три с половиной минуты торпеда попала в правый борт, лодка «С-7» разломилась и мгновенно пошла ко дну.

Лисин, Куница, Оленин и Субботин оказались в финском плену.

...В начале февраля 1943 года Софья Григорьевна получила в эвакуации скорбное сообщение: «Лодка “С-7” приказом командующего Балтфлотом исключена из состава, как погибшая при выполнении боевого задания».

Сергея Прокофьевича Лисина увезли в Германию, учиняли жестокие допросы. Командир держался с достоинством, и его ответы бесили фашистов.

В конце концов ему удалось добиться, чтобы его вернули в Финляндию. Два года четверо подводников томились во вражеских застенках, и вынесли все: пытки, издевательства, голод, холод, но не склонились перед врагом, остались верными Отчизне, воинской присяге.

...Осенью 1944 года, когда Финляндия вышла из войны, Лисин и его товарищи вернулись в Россию.

Оленин, Субботин и Куница настояли на том, чтобы их послали на фронт. И они отважно сражались с ненавистным врагом до конца войны. К их прежним орденам прибавились новые боевые награды.

Александр Константинович Оленин живет в Санкт-Петербурге, Василий Субботин — в городе Выкса Горьковской области, Валентин Куница — на Украине.

Сергей Прокофьевич Лисин — Герой Советского Союза, адмирал — после войны командовал дивизионом подводных лодок на Дальнем Востоке, участвовал в боях против милитаристской Японии, долгое время работал начальником кафедры Ленинградского высшего военно-морского училища. Он кандидат исторических наук, его ученики служат во всех флотах Российской Федерации и ближнего зарубежья.

В 80-х годах я переписывался с Сергеем Прокофьевичем, он прислал мне копию текста «Заветных тетрадей» Михаила Тимофеевича Хрустаева, которые перед смертью передала ему Софья Григорьевна.

Сын Хрустаевых Леонид также посвятил свою жизнь Военно-морскому флоту России.

В поселке Ферзиково долгое время жил брат Михаила Николай Тимофеевич Хрусталеv, вернувшийся с полей сражений Великой Отечественной.

Его сын Юрий живет в Обнинске.

Ныне уже нет в живых ни Софьи Григорьевны, ни Леонида Михайловича Хрусталеvых, но память о них на калужской земле сохранилась, жива. Подтверждение тому — очередная работа, исторические материалы, «Дневник М.Т. Хрусталева» и «Заветные тетради», присланные мне Героем Советского Союза Сергеем Прокофьевичем Лисиным, адмиралом. И я благодарен ему за это.

Переписывался я и с бывшим рулевым субмарины «С-7» Александром Константиновичем Олениным, приславшим мне фотографии, листовку, выпущенную главным политуправлением РК ВМФ, посвященную их героическому боевому походу и его результатам лета 1942 года.

Александру Константиновичу также моя огромная благодарность!

Четарж Антон Аберт в корпусе Л. Свободы

Аберты, как и другие чехи — Вошато, Гнездицы, — приехали в Калужский край перед Первой мировой войной в поисках земли и поселились близ деревни Филиппово на Устовских хуторах.

Антон Аберт еще до войны стал бухгалтером — человеком самой мирной профессии на земле. А когда началась война, названная позднее Великой Отечественной, пошел в военкомат, был зачислен в Военно-морской флот и стал ждать отправки к месту службы.

15 января 1942 года был объявлен набор в чехословацкий батальон. Русские чехи, жившие в нашем крае, были направлены в город Бузулук — небольшой городок бывшей Чкаловской (ныне Пермской) области с населением в 30 тысяч человек. Советское правительство определило его местом формирования, дислокации и обучения первой чехословацкой воинской части в СССР. К концу марта того же года в батальоне Л. Свободы уже насчитывалось 600 человек. Занятия проходили в степи, новобранцы уходили на другой берег реки и учились днем и ночью наступательным и оборонительным боям на ровной и пересеченной местности, форсированию реки, передвижению по болотистой местности...

В июне 1942 года формирование батальона было завершено, воинам вручили советское оружие, батальону — боевое знамя. Русская женщина прикрепила к нему ленту со словами: «Смерть немецким оккупантам!».

2 декабря 1942 года воины батальона провели заключительное учение со стрельбой (из боевого оружия).

А 30 января 1943 года маршевая колонна 1-го Чехословацкого отдельного батальона отправилась на фронт, оставив в Бузулуке запасной

полк численностью около 1,5 тысячи новых добровольцев — мужчин и женщин. Личный состав запасного полка рос изо дня в день.

19 февраля Первый отдельный батальон прибыл на станцию Валуйки, начав свой знаменитый 350-километровый ночной переход по степи, 1 марта прибыл в разрушенный Харьков.

Четарж Антон Аберт командовал расчетом орудия батареи 122-миллиметровых гаубиц. В боях за село Соколово батальон был присоединен к 25-й гвардейской дивизии генерал-майора П.М. Шафаренко. Командование выделило батальону чехословаков 24 танка, гвардейский минометный дивизион и два артиллерийских дивизиона.

В первый период (до 8 марта) и во второй период (с 8 по 13 марта) чехословаки получили еще два артиллерийских и три гвардейских минометных дивизиона, а также один истребительно-противотанковый полк.

Первое боевое крещение чехословаки получили в боях за село Соколово. В первый день боев немецкие части потеряли 19 танков, шесть бронетранспортеров и 300 солдат и офицеров, потери чехословаков составили 86 убитых и 56 раненых. Бои шли две недели. В тесном взаимодействии с гвардейцами бойцы 1-го Чехословацкого батальона не пропустили ни одного танка через реку Мжу и помогли войскам Воронежского фронта выиграть несколько дней, так необходимых войскам генералов К. Рокоссовского и Черняховского, подходившим к Северному Донцу. В результате боев за село Соколово батальон чехословаков был ослаблен, потеряв 112 человек (180 человек было ранено). Задача была выполнена.

9 мая после отдыха в селе Веселое батальон прибыл в Новохоперск на формирование чехословацкой бригады. На другой день из Бузулука прибыл эшелон с 1 400 солдатами и офицерами будущей бригады.

В первой половине сентября в Новохоперске прошла проверка боевой готовности бригады. Посол Чехословакии в СССР Фирлингер от имени Президента Л. Свободы вручил 1-й Чехословацкой бригаде боевое знамя.

Девять эшелонов с войсками и техникой пошли к Киеву, на запад: Воронеж, Курск, Конотоп, Бахмач-Прилуки — и дальше должны были следовать походными колоннами. И вдруг авиационный налет, бригада потеряла под Прилуками столько же, сколько под деревней Соколово.

5 ноября 1943 года началась битва за город Киев. Дивизион, в котором служил четарж А. Аберт, при артподготовке подавил одну артил-

лерийскую и одну минометную батареи, выпустив за 40 минут более трех тысяч снарядов.

6 ноября в 6 часов 30 минут Чехословацкая бригада одной из первых достигла правого берега Днепра. Киев был освобожден. За участие в боях за город Киев четаж А. Аберт был награжден чехословацким орденом «Военный крест».

В бригаде было шесть 122-миллиметровых орудий, много другой техники. Перед наступлением на Киев молодой подпоручик Грым передал на батареи, когда взвилась сигнальная ракета: «За слезы наших матерей, за Родину-мать, за Киев!» Командир орудия Антон Аберт «ловит» данные для своего орудия и командует: «Огонь!»

Полковник Л. Свобода перед боем обошел ряды своих воинов по всем подразделениям со словами: «Сражайтесь за Киев так, как сражались бы за Прагу, за Братиславу».

На боевом знамени бригады засиял орден Суворова.

4 января 1944 года была освобождена Белая Церковь, вечером того же дня Чехословацкая бригада снова была отмечена в Приказе Верховного главнокомандующего. К боевому Красному знамени бригады был прикреплен еще один орден — Богдана Хмельницкого.

7 марта бригаду на фронте сменили советские части, ей же было приказано передислоцироваться в Ровенскую область Западной Украины, где проживало 45 тысяч воыньских чехов. Дни учебы в прифронтной полосе с новобранцами прошли быстро, и в апреле 1944-го Верховный главнокомандующий разрешил развернуть 1-ю Чехословацкую бригаду в 1-й армейский чехословацкий корпус.

Закончив участие в боевых операциях на территории Советского Союза, четаж А.В. Аберт продолжал сражаться с ненавистным врагом на территории вначале Польши, а затем Чехословакии.

Немало благодарностей сохранил бывший четаж в своем семейном архиве. Он награжден двумя «Военными крестами» — высшим боевым орденом Чехословакии, медалью «За храбрость».

Несколько лет тому назад А.В. Аберт получил письмо от военноморского атташе с такими словами: *«Позвольте Вам, ветерану Великой Отечественной войны, прямому участнику освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков, выразить глубокое уважение и благодарность за то, что Вы сделали для чехословацкого народа».*

В почетных грамотах — благодарности чехословацкого правительства за освобождение Чехословакии, на них — подпись министра национальной обороны страны Людвиг Свободы.

В своем семейном архиве хранит «пан поручик» А.В. Аберт и такую запись: «6 октября 1944 года в 12 часов 43 минуты вступили на землю Чехословакии».

...Служили вместе с четаржем А.В. Абертом и чехи из села Рождественно (ныне Перемышльский район) Лищак и Пенский, погибшие в боях с фашистами.

Конец войны застал Чехословацкий корпус в районе южнее Простоева. И хотя война закончилась, бои продолжались: предстояло капитулировать остатки вражеских частей в районе Босковице, Свиттава, Летовице.

Для четаржа А.В. Аберта война закончилась 30 августа 1945 года, и он был назначен комендантом города Есенице, проработав в этой должности полтора года. Потом уволился в запас и приехал в деревню Филиппово Аристовского сельсовета (ныне Ферзиковский район), работал бухгалтером вначале в Дугнинском районе, затем в своем колхозе. Позже переехал в Ферзиково, женился, работал в ветлечебнице. Дети выросли, живут и работают в Москве, у Абертов есть внуки и внучки.

...Прагу спасли от разрушения в мае 1945 года танкисты генералов Рыбалко и Лелюшенко, проделав 400-километровый марш-бросок, преодолев сопротивление 14 пехотных, двух танковых, нескольких горнострелковых и одной моторизованной дивизий.

17 мая 1945 года в Праге состоялся военный парад. Через историческую Старомыстскую площадь проходили с боевыми знаменами части 1-го Чехословацкого корпуса — 60 тысяч бойцов и командиров, за 25 месяцев боев уничтоживших 24 600 вражеских солдат и офицеров, а также много боевой техники.

Среди воинов корпуса в торжественном строю шел и «пан поручик» — кавалер высших чехословацких боевых орденов Антон Васильевич Аберт.

Участник польского Сопротивления М.И. Лясников

Михаил Иванович Лясников (1920—1981), участник польского Сопротивления, сражался в партизанском отряде имени К. Рокоссовского.

...В одном из боев контуженного сержанта Красной Армии М.И. Лясникова немецко-фашистские захватчики взяли в плен. С группой солдат и офицеров он не раз пытался бежать из фашистской неволи, но все безуспешно. И все же желание совершить новый побег не покидало сержанта, к тому же усиливавшиеся пытки, издевательства, холод и голод способствовали этому. Однажды умирающий от ран советский офицер дал М.И. Лясникову план местности, на территории которой находился лагерь для военнопленных. Готовил для себя, но не успел воспользоваться.

Через некоторое время Лясникова назначили работать на кирпичном заводе. Здесь он и его друзья И. Коротков и И. Андриянов договорились при первом же удобном случае бежать. Такой случай представился в мае 1943-го. При выходе из сарая завода взяли с собой и обжигальщика кирпича Дмитрия. Из Германии до польской границы пробирались ночами по лесам и оврагам. На это ушло около месяца. При переправе через Эльбу снесло течением, и они оказались на окраине Дрездена. Просто чудом удалось пройти мимо ночных патрулей. Потом сели на товарный поезд и, кое-как укрывшись от посторонних глаз, пересекли Вислу. На территории Польши на ходу выпрыгнули из вагона, в лесах потеряли друг друга.

...Лишь в июле 1943 года с помощью лесника М.И. Лясникову удалось встретиться с партизанами из отряда имени К. Рокоссовского, которым командовал капитан Советской Армии И. Алексеев. В этом отряде

сражались восемь русских партизан, бежавших из фашистской неволи. К ним присоединились крестьяне-поляки из ближних деревень. Отряд нападал на группы гитлеровцев на территории уездов Парчев и Влтава. За головы партизан местному населению были обещаны крупные суммы денег. Однако, несмотря на богатые посулы, отряд получал убежище почти в каждом селении этих уездов, причем сами крестьяне своевременно предупреждали партизан о готовящейся карательной акции. А в деревнях Липны, Большая и Малая Хута каждая семья была партизанской. Была налажена радиосвязь с центральным штабом партизанского движения в Москве. Отряд стал регулярно получать задания по сбору разведывательных данных. В расположение отряда стали прилетать советские самолеты, снабжать партизан взрывчаткой, продовольствием, медикаментами.

Боец М. Лясликов отличился в сентябре 1943 года во время крупной засады на шоссе Варшава — Люблин. В результате этой операции партизаны подбили десять автомашин из большой колонны, уничтожили 80 вражеских солдат и офицеров и отошли без потерь. Этот участок дороги немецкое командование объявило опасным и прекратило здесь движение.

Против отряда фашисты бросили крупные карательные силы, которые в течение суток «прочесывали» лесной массив, но никого не нашли, выместив злобу на жителях деревни Липны.

М. Лясликов не раз принимал участие в разоружении жандармов, отбирал у них форму, оружие, документы.

В 1944 году недалеко от деревни Липны партизаны взорвали немецкий эшелон с боеприпасами, снаряжением, продовольствием. Остатки продуктов после взрыва охранял один немецкий солдат и два власовца. Командир дал задание М. Лясликову и его товарищу Семену уничтожить охрану, с тем чтобы народные мстители смогли забрать себе необходимое количество продовольствия. Задание было выполнено.

Немногим более года находился М.И. Лясликов в отряде имени К. Рокоссовского, и уже в августе 1944 года этот отряд вошел в состав 8-й гвардейской армии.

В характеристике, выданной С. Алексеевым М. Лясликову, отмечено, что он с самого начала пребывания в партизанском отряде показал себя смелым и находчивым бойцом, много сделал для налаживания

связи с ячейками Польской рабочей партии в районе города Парчева, участвовал в 27 диверсионных операциях, в т.ч. и в подрыве пяти воинских эшелонов, уничтожении семи участков жандармерии, собирал данные о концентрации сил противника и переброске войск по железным дорогам Польши.

В 60-е годы М.И. Ляшников работал животноводом в совхозе «Аристовский» Ферзиковского района, на его имя пришло приглашение посетить Польское посольство в Москве. В Москву выехал с сыном Николаем — тогда еще пятиклассником. Посол ПНР в СССР вручил ветерану партизанского движения боевую награду «Партизанский крест» ПНР.

Не меньшей наградой для М.И. Ляшникова была встреча с друзьями-партизанами. Их было девять советских воинов, создавших в Польше партизанский отряд.

Польский народ по достоинству оценил ратные подвиги М.И. Ляшникова и его боевых друзей.

Поэт-фронтовик Н.Ф. Полунин

Николай Федорович родился в крестьянской семье, в деревеньке Лотарево, что на берегу красавицы Тарусы, близ Сугонова (ныне Ферзиковский район). Учился в сугоновской семилетке, в техникуме. О своей деревеньке он писал позднее:

Родимый край, березовый, грибной!
Родимый край! Воистину родимый!
С ажурными наличниками дома,
Калитки под развесистой рябиной...

Николай Федорович участвовал в Великой Отечественной войне, дважды был ранен, а после тяжелого ранения на Курской дуге был демобилизован как инвалид войны первой группы (потеря руки). Его отец Федор Полунин пал в боях за Родину смертью храбрых.

С 1944 года Николай Федорович стал учительствовать, закончил географический факультет Московского педагогического института имени В.И. Ленина (заочно). Начал активно участвовать в общественной жизни района (тогда Детчинский — ныне Малоярославецкий).

Он избирается депутатом районного Совета депутатов трудящихся, секретарем райкома КПСС, секретарем парткома Детчинской МТС, после мартовского (1965 год) Пленума ЦК КПСС его направляют на работу председателем колхоза, а в связи с укрупнением колхозов и реорганизаций их в совхозы Н.Ф. Полунин становится секретарем парткома совхоза. И... пишет стихи.

Большая часть творчества поэта-фронтовика посвящена войне. В поэме «Битва за Россию» он рассказывает об Отечественной войне 1812 года. О любой войне можно сказать его словами:

Война. Страшней не сыщешь слова,
Какая это дикость на Земле!..

После демобилизации Николай Федорович работал учителем, директором ряда сельских школ, заведующим роно в Детчине. Учителю по профессии, ему пришлось работать в сельскохозяйственном производстве. В 1956 году появились его первые стихи о нелегком труде хлебороба, о жизни деревни, о красоте среднерусской природы:

Вхожу по грудь в ржаные волны —
Одна бескрайность впереди.
Пусть давит грудь колосьев полных,
Легко от этого в груди.

В последние годы жизни Николай Федорович преподавал историю и географию в Детчинском совхозе-техникуме, вместе с членами исторического кружка изучал родной край, организовал в техникуме краеведческий музей, вел большую работу по разысканию имен воинов, захороненных в братской могиле поселка Детчино.

Стихи его поражают искренностью, чистотой и простотой ярких образов. Вот строки из его первой книги стихов «Тропинка полевая»:

Иду, иду тропинкой длинной,
Теснятся мысли в голове...
И жаворонок мандолиной
Звонит в глубокой синеве.

Изданы четыре небольшие книги его стихов. Вторая — «Проселки», потом — «На большаке», четвертая, вышедшая в свет уже после его смерти, — «Когда не спят перепела», а пятая, подборка 40 стихотворений, — «Глубинка», напечатанная в коллективном сборнике.

Его первый поэтический сборник вышел в свет в 1960 году («Тропинка полевая») тиражом 2 тысячи экземпляров. Видный русский советский поэт и прозаик А.И. Алдан-Семенов, прочитав стихи Николая Федоровича, написал: *«Николай Полунин мог бы стать настоящим поэтом, если бы он прожил дольше и посвятил свою жизнь творчеству. У него были все данные для поэтической деятельности».*

Через четыре года Полунин выпускает в Приокском книжном издательстве второй сборник — «Проселки» тиражом в 2 500 экземпляров. На обратной стороне обложки — фотография поэта и надпись: «Н. Полунин — сельский учитель, директор Дубровской школы Малоярославецкого района Калужской области, участник Великой Отечественной войны.

Работал секретарем райкома партии, председателем колхоза, секретарем партийной организации совхоза».

Еще через четыре года выходит новая книга стихов — «На большаке».

Творчеству крестьянского поэта Николая Полунина свойственны простая бесхитростная рифма, яркие сочные образы. Поэтические сборники его автобиографичны, в них тесно переплетаются судьба Родины и судьба поэта-фронтовика. Десятилетия прошли после победных залпов Второй мировой, но не остыла память солдата о кровопролитной бойне. И в нежные лирические строки поэта-фронтовика вновь и вновь вонзаются острым клинком воспоминания о военном лихолетье.

Мир побеждает войну — эта мысль красной нитью проходит через все поэтическое творчество крестьянского поэта Николая Полунина, поэта-фронтовика. Николай Федорович любил путешествовать, он писал:

Что на свете бывает чудесней
Перестука вагонных колес
И дорожной задиристой песни!..

Он всегда был поглощен творчеством: неплохо рисовал, играл на гармошке (до ранения).

А его сборник «На большаке» — это гимн русской деревне. В своих стихах он талантливо воспекает современное село, благородный труд хлебороба.

Его стихи публиковались в газете «Сельская жизнь», журналах «Крестьянка», «Сельская молодежь», в калужских областных газетах «Знамя» и «Молодой ленинец». Его стихи просты, образны, естественны, как размышления крестьян о земле, о хлебе насущном, о природе и жизни. И они останавливают внимание читателя, так же как останавливает идущего по тропинке человека белоствольная береза или раз-

Н.Ф. Полунин

весистый тысячетный дуб, шелестящая своими блестящими листочками одинокая осинка на солнечной лесной поляне, выскочившая из лесного перелеска.

В конце жизни Н.Ф. Полунин был принят в Союз советских писателей. Умер в 1972 году от сердечного приступа в Доме творчества писателей в Малеевке, где встречался с К. Симоновым, С. Смирновым, Р. Рождественским.

Н.Ф. Полунин прожил короткую, но трудную жизнь. И всегда был жизнерадостным оптимистом, любил жизнь, родную землю. Он писал:

Я жить хочу не ради скуки —
Я с радостью нерасторжим.

В другом стихотворении:

Если б только меня спросили,
Где родился я и где рос,
Я бы просто сказал:
— В России. И добавил бы:
— У берез.

В Детчине, на доме, где провел последние годы жизни поэт-фронтвик, солдат и гражданин, член Союза писателей, — мемориальная доска.

Рано оборвалась жизнь крестьянского поэта-фронтовика Николая Федоровича Полунина, им написаны четыре книги стихов. Но ценность писателя, поэта определяется не количеством, а качеством. И это особенно верно в отношении стихотворений Николая Полунина.

«Памяти собственной данник...» (поэт и прозаик А.И. Алдан-Семенов)

Я любил приезжать к Андрею Игнатьевичу с первым автобусом. Выйдешь из дома и идешь по спящему поселку к автобусной остановке. Косые лучи неяркого утреннего солнца освещают дома, деревья. И дорога, влажная от росы, не так пылит. Не доезжая до Сутонова, прошу шофера остановиться у искровского поворота.

Идешь утренним лесом, вышагиваешь осторожно, чтобы меньше намочить от росных капель, потом переходишь по бревнышку на другую сторону оврага и попадаешь в поле, заросшее желтой сурепкой, напоенное терпким медовым запахом, и вспоминаешь босоногое детство, колхозную пасеку с таким же стойким медвяным духом. За полем, на косогоре — деревенька Искра (Ферзиковский район), в ней 14 домов. В одном из них около 20 лет от весны до осени работал известный русский поэт и прозаик Андрей Игнатьевич Алдан-Семенов. Помогала ему Ольга Антоновна — радушная, гостеприимная хозяйка маленького дома.

Рядом с деревней — пруд — любимое место отдыха писателя.

Каждое утро приходил он сюда в укромое местечко посидеть с удочкой, половить полосатых окуньков, внимательно понаблюдать за восходом солнца, за повадками рыб, поразмышлять о судьбах героев своих будущих книг.

Красивы места в Искре. Невдалеке течет речка Таруса, вся в зарослях камыша, кувшинок. Омуты ее бездонны, перекаты веселы и говорливы.

А в грибное лето любил Андрей Игнатьевич побродить по веселым березовым рощам с лукошком, пособирать грибов на жаркое, в ягодное — походить с туеском и набрать вдоволь даров леса: земляники, малины...

А.И. Алдан-Семенов

Многое из увиденного и услышанного от местных жителей преломлял он в своем писательском воображении и вкраплял в свои произведения или в записные книжки. А книжки эти — поистине кладезь мудрости.

Поговорив немного о том о сем при встрече со мной, подмигнет, бывало, лукаво писатель и скажет: «А теперь слушай...»

И начиналось необыкновенное: здесь и народная мудрость, и высказывания выдающихся людей всех времен и народов, и удачные мысли из прочитанного, и меткая фраза...

На террасе летнего домика в Искре у писателя был своеобразный «зеленый» кабинет. На столе и окнах — цветы, на стенах — картины, портрет Льва Толстого, японская миниатюра. На стеллаже во всю стену — книги, на столе — стопка чистой бумаги и печатная машинка.

Широта и глубина познаний Андрея Игнатьевича всегда поражали меня, привлекало в нем буквально все. Беседы с ним делали чище, заставляли задуматься о многом.

Во время этой встречи я попросил Андрея Игнатьевича рассказать о жизненном пути, становлении его как поэта и писателя.

— Говорить о себе нелегко, — начал свой рассказ Андрей Игнатьевич. — Мне уже семьдесят пять, а с высоты такого возраста можно говорить о себе то, чего не скажет никто другой. Многие писатели утверждают, что их жизнь — в их произведениях.

Для меня это верно отчасти. О каком-то периоде моей жизни можно судить по повестям «Барельеф на скале» или «Золотой круг». Но они лишь частица пройденного пути.

Последние четверть века я посвятил работе над историческими романами и повестями, а жизнь моих героев не совпадает с моею. Одни из них — исследователи, открывавшие для русских людей Россию, когда я еще не появился на свет, другие совершали военные походы, боролись и побеждали врагов революции, когда я был ребенком. И тем не менее они — путешественники Семенов Тянь-Шанский, Черский, советские полководцы Фрунзе, Тухачевский, Уборевич,

Азин — стали героями моих произведений. Для этого есть свои, пусть незначительные, но повлиявшие на мое творчество причины. Все, что я познал в детстве и юности, в зрелом возрасте так или иначе отразилось в моих произведениях.

Я родился в 1908 году в маленькой вятской деревне, таящейся в еловых и сосновых борах. Взрослое население нашей деревни (она носила марийское название Шунгур, хотя жили в ней одни русские) было неграмотным. За два года до революции у нас открылась церковно-приходская школа. Мне удалось окончить только два класса: в 1918 году, в разгар Гражданской войны, школа закрылась.

Я научился только бегло читать и писать, и все же именно в этой маленькой школе познакомился со многими русскими и иностранными классиками. В десятилетнем возрасте я уже знал главные сочинения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Гоголя, зачитывался романами Жюль Верна, Виктора Гюго, Майна Рида, Фенимора Купера.

Откуда я добыл эти книги?

При школе не было библиотеки, и даже наша единственная учительница не знала ни Гюго, ни Майна Рида. Раз в неделю в школе преподавал Закон Божий отец Андрей — священник из села Большой Рой. Вот уже 65 лет я помню его черноволосого, чернобородого, с черными горящими глазами в дырявой холщовой рясе с серебряным крестом на груди.

Расхаживая по классу, он вдохновенно рассказывал нам — деревенским мальчишкам, — как царь Давид победил Голиафа, как Юдифь отрубила голову Олоферну. Мы слушали священника с замиранием сердца и трепетным страхом. И когда отец Андрей вызывал меня к доске, я от точки до точки повторял все его библейские легенды.

Летом 1918 года отец Андрей снял с себя сан священника, записался добровольцем в Красную Армию, а перед уходом на Восточный фронт подарил мне большущий плетеный из лыка короб с книгами.

— Живи, учись самоучкой, человеком станешь. А меня не поминай лихом, — были напутственные слова бывшего священника.

И я читал. Читал при лучине, при лунном свете, на чердаках, в избе. Декламировал наизусть Пушкина, Лермонтова, часто не понимая смысла и самих слов.

А Гражданская война продолжалась.

Через нашу деревушку проходили то красные, то белые. По овинам, по баням скрывались “зеленые” — дезертиры. Они мелькали как близкие тени и мгновенно исчезали из памяти. В 1918 году Вятскую землю, Прикамье, Приуралье очищал от белогвардейцев, чехословацких мятежников и колчаковцев легендарный начдив Азин. В его Железной дивизии находился мой старший брат и многие парни нашей деревни. После они восхищенно рассказывали о смелости, храбрости и отчаянных подвигах Азина, и имя его запечателось в моей памяти как одно из самых героических имен Гражданской войны.

Как все деревенские мальчишки моего возраста, я пахал, косил, рубил лес, ездил на мельницу молотить муку. Под многозвучный шум потока, падающего

на мельничное колесо, под жесткий шорох жернова слушал мужицкие байки о русалках, водяных, леших, что разгуливают в лунные ночи по берегам нашего глубокого и бесконечно большого пруда. И сказки, увенчанные суровой народной правдой, западали в сердце и влияли на воображение также сильно, как «Руслан и Людмила».

В 1921 году от голода умерли мои мать и отец, и я уехал в Казань, до сих пор помню свою первую ночь в большом городе: спать устроился на гранитных ступеньках какого-то памятника. На рассвете прочитал позолоченную надпись на постаменте: «Гаврииле Романовичу Державину — казанскому генерал-губернатору». Я еще не ведал, что Державин — великий русский поэт, но бронзовая фигура «генерал-губернатора» запомнилась навсегда. К сожалению, в 30-е годы державинский памятник был снесен: поэта сочли верным прислужником самодержавия.

Утром на ступенях этого памятника меня задержал милиционер и препроводил в детский изолятор: в нем я прожил до 16 лет и был выписан как несовершеннолетний.

И я опять стал хозяином своей судьбы, но мной овладела какая-то лихорадочная бессонница странствий. Я кинулся в развороченный, искромсанный, окровавленный войной мир. Неприкаянно мотался по Уралу, по Каме, Волге, Каспию. Незвестные дали, незвестные места манили меня постоянно: станции и городки с сибирскими названиями, глухоманная тайга, Саянские хребты, Алтай, Голодная степь проходили передо мной словно на экране. Артисты, золотоискатели, рыбаки, партизаны, нэпманы, молодые поэты, старые литераторы казались мне необыкновенными. Каждый давал мне что-то свое, что-то новое, неожиданное.

Я стал репортером — брал интервью, поспешно писал и печатался на газетных страницах. Моя убогоумная неграмотность пугала иногда не только редакторов, но и меня самого.

На семнадцатом году жизни я впервые услышал о Бетховене, Моцарте, о Леонардо да Винчи.

Летом 1926 года я очутился в Омске и стал работать в газете «Рабочий путь». В редакции подружился с молодым тогда прозаиком Иваном Шуховым.

— Так ты пишешь стихи? Всякий пишущий должен представляться Антону Сорокину: такова литературная традиция нашего города, — сказал Шухов.

В 1925 году Сибирь, как и вся молодая республика, поднималась на развалинах Гражданской войны...

Набирала силу и сибирская литература. В Омске центром литературной жизни являлся Антон Сорокин. Поэт и прозаик, своим необычным поведением он вызывал восхищение одних, злобные нападки других. О чудачествах Сорокина ходили сплетни и анекдоты, сам же себя он величал «диктатором сибирских поэтов».

— У Антона характер сибирский. Сорокин — бунтарь, не признающий косности и застоя ни в жизни, ни в литературе, — говорил по дороге Шухов. — Кол-

чаковская охранка несколько раз арестовывала его за выступления против верховного правителя России, но Колчак считал его чудаком. А чудить он умеет.

Сорокин сам себя выдвигал кандидатом на Нобелевскую премию. Он переименовал улицу, на которой жил, в улицу своего имени. Сорокин увез гранитные плиты от разрушенного памятника Александру II и спрятал на своем дворе. «После моей смерти городу придется поставить мне памятник, а материал уже есть», — говорил он.

— Сорокин опубликовал в «Рабочем пути» объявление о том, что у него украли три пуда рукописей. За возвращение обещал награду. Я высказал соболезнование по случаю кражи, — рассмеялся Шухов. «У меня не украли даже листочка. Я напомнил сибирякам, что жив-здоров, продолжаю работать», — ответил он.

И вот мы пришли к Сорокину. Нас встретил худой сорокалетний человек с туберкулезными пятнами на впалых щеках.

— Поэт? — строго спросил Сорокин, и пронизывающие лихорадочные глаза остановились на мне. — Предъявите доказательства своего творчества.

Я подал тетрадку со стихами. Сорокин сел на стол, заваленный рукописями, газетами, журналами. После моего чтения побарабанил костяшками пальцев по столешнице, раздул китайские редкие усыки:

— Небаские стишки. Вроде слабого чая, но, учитывая юность и глупость, можно простить. Теорию поэзии знаешь? Что такое рифма, ассонанс, образ, метафора, знаешь? Нет? Вызубри сперва поэтику, потом пиши. Запомни это как заповеди на скрижалях. Ты что читаешь?

— Увлекаюсь Джеком Лондоном.

— Будь настойчив, как Мартин Иден, упрям, как челдон. Читай Антона Сорокина. Вот возьми на память «Хохот желтого дьявола». Это моя брошюра против войны, я разослал ее всем королям и президентам с требованием прекратить бойню. Ответил только король Сиам: «За неимением русского переводчика Ваше произведение не мог прочитать».

Сорокин взял из груди брошюр и журналов тоненький сборник, написал автограф и снова спросил:

— Как твоя фамилия? Семенов? Не звучит. Псевдоним нужен броский, звонкий, привлекательный. Вот, ткни пальцем в карту. Алдан! Звучит. Я в свое время не подумал о псевдониме и остался Сорокиным. Но ничего, сейчас пишу «33 скандала Колчаку». Двадцать скандалов я действительно устроил адмиралу, а тринадцать придумал. Подлинные скандалы оказались сильнее придуманных. Жизнь всегда изобретательнее на выдумки, чем литература.

При Колчаке я выпустил денежные знаки. «Поддельватели караются сумасшедшим домом, а не принимающие знаки — принудительным чтением рассказов Антона Сорокина», — была на моих деньгах надпись. Меня арестовала колчаковская охранка. — «Почему занимаюсь изготовлением фальшивых денег? Я — король сибирских поэтов, имею право на собственные деньги!»

А вот Колчак выпустил фальшивые царские червонцы и поставил на них штамп: «Подделка преследуется по закону!»

Тихий глухой голос Сорокина, худая изможденная фигура резко контрастировали с его словами. Казалось невероятным, что младший счетовод Управления Сибирской железной дороги мог устраивать политические скандалы Колчаку.

После встречи с «диктатором сибирских поэтов» Шухов принес мне «Поэтику» Б. Томашевского:

— Овладевай теорией поэзии, если хочешь стать поэтом.

Мы бродили по пыльным улицам Омска, и Шухов рассказывал о городских достопримечательностях:

— Это Казачий собор, в нем находилось знамя Ермака. Атаман Анненков похитил из собора знамя и сражался с ним против большевиков. А вот и омский банк. Здесь Колчак хранил золотой запас России — восемьдесят тысяч пудов платины, золота и драгоценностей из царских сокровищниц. А сейчас подходим к острогу, в котором сидел Достоевский. Об этом самом остроге его «Записки из мертвого дома». А вот особняк миллионера Злокозова, в нем жил «верховный правитель России».

Куда ни глянь — сюжеты для повестей и рассказов.

Иван Шухов всюду видел темы, острые запутанные ситуации для творчества, всюду кипели страсти, происходили события, где настоящее переплеталось с прошлым и где история обогащалась за счет новых событий.

Затем я уехал в новые странствия, а через год вернулся в Омск. Антон Сорокин умер, но Иван Шухов встретил как добрый друг:

— Пока ты, чеддон, шатался по Голодной степи, я сидел и писал. Прозаику нужна усидчивость и мыслящая тишина. А поэту можно простить его метания по свету. Ему многое можно простить, если он настоящий поэт.

Он внимательно выслушал мой рассказ о путешествиях по балхашским плавням, пескам Байконура и Джезказгана.

— Эх, куда заносило! В какой-то верблюжий Байконур, про такие места я не слышал. Что же в нем интересного?

— А ничего, кроме скорпионов да каракуртов, но, понимаешь, какая штука, в Байконуре опасно спать у костра и без костра. Если костер — на огонь лезут скорпионы, если без костра — может ужалить каракурт.

Кто же из нас мог предположить, что дикий пустынный Байконур через сорок лет превратится во всемирно известный космодром.

— А еще был в Семипалатинске, на процессе атамана Анненкова, — похвастался я.

— Вот это уже сюжет! А правда, что Анненков вернулся из Китая, покаялся в своих преступлениях и передал знамя Ермака? — спросил Шухов.

— Чекисты схватили Анненкова в пограничном китайском городке Лань-Чжоу. Знамя Ермака он действительно вернул, но в дни суда в Семипалатинске состоялась необычная демонстрация. Из Сибири, Семиречья, Горного Алтая, из окрестных станиц съехались тысячи пострадавших от «черного атамана». Колонны искалеченных мужчин, женщин, подростков безмолвно шли по улицам города. Шли слепые, которым анненковцы выжгли глаза, люди с обрезанными

ушами, отрубленными руками, ползли безногие калеки, ковыляли на костылях инвалиды. Это была демонстрация человеческого страдания, горя, бед, принесенных Анненковым в годы Гражданской войны. И то, что люди шли молча, не осуждая Анненкова, особенно потрясало.

— Ты обязан написать про это, чтобы не исчезло из исторической памяти поколений, — сказал Шухов, словно что-то вспомнив, добавил: — С поэтом Павлом Васильевым знаком? Вот будет поэтище! Эпохального значения, если убережет себя. Несмотря на молодость, он — зрелый поэт, у него каждое слово как самоцветный камень, и страсть, и сила мысли. Завтра Павел будет у меня — познакомлю.

Павел Васильев — поэт, никого не повторяющий и поэтому неповторимый. Он был трагическим без позы, оптимистом без наигрыша. И ворвался в русскую поэзию подобно степному вихрю, и все завертелось вокруг него. Он же был обречен на гибель не только в силу объективных причин, но и в силу своей необузданной натуры, не знающей ни меры, ни удержу.

С этой встречи мы подружились. Горькая тоска сжимает мое сердце при воспоминании, что Павел Васильев — русский, могучего дара поэт — погиб в двадцатипятилетнем возрасте.

— Андрей Игнатьевич, — спросил я старого писателя, — расскажите о вашем знакомстве с Циолковским. Это, наверное, тоже очень интересно.

— Весной 1928 года бродяжнический дух занес меня из Сибири в Калугу, — продолжил свой рассказ Алдан-Семенов. — На городском базаре у торговли семечками обнаружил изданную на серой бумаге книжицу К.Э. Циолковского. На обложке было напечатано: «Издание автора. Калуга». Я залпом прочел книжку о будущих космических полетах на Луну. Мечты Циолковского захватили так, что с беззастенчивостью юности решил навестить автора. Только после долгих расспросов отыскал деревянный старый домик, где жил великий, но тогда еще мало признанный основоположник космической эры. Он принял меня по-отцовски, показал макеты своих космических аппаратов, вдохновенно говорил о времени, когда ракеты полетят по маршруту Калуга — Марс и далее в межзвездные миры. Я ушел от него влюбленный в астрономию.

Через полвека в Магадане я написал маленькую поэму о Циолковском. Кончалась она строками:

Да, часто по ночам, в морозе остром,
Когда трещит, раскалываясь, лед,
Я видел, как упрямо Циолковский
Отбрасывает руку в небосвод.

Так на заре своей лесной весны
Я с гением одну минуту прожил...
Пусть не герои мы, но все же, все же
Нам снятся героические сны!

Но вернусь в свою юность. Снова подхватил меня ветер странствий, и я вторично очутился в Казахстане. Был 1930 год, и было закончено строительство Турксиба — первенца первой пятилетки, на открытие дороги я поехал корреспондентом газеты «Советская степь» (ныне «Казахстанская правда»).

Первый поезд по Турксибу шел осторожно, медленно, подолгу задерживался на станциях. Кочевники спешили к нему на верблюдах, верхом на косматых лошадаках, размахивая нагайками, стреляя из ружей. Празднично одетые люди толпились у вагонов, гремели духовые оркестры, произносились тепле-раментные речи. Еще за много километров от Алма-Аты с берега Или я увидел вершины Тянь-Шаня. Они словно висели в небе, просвеченные солнцем, испестренные синими тенями, снегами, спящими вечно. Острые пики, округлые перевалы, грандиозные пирамиды издалика казались сплошной стеной, воздвигнутой на краю земли.

О Небесных горах я знал только по краткому описанию буддийского монаха Сюан Цзана, посетившего их двенадцать столетий назад. «Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками», — писал монах.

И еще я знал, что первым европейцем, открывшим заново Тянь-Шань, был русский географ Петр Петрович Семенов. За научный подвиг ему был присвоен навечно титул «Тян-Шанский».

Редакцию «Советской степи» часто посещали основоположники казахской литературы, ныне известные всей стране Мухтар Ауэзов, Ильяс Джансугуров, Сабит Муканов. Они помогли мне в изучении истории Казахстана, своеобразной жизни казахов-кочевников, фольклора. Я особенно берегу благодарную память о Сабите Муканове: он познакомил меня с эпосом о Козе Корпеч и Баян Слу, казахскими сказками, с творчеством дореволюционного казахского поэта Махамбета.

Мне посчастливилось совершить путешествие вокруг всего Казахстана. Я посылал из его городов и аулов в газету очерки, корреспонденции. О чем я только не писал. Из совхоза Пахта-Арал — о первом хлопкоуборочном комбайне, из древнего городка — о знаменитой, но заброшенной гробнице Ходжи Ахмета Яхови. Из Уральска — о губернаторском особняке, в котором в разное время останавливались А. Пушкин и Л. Толстой. Из Кокчетава писал об изумительном озере Боровом и его Синих горах, сосновых борах и рощах танцующих берез, о скале Сфинкс — уникальном творении природы. Из Семипалатинска сообщал, что найдены малоизвестные документы о встрече здесь ссыльного Ф.М. Достоевского с П.П. Семеновым Тян-Шанским: они были друзьями по кружку Петрашевского.

Удалось мне побывать и на «кабинетных» выработках драгоценных камней на Южном Алтае, выработки принадлежали русскому императору.

Плавал я и по Зайсану — Озеру Звонящих Колоколов, как называют его казахи. Я описывал работу зайсанских рыбаков, а позже — работу углекопов

Караганды, строителей Джезказгана, рассказывал о первых совхозах на землях Кустаная и Петропавловска. Хотя строящиеся тогда Магнитка и Кузнецкий металлургический завод и заштатный городок Орск были вне пределов Казахстана, я побывал и в этих местах, чтобы рассказать читателям газеты о великих стройках первой пятилетки...

Кроме очерков о пяти новостройках будущего Орско-Халиловского комбината я написал об Орске, расположенном на месторождении яшмы. Не только дома, но даже и заборы, сараи, амбары там были построены из полудрагоценного камня: республика еще не имела средств на строительство мастеровских полифонов яшм, играющих всеми цветами радуги.

В 1934 году я вновь очутился в Казани: вышла первая книга моих стихов, приняли в только что созданный Союз советских писателей. А в 1935-м я по поручению Союза организовывал Кировское краевое отделение писателей и затем стал его секретарем.

В том же году Максим Горький предложил газете «Правда» издать антологию «Творчество народов СССР». Это была интересная идея — собрать и записать не только русский фольклор, но и песни, сказки, легенды всех народов СССР о Революции, Ленине, Партии, Власти Советов к двадцатой годовщине Октября. «Правда» пригласила на совещание молодых поэтов. Среди них были А. Твардовский, М. Исаковский и другие. Редакция предложила каждому из нас поехать в любую республику записывать и переводить на русский язык народное творчество. Я избрал Казахстан, который полюбил и сейчас люблю за его многоцветный яркий сложный мир, люблю его поэтов и народных акынов.

В Алма-Ате, поговорив со своим другом — переводчиком Павлом Кузнецовым, я отправился в совхоз «Кара-Кастек». В небе стояли белые облака, прошитые черными полосами. За вершинами Тянь-Шаня играли сполохи: там торжествовала невиданная гроза. От того ли, что гроза была далеко, а сполохи праздничными, меня охватил восторг, я старался запомнить весь горный мир: от лиловой головки чертополоха до трехглавой вершины Талгарского пика. Я пробыл в центральной усадьбе день и выехал на пастбища в горы. Почти десять суток ночевал в юртах, пил кумыс, ел бесбармак, душа моя переполнялась горной тишиной, вздорные желания осыпались пылью на траву жейялау. Пастухи разговаривали со мной просто и задумчиво, житейские их слова пахли кизячным дымом, кобыльим молоком, овечьей шерстью. Степной беркут в сонном небе, суслик, выглянувший из норки, естественно входили в эти слова, потому что были частью их существования, всякие пустяки становились здесь такими же значительными, как потоки, срывающиеся с вершин Тянь-Шаня. Жизнь пастухов казалась мне воплощением той мудрости, которую наш брат любит приписывать народу. А народ не бахвалится своей мудростью, он просто не замечает ее. С сожалением расстался я с чабанами, вернулся в Кара-Кастек и пришел к секретарю парткома: в приемной, в углу сидел глубокий старик в засаленном бешмете и лисьем малахае. Кожаные опорки сваливались с худых его ног, на коленях

лежали пустой мешок и домра. Невольно приметил я древнее как пергамент лицо, тусклые в красных веках глаза, узкую белую бороду.

Я спросил об аксакале с домрой.

— Это наш чабан Джамбул Джабаев, — объяснил секретарь парткома.

— Сколько лет аксакалу?

— Уже за девяносто.

— Почему он ходит с домрой?

— Джамбул поет песни в юртах чабанов на жейляу, на праздниках в Кара-Кастеке.

Джамбул был неграмотен, не умел читать и писать.

Я долго расспрашивал, когда и где он родился, сколько лет кочует у предгорий Тянь-Шаня, какие события помнит за свою долгую жизнь. Я воссоздал биографию Джамбула из разорванных и спутанных смутных воспоминаний его самого. Весь вечер Джамбул играл на домре и пел свои песни, иногда хрипло, но темпераментно, повторяя непередаваемые казахские слова «ой-пурмой» или «уй-боайяй». Эти восклицания, вызывающие восторг и удивление, были особенно колоритны и красочны в его пении.

Песни Джамбула переводил секретарь парткома, но он сам неважно говорил по-русски и многие поэтические образы опускал как неинтересные. В конце концов я получил удовлетворительные подстрочники и перевел три песни Джамбула.

«Песня от всей души» была опубликована в «Правде» 1 января 1936 года и как бы ввела в русскую советскую поэзию народного казахского акына.

«Песню цветущей старости» напечатали «Известия», а «Песню на рассвете» — «Литературная газета». В ней же я опубликовал очерк «Встреча с акыном».

Больше с Джамбулом я не встречался, но после меня его переводил поэт Павел Кузнецов.

Из третьей поездки в Казахстан я вернулся в Киров, где продолжал литературную деятельность до 1938 года. В начале его я — путешественник по натуре — превратился в путешественника поневоле.

За семнадцать лет пребывания на Колыме я узнал жизнь золотоискателей, геологов, рыбаков, лесорубов. Я добывал золото в ущельях Хатаннаха и Омчакской долине, оловянную руду (кассетерит) на рудниках Хениканже. Зимовал на мировом полюсе холода в Оймяконе, совершил пеший переход из Верхнеколымска в Якутск — иными словами, повторил путь знаменитого географа Ивана Черского — исследователя Колымы. Этот многострадальный, тяжелобольной, погибший на реке Колыме человек поразил меня своим неукротимым духом и я написал о нем поэму. Она начиналась словами:

Есть люди, о которых мы
Пока сказаний не сложили.
Они для нас на свете жили,
Для нас горели их умы.

Пришлось мне в бухте Ногаева заготавливать морские звезды для свинофермы Колымснаба. Эта необычная работа вызвала на свет божий стихи:

Дорожники спешили приподнять
Вершины первозданные на воздух.
А я? А мы? А нам — заготовлять
Из моря возникающие звезды —
Оранжевые, белые, как иней,
И с синей, и с зеленой строчкой...

Два года я был дорожным экспедитором: возил грузы на золотые прииски, кассетеритовые рудники. Во время поездок видел единственные в мире гнездовья розовых чаек на реке Колыме, рунный ход лососевых в горных речках: в нерест рыба шла так густо, что вода выступала из берегов. При мне на прииске имени Гастелло был найден самый крупный золотой самородок, он весил шестнадцать килограммов. Сейчас самородок украшает витрину Алмазного фонда в Кремле.

Однажды у ночного костра на берегу Средникана встретил двух человек. Они оказались бойцами из дивизии Азина. Всю ночь вспоминали своего начдива:

— Азин под Ижевском готовился к атаке на белых. Мы лежали в окопах и, ожидая его команду, поднимали головы над бруствером. Пулеметы белых открыли огонь и убили несколько человек. Тогда Азин верхом на своем иноходце помчался вдоль окопов и стал лупить нагайкой любопытных бойцов, приговаривая: «Не высовывать башков, черти полосатые! Укокошат!»

— А по Азину били из всех пулеметов, к счастью, мимо, — рассказывал первый азинец.

— Я сидел в ижевской тюрьме и ждал расстрела, — сообщил второй. — Нас шестьсот человек было. И вот на рассвете слышим крики, выстрелы, какой-то молодой человек верхом на коне, размахивая саблей, ворвался на тюремный двор, кричал: «Свобода! Братцы, свобода!». Азин освободил всех смертников, и мы вступили в его дивизию. Все жду писателя, который бы сочинил книгу про Азина.

По возвращении с Колымы я возобновил творческую работу. Издательство «Советский писатель» в 1963 году выпустило книгу стихов «Метель и солнце». Сборник открывался стихотворением «Мой девиз»:

Мы страдали в снежных чащах,
Но беде не поддались.
Ты запомни настоящий,
Мною созданный девиз:
«Если жив еще — борись!
Полумертвый — продвигайся,
Смерть увидишь — не сдавайся,
А настигнет — не страшись!»

— И хотя я издал еще семь поэтических сборников, поэзия не удовлетворяла меня. После повестей и рассказов о современном Севере я обратился к истории. Но об этом — в другой раз. Хватит на сегодня, — сказал старый писатель.

— Андрей Игнатьевич, — взмолился я, — еще немного. Ведь это так интересно!

Андрей Игнатьевич отвернул крышку термоса с горячим крепким чаем, разлил его по чашкам, и продолжил:

Факты истории! Чаще всего они сухи, как суха сосновая ветка, окаменевшая в соляном растворе. Если же ветка попадает в поле солнечного света, она начинает переливаться всеми цветами радуги. Правда, исторические факты часто обволакиваются легендами и мифами, но они разрушаются документами. С этой мыслью я приступил к работе над романтизированными биографиями И. Черского и П. Семенова Тянь-Шанского. Работе помогло то, что я странствовал по Тянь-Шаню, что долго прожил в горной стране Черского и уже знал материал. Книги «Черский» и «Семенов Тянь-Шанский» были изданы в ЖЗЛ «Молодой гвардией» и переведены на английский, японский, латышский, казахский и якутский языки.

Когда я думаю о молодежи последней четверти века, то невольно сравниваю, сопоставляю это поколение с молодежью революции. В мирное время требуются долгие годы, чтобы юноши становились мужчинами, созрели в деятельных, активных, идейно убежденных строителей нового общества. Бывает и так, что 25-летних парней родители лелеют, словно неоперившихся птенцов. И не знают эти неоперившиеся птенцы с неокрепшими крыльями, когда начнут свой стремительный полет. И тогда я вспоминаю героев Гражданской войны. Я даже составил небольшой список, который можно назвать «Юность революции».

Михаил Тухачевский — 25 лет — командующий армиями и фронтами, Иероним Уборевич — 22-х лет — командующий 13 и 14-й армиями, Виталий Примаков — 22-х лет — командующий всей Красной конницей Украины, Альберт Лапин — 22-х лет — командующий 5-й армией, Роберт Эйдеман — 26 лет — командующий Ударной группой войск под Каховкой, Лариса Рейснер — 23-х лет — комиссар Волжской военной флотилии, Владимир Азин — 23-х лет — командир 28-й дивизии, освободитель Ижевска, Сарапула, Воткинска, Екатеринбурга от колчаковцев, эсеровских банд, героически погибший на реке Маныч в смертельном бою.

23-летний И. Федько командовал группой войск. Он стал кавалером четырех орденов Красного Знамени. Кроме него только Блюхер, Котовский и Вострецов были четырехкратными кавалерами этого славного ордена. Какой удивительной силы пример для молодежи сегодняшнего времени!

В работе над трилогией мною руководило одно желание — воскресить незаслуженно забытые славные имена, в меру своих сил показать их в росте, становлении, действии, преданности революционным идеалам.

Но прежде, чем писать, я засел за изучение архивных материалов. Тысячи страниц приказов, военных рапортов, оперативных сводок, обвинительных заключений, приговоров военных трибуналов, страстных резолюций, призывов, воспоминаний, монографий, документальных книг пришлось прочесть, чтобы найти крупинки еще неизвестных событий, осмыслить тот или иной поступок не только красных полководцев, но и белых генералов. Я отказался от манеры писать по методу «белые-черные, красные-зеленые», показывать врагов круглыми идиотами или развратными насильниками: это принижение величия наших побед.

После многомесячной работы в архивах и библиотеках я отправился по местам боев Фрунзе, Азина, Тухачевского, Уборевича, встречался с партизанами, бойцами, лично знавшими полководцев, с белыми офицерами, вернувшимися на родину из Китая, Японии, Европы. Для того, чтобы несуетливо работать над трилогией, я уехал в Искру под Сугоново и вот уже 15 лет, каждые весну, лето, осень живу здесь и работаю. Свои романы я написал здесь, в этой деревне, окруженной березовыми и ореховыми рощами.

Роман «Красные и белые» трижды издавался «Советским писателем» и был переиздан в Удмуртии.

«Гроза над Россией» была выпущена «Политиздатом» в 1980 году в серии «Пламенные революционеры».

Повести «Золотой круг», «Светлые ночи» и другие в разные годы выходили в издательствах Москвы, Алма-Аты, Хабаровска, Магадана.

Недавно закончил историческую повесть о заговоре послов после выстрела «Авроры», во главе которого стоял английский консул Р. Локкарт. В августе 1918 года он готовил восстания в Москве и Петрограде, ставя своей целью свержение власти Советов и убийство Ленина.

А сейчас я работаю над романом «И все это — жизнь», посвященным экономическим, культурным, морально-этическим проблемам сельских жителей Нечерноземья.

Я сознательно не даю оценки своим произведениям — это дело критики. Я хочу сказать молодым литераторам, читателям, что кроме вдохновения нужна усидчивость, нужна постоянная, непрерывная, часто изнурительная работа. Я начал трудиться в 16-летнем возрасте, работаю и сейчас изо дня в день, включая и праздники.

— Настоящий праздник для человека — это добросовестно исполненная работа, — сказал в заключение Андрей Игнатьевич.

После завтрака мы пошли на прогулку за деревню. Тропинка вела мимо оврага, где журчит много ключей. Мы пили ледяную родниковую воду, наслаждались жарким летним днем. Ключи образуют ручей, впадающий в пруд. Андрей Игнатьевич показал мне свое любимое место, где он по утрам сидит с удочкой и ловит полосатых окуней. Он любит побаловаться ушницей, которую мастерски готовит Ольга Антоновна.

В этот день она ушла на вырубку за ягодами, а мы, вдоволь находившись по окрестностям деревеньки, снова вернулись в «зеленый кабинет» писателя и продолжили нашу беседу.

Тема Гражданской войны и революции глубоко и многопланово раскрыта в творчестве Андрея Игнатьевича. Он сумел создать широкое полотно исторических событий, запечатлеть для будущих поколений портреты многих героев той славной эпохи.

Поудобнее усаживаясь в кресле и приготовившись слушать, я размышлял: «Да, романы Андрея Игнатьевича — это плодотворный результат огромного труда большого правдивого художника, увидевшего свой гражданский долг в художественном воссоздании героических страниц истории Страны Советов».

И я спросил Андрея Игнатьевича, почему он взялся за разработку именно темы Гражданской войны?

Писатель с воодушевлением начал свой рассказ:

— Михаил Тухачевский, Иероним Уборевич, Василий Чапаев, Василий Блюхер — их имена — это бессмертие нашей революции. Они овеяны славой легенд и песен, их жизнь и подвиги стали символом любви и преданности к социалистическому Отечеству, беззаветной храбрости и славных побед на фронтах Гражданской войны. Молодое поколение учится у них жить, любить, строить, трудиться и украшать свою землю, учится, как бороться за нее, за советский народ, чтобы жил он на этой земле мирно и прекрасно.

В этот список я не включил Михаила Фрунзе, которому тогда шел 35-й год, он громил колчаковские полчища под Уфой, совершал Туркестанский поход против англичан и басмачества, штурмом взял Перекоп, сбросил барона Врангеля в Черное море.

— Да, — как бы размышляя сам с собой, продолжал писатель, — Октябрьская революция с ошеломляющей быстротой растила из молодых людей талантливых полководцев. И «Юность революции» стремительно двигалась в рост, как зерно, дремлющее под снегом, жадно прорастает с первыми зелеными листьями весны.

— Знать глубоко и всесторонне историю войны Гражданской также необходимо, как и историю Великой Отечественной, — твердо проговорил Алдан-Семенов. — Советские писатели создали много выдающихся романов, повестей, поэм о героях революции и Гражданской войны. По ним учатся жить, воспитывают характер, закаляют волю многие молодые люди страны.

И все же, положив руку на сердце, надо признаться: имена и подвиги некоторых героев, особенно полководцев, или несправедливо забыты, или совсем неизвестны. А в наших архивах и музеях, в библиотеках хранятся бесчисленные документы о битвах красных и белых на необъятных просторах России,

еще живут и многое помнят полководцы, комиссары, красноармейцы, партизаны. И память народная, как и память историческая, — закончил свою мысль Андрей Игнатьевич, — бережно хранит подернутые дымкой времени имена и события непреходящего значения. Вот почему я обратился к героике Гражданской войны.

...Я попросил рассказать маститого писателя о методике работы над трилогией.

— Много лет я собирал документы, воспоминания, рылся в архивах, ездил по местам отшумевших боев, беседовал с их участниками. Накопился большой и чрезвычайно интересный материал. На этом материале и написал я свои книги.

Главными героями «Красных и белых» стали командующий Тухачевский и начдив Азин. Владимир Азин — легендарный, страстный, умный, смелый 23-летний латыш, для которого имя «Ленин» было мерой любви к революции и мерой ненависти к врагам ее. Хорошо образованный, знавший четыре языка, Азин был очень своеобразен по характеру, темпераменту. Характер его проявлялся в большом и малом, он умел вдохновлять, зажигать, вести за собой красноармейцев, побеждать противника в тягчайших условиях. Не случайно маршал В.И. Чуйков называет В. Азина своим учителем.

— А Михаил Тухачевский! — восхищенно продолжал Андрей Игнатьевич. — Подпоручик Семеновского гвардейского полка, он по предложению В.И. Ленина был назначен командующим Первой революционной армией. Под его командованием Первая армия освободила Симбирск, Сызрань, Самару, позже во главе Пятой армии Тухачевский нанес смертельный удар Колчаку и занял Омск — призрачную столицу призрачного верховного правителя России. После победы над Колчаком Тухачевский командовал Кавказским фронтом, совершил Польский поход.

Смоленский дворянин, перешедший на сторону революции, — он до конца своих дней верой и правдой служил своему народу и Отечеству.

А в работе над романом «На краю океана», кроме богатого документального материала, мне хорошо помогло знание Восточной Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера. Я долго жил и работал в тех местах, где сражались с белыми, с японцами войска Иеронима Уборевича, Карла Байкалова, Яна Строда, отряды сибирских и дальневосточных партизан. Этот роман посвящен последним залпам Гражданской войны. Главный герой — командующий Народно-революционной армией Дальневосточной республики Иероним Уборевич. Он поставил точку в гражданской войне на Дальнем Востоке, на Тихом океане. Тогда ему шел 26-й год.

— Летом 1918 года, — продолжал свой рассказ писатель, — 22-летний Уборевич был командиром гаубичной батареи в дивизии, защищавшей Северную Двину от английских интервентов. Вражеская флотилия стремилась пройти из

Архангельска в Котлас, чтобы интервенты могли соединиться в Вятке с белыми и совместно наступать на Москву.

Иероним Уборевич, назначенный начальником дивизии, разбил английско-го генерала Айронсайда, проявив выдающийся талант военачальника. Реввоенсовет Республики перевел Уборевича на Южный фронт, назначив командующим 14-й армией. Командуя то 13-й, то 14-й армиями, Уборевич освободил от деникинцев Кромь, Орел, Харьков, Одессу.

Под руководством Фрунзе он участвовал в окружении армии барона Врангеля в Таврической степи и освободил Мелитополь. После разгрома Врангеля Уборевич совместно с Тухачевским ликвидировал банды Махно, Булак-Булаховича. Север, запад, юг, восток — вот этапы большого стремительного боевого пути этого одного из лучших полководцев революции, славного сына литовского народа.

— Работая над первыми романами, — говорил увлеченно Андрей Игнатьевич, — я постоянно и всюду встречал имя Михаила Васильевича Фрунзе. Перед моими глазами все время стоял образ революционера, большевика-ленинца, талантливого государственного деятеля и организатора, ставшего великим полководцем революции нашей. Сама короткая жизнь его, состоявшая из подпольной партийной и революционной деятельности, ожидания смертной казни (при царизме Фрунзе дважды приговаривался к смерти), каторжных острогов, сибирской ссылки, побегов и снова революционной борьбы — была замечательным сюжетом для исторического романа.

Но во весь свой рост Михаил Фрунзе встал как крупнейший военачальник. Сугубо штатский человек, он волею революции и партии стал полководцем, одержал много блестящих побед и не потерпел ни одного поражения. Даже враги, им поверженные, называли его гениальным полководцем.

О жизни и деятельности Михаила Фрунзе создано немало романов, повестей, написано мемуаров, исторических исследований. Кроме них мне пришлось познакомиться с отзывами о Фрунзе белогвардейских генералов, таких как Деникин, Врангель, Слащев, а также с документами, хранящимися в наших архивах. Неоценимую помощь оказали мне генерал-лейтенант Якуб Джангирович Чанышев — боевой соратник Фрунзе по Туркестанскому походу. Этот 88-летний герой Гражданской и Великой Отечественной войн лично знал и таких соратников Фрунзе, как Куйбышев, Тухачевский, Уборевич, Корк, Чапаев, Фурманов, и его рассказы исключительно достоверны.

Помогли мне своими консультациями и советами начальник политотдела Военной академии имени Фрунзе генерал-лейтенант И.М. Овчаренко, кандидат исторических наук полковник И.И. Картавцев, кандидат исторических наук из Института военной истории полковник П.Д. Дмитриев.

Все факты и случаи из жизни Фрунзе я тщательно проверял, ибо достоверность — душа исторического романа. Домыслы писателя должны исходить из подлинности того или иного документа, из характера исторического героя. Только тогда документальность и вымысел станут художественной правдой.

Я старался в меру моих возможностей нарисовать как можно точнее и правдивее образ Михаила Фрунзе — большевика, полководца, скромного, обязательного сердечного человека, жизнь которого и сейчас служит вдохновляющим примером для молодых поколений.

Работа над книгами о революции заняла у меня 15 лет напряженного труда. Теперь она закончена. И все же я в долгу перед революционной темой...

...Мы не однажды бывали с писателем на местах старых деревень, заброшенных хуторов, у речек и прудов, превратившихся в болота, и Андрей Игнатьевич всегда с болью и возмущением говорил о браконьерах, о людях, безобразно относящихся к деревьям и цветам. А цветы — ландыши, например, или ночные фиалки, которые, кстати сказать, являются единственным в Нечерноземье видом бразильских орхидей. И ландыш, и ночная фиалка занесены в Красную Книгу по охране природы, но беспощадно истребляются «дикими» туристами.

...На столе в кабинете писателя я заметил газету «Советская Россия» со стихотворением Алдана-Семенова «Власть земного тяготения». Я прочитал его еще раз с большим вниманием, и мне вспомнились летние беседы с Андреем Игнатьевичем в деревне. Он показывал мне заброшенный лесной хутор в двух километрах от Искры. Это была некогда небольшая цветущая деревенька в несколько дворов с цветущими яблоневыми и вишневыми садами, сиреневыми зарослями, густыми малинниками, красной и черной смородиной. Деревню покинули ее жители, и давно уже нет ни построек, ни амбаров, ни сараев, но малина цветет. А яблони не только цветут, но и плодоносят. И осенью, если их крупные знаменитые антоновские яблоки не обломают с ветвями приехавшие отдохнуть на лоно природы горожане, то они погибают, осыпаются в пруд, уже ставший замшелым болотом.

И еще подумалось мне, что писатели и поэты не раскладываются по полочкам жанров — писатель исторический, писатель деревенский, писатель городской. Настоящее творчество и писателя, и поэта всегда многообразно, и всегда соответствует тому душевному состоянию, тем мыслям и чувствам, которыми он захвачен.

Заботы старого писателя о забытых деревнях и заброшенных садах Нечерноземья превратились в стихи, опубликованные в газете, на которые он получил многочисленные отклики из разных концов страны.

...После обеда Андрей Игнатьевич рассказывал о встречах с Михаилом Светловым в Коктебеле, где они вместе проводили отпуск.

В Коктебеле на пляже — много разноцветных камешков. Писатели и поэты, жившие в то лето там в похожем на корабль доме Макса Волошина, купались и загорали, много спорили о литературе и искусстве. Ходили в горы. Они там какие-то особенные — то лиловые, то рыжие.

— А камешков было действительно много на берегу, — улыбается Андрей Игнатьевич. — Особенно по утрам или после бури, когда дети еще не успевали их собрать: и сердолики, и горный хрусталь, и серый мрамор, и зеленый малахит. Пешком ходили в Феодосию, в музей Айвазовского...

Рассказывал Андрей Игнатьевич и о том, как в далеком 1934 году ему вручал билет члена Союза писателей СССР сам Алексей Максимович Горький, о встречах и совместном житии в бараке на Колыме с Главным конструктором С.П. Королевым, о ссылке в Казахстан с Галиной Серебряковой и другими видными людьми нашего времени, пострадавшими от сталинских репрессий.

Во время одной из встреч Андрей Игнатьевич читал мне отрывки из повести «После выстрела “Авроры”», в другой раз — отрывки из романа о Нечерноземье с предварительным названием «Запретный плод, или Зов земли».

3 октября 1981 года я показал Андрею Игнатьевичу свою рукопись об истории своего района. Писатель отметил интересные главы о В.В. Прончищеве, А.Н. Вороникине, С.Д. Полторацком, А.П. Чехове. И заметил, что все жанры хороши, кроме скучного, и посоветовал переделать рукопись в форме художественных очерков.

«Главное — детали, факты, размышления, пейзаж, — наставлял меня в этот приезд знаменитый писатель. — Я и на Крайнем Севере писал у костра замерзающими руками. А ты едешь в Болгарию в Международный Дом отдыха журналистов. Тебе и карты в руки. Не ленись, пиши каждый день».

Андрей Игнатьевич скромно умолчал об оценке своей трилогии «Красные и белые», «На краю океана», «Гроза над Россией». Я же могу привести много горячих откликов писателей, критиков, ученых, историков и среди них назвать имена академиков Федора Углова и Дубинина, Степана Щипачева и многих других.

...Как-то зимой я побывал в гостях у Андрея Игнатьевича в его московской квартире. Поразило меня обилие книг. Они были всюду: на

стеллажах в кабинете, прихожей. Большинство из них — с дарственными надписями.

Крепкая многолетняя дружба связывала Алдана-Семенова со многими известными советскими поэтами и прозаиками. Павел Васильев, Ярослав Смеляков, Сергей Наровчатов, Сергей и Георгий Марковы, Сергей Сартаков, Анатолий Ананьев, Андрей Вознесенский, Егор Исаев, Степан Щипачев, Владимир Солоухин были его добрыми друзьями. Особой можно назвать его дружбу с Михаилом Светловым. Знаменитый поэт, автор «Гренады» подарил Андрею Игнатьевичу сборник своих стихов «Горизонт» с надписью: «Мне богом случай дан любить тебя, Андрей Алдан! 5 октября 1960 г.»

Андрей Вознесенский на книге стихов «Соблазн» написал: «Дорогому Андрею Игнатьевичу за все». Егор Исаев: «Спасибо, что ты рядом, спасибо за неустаревающую нашу дружбу».

Свои книги с дарственными надписями подарили Андрею Игнатьевичу член Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии Федор Углов, академик Дубинин, а известный норвежский ученый и путешественник Тур Хейердал написал на своей книге: «За повесть об Иване Черском».

...В одну из встреч Андрей Игнатьевич читал мне стихи из книги «Контрасты»:

— Я памяти собственной данник:
Берет меня память в полон.
На Север морозный и дальний
Я снова душой устремлен.
К чему мне провалы и кручи,
И петли потерянных троп?
Но ветер метельный и жгучий,
Полярных сияний озноб
Томят мое сердце, как прежде,
Высоким своим колдовством,
И верю я старым надеждам,
Притихнувшим в сердце моем.
Я помню таежные ветки,
В заливах ночных якоря:
Не гаснет, не блекнет, не меркнет
Упрямая память моя.
Ее я хозяин и данник,
Я ночью упрямо шепчу:
«Летим же к полярным сияниям,
Я с ними проститься хочу!»

Я спросил поэта:

— Вам исполняется 75. Какими произведениями Вы встречаете свой юбилей?

Немного помолчав, как бы собираясь с мыслями, Алдан-Семенов начал так:

— Такие по возрасту юбилеи писатели обычно встречают переизданием своих произведений. Я тоже не исключение из этого правила. Издательство «Художественная литература» выпускает двухтомник моих «Избранных произведений». В первый том войдут «Красные и белые», во второй — роман «На краю океана». Эти повести под объединенным названием «Для тебя, Россия!» рассказывают о том, как русские открывали для себя Россию. Но все-таки я стремлюсь встретить юбилей новыми произведениями и в прозе, и в стихах. Работаю над повестью «Испытание» для серии «Пламенные революционеры», издаваемой Политиздатом.

— В издательстве «Советский писатель» выйдет книга новых стихов и поэм «Контрасты». Часть этих стихов уже опубликована в журналах «Огонек», «Дальний Восток», «Октябрь», «Звезда», «Молодая гвардия», «Простор», «Москва», — сказал Алдан-Семенов.

...Я шел через весенний, напоенный свежестью лес к сугоновскому большаку под впечатлением беседы с мастером слова, восхищаясь его глубинным познанием жизни. И позже дома, за письменным столом, я с благодарностью вспоминал советы старого писателя и переделывал по-новому свои очерки о достославных людях земли калужской.

Один из них посвятил Андрею Игнатьевичу Алдан-Семенову — поэту и прозаику, проведшему в нашем крае двадцать творческих лет своей большой, сложной и многогранной жизни.

Первый космонавт мира в Ферзикове

Калужане знают, что первый космонавт мира Юрий Алексеевич Гагарин часто бывал в Калуге. Родители его супруги родом из деревни Вукреевка Аристовской сельской администрации Ферзиковского района. В 30-х годах они переехали на Урал. Однако легендарный визит Юрия Алексеевича в Ферзиково не был родственным. Сегодня нам напоминает о визите Юрия Алексеевича Гагарина мемориальная доска на здании Центра детского творчества (бывшее здание райкома КПСС), где навеки выбито золотом: *«26 ноября 1967 года в этом доме встречался с партийно-советским активом района первый космонавт мира, Герой Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин».*

А было так. Первый секретарь Ферзиковского райкома КПСС Николай Егорович Давыдов на очередном съезде партии познакомился с Гагариным и пригласил его в район на охоту, в знатные здешние леса. Договорились, что приезд не будет афиширован (космонавтам к тому времени до смерти надоели официальные, торжественные приемы и митинги). Гагарину хотелось отдохнуть как обыкновенному, простому русскому человеку.

Тем не менее охоту и приезд готовили тщательно. А всем, кто в этой подготовке участвовал, сообщили, что ждут в гости... Семена Михайловича Буденного (национального героя Гражданской войны). Конспирация!

Юрий Алексеевич приехал не один. Вместе с ним были космонавты Андриан Николаев и Борис Волынов. Причем Юрий Алексеевич Волынова представил так: «Мой дублер», даже имени не назвал.

Владимир Захарович Балашенко, работавший в те годы заведующим отделом культуры райисполкома, позже рассказывал мне (я в это

время учился в Ленинградской двухгодичной партийной школе на газетном отделении):

— Любительская охота — это сложный механизм, или скорее даже ритуал. У каждого своя роль и свое время сыграть ее. На охоте есть свой командир и свой бригадир. На той охоте бригадиром был назначен я. А бригадир охоты отвечает за все: за организацию, удачу или неуспех.

Та охота началась, как всегда, с инструктажа по технике безопасности. Потом все выстроились независимо от ранга в одну линейку. Расставили в номера, в загон пошли вдвоем: я, Юрий Гагарин и Михаил Михайлович Казаков, работавший тогда заместителем председателя райисполкома (позже стал заместителем начальника областного управления культуры, заслуженным работником культуры Российской Федерации). Лесосека была хорошая, но мы все равно поставили Юрия Алексеевича посередине, чтобы он не заблудился. На лесосеке увидели лося, погнали. Когда начался загон, по лесу пошел шум. Номера стали стрелять. Михаил Михайлович Казаков закричал:

— Юрий Алексеевич, ложись, стреляют!

— А ты чего не ложишься?

— Я-то не космонавт. Космонавт ты, мы за тебя отвечаем.

Он — лицом в снег. Потом поднялся:

— Нет, вы не ложитесь, и я не лягу.

В первом загоне один из калужских гостей (кажется, секретарь парткома радиолампового завода) уложил лося. Когда лося отстреляли, все сфотогра-

Ю.А. Гагарин на спортивной охоте в ферзиковских лесах, 1967, 26 ноября

фировались. Погода стояла изумительная: солнечная, ясная, небольшой морозец.

Поступила команда: охоту прекратить. А гости не унимаются: хочется острых ощущений.

«Давай, — говорят, — еще поохотимся».

В ответ на это командир дает мне команду: поездить по лесу, делать вид, что охотимся, возить по лесным дорогам, лесосекам.

Так мы и сделали. И хотя старались свои следы не пересекать, все же пару раз такое случилось. У Гагарина же отлично развита пространственная ориентация, он и говорит мне:

— Володя, ты здесь что-то воду мутишь. Не вози по одному и тому же месту.

Так мы проездили с полчаса. Потом все собрались возле трофея. Командир охоты приказывает:

— Оружие зачехлить, все сложить в полном порядке и всем — в село, в совхозную столовую.

И хотя о простоте и открытости Гагарина сказано многое, все же не могу не повторить: был очень душевным человеком. Никаких сложностей, сомнений. Дескать, мы — космонавты, а вы — деревенские жители.

Вот еще один свидетель той знаменитой охоты — Михаил Захарович Балащенко, бывший егерь:

— Меня и моего друга Михаила Агафонова (председатель районного общества охотников и рыболовов) командир охоты послал охранять границы лесного участка. Опасались, что в этот участок леса могут приехать другие охотники. Мы должны были взять под контроль лесные просеки со стороны деревни Лобаново (что близ села Сашкина) и никого не пускать. Действительно, так и случилось. Приехали на развилку и видим: едут калужские охотники. Мы им отвели другой участок леса. Немного побыли в лесу, слышим: охота затихает. Вернулись к месту сбора. Смотрим, на опушке леса лежит убитый лось, на нем сидит Гагарин, вокруг — все наши. Нам сказали:

— Охота кончилась, вы свою задачу выполнили. Поезжайте в столовую обедать. Мы не поехали, подумали: раз мы в охоте не участвовали, то и в обеде принимать участие совестно. Пребывание Гагарина в наших лесах отметили у себя в гараже.

...А в совхозной столовой готовились к приему гостей с вечера. Повару Николаю Букалову были сданы туши бычка и барана. Наварили картошки, приташили из дома солений — все по-простому. В восемь часов утра директор совхоза Сергей Дмитриевич Никишин наведлся проверить. Все в порядке: скворчит, жарится. Привезли водки, минеральной воды «Боржом», «Нарзан» (импортных напитков тогда и в помине не было).

Охота закончилась чуть раньше намеченного, но принимающая сторона была готова. Подъехали гости вместе с первым секретарем райкома партии

Николаем Егоровичем Давыдовым. Зашли, поздоровались, познакомились. Воскресенье. Столовая не топлена. Все стоят, жмутся. Как-то робостно. Да и ждали Буденного — оказалось, Гагарин, человек невиданной в то время популярности. А Юрий Алексеевич прошелся по залу и говорит:

— Чего, мужики, притихли? Раздевайтесь!

И первым стал раздеваться. Спросил, где можно умыться. Напряжение спало, все зашумели, заговорили. Столы поставили в одну линию. Во главе — Николай Егорович, рядом — космонавты. Началось шумное, веселое русское застолье. Тосты, анекдоты, разговоры. Компания была чисто мужской. Юрий Алексеевич привез с собой гармонику с колокольцами — «ливенку», небольшую такую, пел частушки (довольно соленые), сам себе аккомпанировал. Рассказывал анекдоты. Потом снова тосты: за здоровье гостей, хозяев, за процветание космонавтики. О политике — ни слова!

Потом секретарь райкома партии попросил директора совхоза Сергея Дмитриевича прочитать пушкинского «Гусара». Надо сказать, что это был коронный номер Сергея Дмитриевича, исполнявшийся им еще со школьной скамьи. Он подошел к Юрию Алексеевичу, похлопал его по плечу и начал:

— Ты, хлопец, может быть, не трус, да глуп. А мы видали виды...

Позднее Сергей Дмитриевич вспоминал: «Я много раз читал “Гусара”, Юрий Алексеевич в своей жизни видел многое. Но он слушал мое исполнение с таким неподдельным восхищением и изумлением, с таким вниманием, будто ему ничего подобного никогда не приходилось слышать».

Потом повар Николай Иванович Букалов душевно спел «Русское поле».

Тех, кто нарушал рамки приличия, немедленно отвозили домой. Но таких было мало.

А вот Андриан Николаев и Борис Волинов пили только минеральную воду: им надо было еще ехать до Москвы за рулем.

В конце банкета Юрий Алексеевич попросил пригласить в зал обслуживающий персонал столовой. Выпил с ними и сказал:

— Спасибо, ребята, за хороший прием.

Было уже поздно. Московских гостей проводили на машинах до Катеневского поворота. Прощаясь, договорились о весенней охоте на вальдшнепов. И место уже подобрали, даже столики для легкой закуски сколотили.

Но весенней охоты не получилось. В 1968 году Юрий Алексеевич трагически погиб во время тренировочного полета на самолете. Но память о пребывании первого космонавта мира Юрия Алексеевича Гагарина в ферзиковских лесах сохранилась, передается из поколения в поколение, хотя участников этого события с каждым годом остается все меньше и меньше.

Автор «Кольцовского чуда» (художник А.И. Колесников)

Я познакомился с Анатолием Ивановичем Колесниковым 1 сентября 1994 года на празднике «Первый звонок» в средней школе села Кольцова, которое прежде называлось Горяиновым, Каровым, Сергиевским (расположено в 10 км к югу от районного центра — станции Ферзиково).

Оказалось, что семья московских художников Колесниковых вот уже несколько лет живет в Кольцове.

Председатель СПК «Кольцово» Владимир Павлович Сухоруков, его супруга — председатель сельской администрации Мария Казимировна и директор местной средней школы Геннадий Алексеевич Еремеев предложили Анатолию Ивановичу и его сыну Диме расписать стены первого этажа, вестибюля, коридора настенной живописью: видами родных кольцовских мест — лесов, полей, перелесков с заокскими далями, красавицей Окой. На торжественной линейке все благодарили Анатолия Ивановича, сказавшего в ответном слове, что без помощи правления СПК и местной администрации, оказавших помощь материалами, ему с этим было бы трудно справиться.

Я назвал школьную экспозицию из девяти работ «Кольцовским чудом» и написал об этом в районной газете «Ферзиковские вести», которую в то время редактировал.

Мы подружились. С тех пор я часто бывал в Кольцове у Анатолия Ивановича, он — у меня в Ферзикове. А.И. Колесников построил в селе дом со светлой мастерской на втором этаже — в мансарде. Рядом с домом — сад, цветник.

Родился Анатолий Иванович в 1942 году в Ташкенте, куда были эвакуированы из Подмоскovie его родители. Детство прошло на хуторе Красновском Сталинградской области.

А.И. Колесников

Ему не было еще и шести лет, когда его старшему брату Васе подарили акварельные краски, но его увлечение рисованием быстро прошло. И маленькому Толе разрешили пользоваться этими красками. С тех пор он не расставался с ними. Узнав о конкурсе из «Пионерской правды», послал туда несколько своих детских работ — три рисунка, а через два месяца получил ответ: «Дорогой друг Толя! Поздравляем Вас с успехом! Ваши работы в числе лучших детских работ направлены на международный конкурс в Австрию, в город Вену».

В одиннадцать лет он уже попробовал написать масляными красками на клеенке, еще не владея грунтовкой холста. Получилось что-то вроде коврика довольно больших размеров, ставшее предметом маминей гордости.

...А на творчество вдохновляла природа. Жил Толя на хуторе, кругом — хлебные нивы, в небе — жаворонки. Мама, пожалуй, была единственным человеком, поощрявшим его, разрешавшим рисовать до позднего вечера.

После седьмого класса тетя забрала Анатолия в поселок Палатки Магаданской области, где он продолжил учебу в вечерней школе, работая художником на автобазе. Потом служба на Тихоокеанском флоте. И во время службы он начинает сотрудничать как художник в военной газете «Боевая вахта». Дважды успешно выступал в конкурсах художников Тихоокеанского флота. При редакции окружной газеты окончил курсы военкоров, при Доме офицеров организовал художественную студию, живопись в которой преподавал М.И. Таболкин — художник-маринист.

Закончив службу, Анатолий Иванович работал учителем рисования и черчения в школе-интернате в тех же «Палатках» Магаданской области, но места, в которых прошло босоное детство, по-прежнему манили его. И он переезжает снова в Волгоградскую область. Хотелось

иллюстрировать книги, и он едет в Москву поступать в Полиграфический. С первой попытки бывшему военмору поступить не удалось, и он работает фрезеровщиком по камню. Учился в Полиграфическом техникуме имени первопечатника Ивана Федорова, работал в журнале «Военный вестник» художественным редактором и одновременно учился на вечернем отделении Московского полиграфического института, позже закончил Харьковский художественный институт.

Три года он проработал в журнале «Военный вестник», потом — в издательстве «Легкая индустрия», заведующим отделом плакатов, принимал участие в конкурсе «ОСВОД СССР», три его плаката заняли первые места.

Позже в течение десяти лет работал главным художником в разных московских издательствах.

Пожалуй, наиболее интересной, результативной была работа главным художником «Москонцерта». Художники «Москонцерта» за свои рекламные плакаты получали на международных конкурсах золотые медали. За конкурсный плакат «Малая земля» к книге Л.И. Брежнева получил золотую медаль и Анатолий Иванович. Этот плакат и ныне экспонируется в Музее Вооруженных сил России.

А в 1971 году Анатолий Иванович, как говорится, перешел на «вольные хлеба», купив в Кольцове домик. Каждое лето с тех пор проводит он в этом красивейшем месте дальнего Подмосковья, что недалеко от матушки Оки. На лето приезжают в село всей семьей.

Супруга Анатолия Ивановича Наталья Алексеевна — тоже художница. Предки ее жили в деревеньке, ныне город Солнцево. Прабабушка по материнской линии видела, как по Боровской дороге отступали французы в далеком 1812 году. А мама ее помнит деревянные домики подмосковной деревни Суково. И вот уже деревня стала городом Солнцево, превратившимся в часть Москвы.

Бабушка Натальи Алексеевны была большой рукодельницей, именно под ее влиянием Наталья Алексеевна в 1968 году поступила в политехникум имени Моссовета по специальности «Моделирование одежды». Пятнадцать лет проработала эта трудолюбивая женщина мастером по пошиву женской одежды в ателье на станции Востряково, где учила кроить и шить своих землячек, несколько лет преподавала в детской художественной школе, стала заниматься живописью и прикладным искусством в школах № 1003 и 1009. Ее воспитанники

участвовали в окружных конкурсах, фестивалях детского творчества, в конкурсе в Польше.

На базе постоянно действующей выставки детских рисунков Наталья Алексеевна создала при школе № 1009 музей прикладного детского творчества.

Анатолий Иванович начал выставляться с 1980 года, он участник десяти выставок, семь из них — персональные, в 1991 году участвовал в престижной выставке в Манеже «Малая Грузинская, 26», представив в экспозиции такие работы, как «Спаси нас, Господи», «Художник и модель», «Сирень в вазе».

Но и будучи на «вольных хлебах», Анатолий Иванович не бросает сотрудничества с издательствами «ДОСААФ», «Просвещение», «Музыка», «Молодая гвардия».

Сбылась голубая мечта детства и юности: им проиллюстрировано более 200 книг, созданы десятки плакатов (только для Олимпийской сборной — 40!).

За прошедшие годы Анатолий Иванович дважды выставлялся в Италии: в 1994 году — в городе Сачли и в 1995-м — в Риме, в Ватикане.

Картина А.И. Колесникова «Утро»

Одна из любимейших тем Анатолия Ивановича — изображение старой Москвы.

Наиболее яркой его работой в этом направлении стал триптих, который и выставлялся в Риме. Эту выставку посетил сам Папа Римский, благословивший работы русского художника в галереях 12 стран мира, в т.ч. в США, Австрии, Франции, Турции, Италии.

Наиболее известные картины художника — «Лилии», «Водопад», «Море перед грозой», «Пакетбот “Святой Петр” у берегов Камчатки», «Речка моего детства», «Колокольчики», «Ромашки», «Грибы», «Памяти А.Д. Сахарова» и др. Водопад на картинах Анатолия Ивановича шумит, колокольчики звенят, рожь колосится, корабль захлебывается в волнах.

В Кольцове все лето он работает на пленере по 8–10 часов в день. На последней выставке А.И. Колесников экспонировал более 50 своих работ, о ней писали в газетах, показывали по телевидению.

В этом году Анатолий Иванович задумал цикл новых работ — «Цветы России». Проект рассчитан на два-три года. В экспозиции будет 45–50 работ, в которых в основном будут представлены цветы средней полосы России: флоксы, колокольчики, сирень, полевые цветы. А выставляться экспозиция будет в Государственной думе (такое предложение художник уже получил), а потом, возможно, в выставочных залах центральных городов России.

В 2000 году в выставочном зале экспонировались и 20 работ младшего сына Анатолия Ивановича — Дмитрия Анатольевича. Родился он в 1976 году, в Москве, учился в Солнцево, закончил Художественно-промышленное училище имени Калинина, факультет художественной росписи. Он являлся участником выставок молодых мастеров «Молодые дарования — 96», был отмечен Свидетельством.

Через два года он уже выставляет свои работы от Союза художников — «Японские мотивы» и «Древние пещеры близ поселка Кольцово». Работы находятся в частных коллекциях. Ныне Дмитрий Анатольевич работает в области дизайна, интерьера, станковой живописи. Недавно он закончил Педагогический университет имени Крупской, факультет дизайна, его дипломный проект — «Торгово-выставочный центр».

Иначе сложилась судьба старшего сына в семье Колесниковых Алексея. Он родился в 1969 году, учился в Москве, на Арбате, в престиж-

ной школе для одаренных детей, т.н. «Школе В.Д. Поленова», закончил Московскую школу художественных ремесел по классу «Ювелирное дело», все 16 предметов сдав на отлично. У Алеши рано сформировался острый художественный интерес к ювелирной работе с металлом. Уже его ранние пробы привлекли внимание преподавателей, и он был приглашен на стажировку на Московский ювелирный завод, в Оружейную палату в Кремле, известные иностранные фирмы звали его на работу в свои мастерские. И после двух лет службы в армии он работал в итальяно-советской ювелирной фирме, пять лет совершенствовал свое мастерство в Швеции, затем несколько месяцев занимался ювелирным делом в Польше. Его работы поражают изяществом, некоторые из них имеют знак Фаберже.

Торжественно отметил Анатолий Иванович свое шестидесятилетие 21 сентября 2002 года в средней школе № 1009. Помимо сотрудников школы, ставших инициаторами торжества, и ближайших родственников на праздник пришли друзья и коллеги юбиляра. В концерте, подготовленном для Анатолия Ивановича, звучали произведения Моцарта, Мусоргского, Гайдна, стихотворения Бунина и Тютчева в исполнении учащихся и педагогов школы. Это была идея директора школы Валентины Васильевны Морозовой.

Много теплых слов в адрес Анатолия Ивановича было сказано его друзьями: генеральным директором «Спецстроя — 225», Заслуженным строителем России Владимиром Булыгиным; профессором Российского научного центра хирургии РАМН, членом Союза журналистов, главным редактором газеты «Хирург», писателем Владиславом Соколовым; членом Союза художников России, живописцем Владимиром Афонинным. В качестве почетного гостя на празднике присутствовала заместитель главы района Солнцево Наталия Власенко.

Праздник прошел в теплой, дружеской, почти семейной обстановке.

Одно из своих замечательных творений — картину «Собор Анны Кашинской» — художник подарил музею детского творчества.

После концерта участники торжеств были приглашены в музей, где прошла выставка работ художника Анатолия Ивановича Колесникова.

Супруга Анатолия Ивановича — его ангел, его муза, часто выступающая в роли критика. Она, как мы уже говорили, модельер-конструктор женского платья и костюма, одно время работавшая с Вячеславом

Зайцевым в химкинском Доме моделей. В школе она ведет изостудию и является директором музея.

Супруги Колесниковы планируют создать в Солнцево художественную галерею. У Анатолия Ивановича есть много друзей-художников, которые смогут выставлять там свои работы. Но это не означает, что супруги Колесниковы прекратят сотрудничество с музеем. Они полны энергии и творческих планов.

Вот такая неординарная семья художников живет и работает в Москве, приезжая каждое лето в свою сельскую мастерскую, в Кольцово. Удачи вам, «солнечные» художники Колесниковы!

Три «жизни» Магомеда Салихова

В далеком солнечном Дагестане на склоне огромной горы раскинулось большое даргинское село Бускри с несколькими сотнями домов. Здесь, в семье колхозников Салиховых, 9 мая 1937 года родился мальчик, которого назвали Магомедом.

Окончив среднюю школу, Магомед Салихов поступил учиться в Кизлярское медицинское училище на фельдшерское отделение. Закончив его в 1963 году, был назначен инспектором по оргработе Красного Креста при райбольнице, заведовал фельдшерско-акушерским пунктом в объединенной райбольнице.

А через четыре года, решив стать зоотехником, уехал учиться в Кировский сельхозинститут, поступил на зоотехнический факультет.

В 1972 году молодой специалист был направлен на работу в совхоз «Боровно» Калининской области, а через два года был переведен главным зоотехником в совхоз «Бебелево» Ферзиковского района Калужской области. По прошествии пяти лет посланец Северного Кавказа пошел на повышение, или, как тогда говорили, на укрепление соседнего совхоза «Авчурино». И наконец, спустя еще несколько лет, Магомед Салихов оказался в совхозе «Октябрьский», оснащенном современным молочным комплексом, с богатой, разветвленной инфраструктурой. В этих краях Магомед Салихович обосновался окончательно.

Название данного очерка «Три “жизни”...» не случайно, поскольку он вобрал в себя три этапа роста молодого специалиста, недюжинного руководителя, роста таланта организатора сельскохозяйственного производства. И все это — в тесном сочетании с огромной общественной работой. Салихов был членом бюро райкома КПСС, депутатом областного Совета народных депутатов, депутатом законодательного собрания Калужской области трех созывов подряд.

В совхозе «Бебелево»

По приезду в совхоз «Бебелево» М.С. Салихова прежде всего заинтересовала история старинного села. И вот что он узнал.

В Писцовых книгах первой трети XVII века (1629 год) упоминается поселение Боброво: *«При Угреше находилось одно селение — деревня Боброво, Адашево тож. Было в вотчине за Дурным — 20 человек».*

Боброво по тем временам было довольно крупным селением и принадлежало оно Сильвестру Иванову сыну Дурново. В селении было пять домов. Один дом вотчинника, в котором жили пять человек, в крестьянском доме жили четыре человека, в четырех бобыльских дворах — 11 безземельных крестьян-бобылей. Стояли и три пустых бобыльских дома.

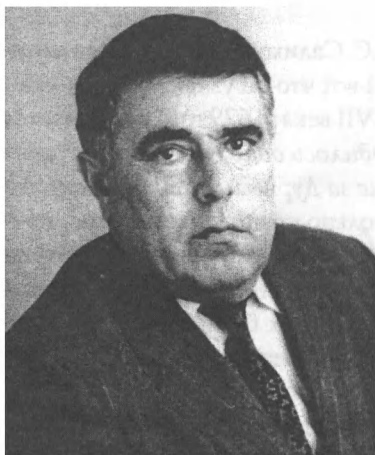
Название села Боброво произошло или от имени владельца «Бобра», или из-за развитого в те времена «бобрового» промысла, где тысячные начальники имели «бобровое кормление».

С 1733 года село стало принадлежать крупным дворянам Римским-Корсаковым, было типичным помещичьим гнездом с большим числом челяди и крепостных мастеров. В имении был каскад из трех прудов, большой барский дом, каменная церковь.

О церкви так писалось в книге «Памятники русского зодчества в пределах Калужской губернии» (СПб., 1891): *«В селе Боброве близ реки Угрежки в 16,5 верстах от Калуги Архангельская каменная одноглавая церковь с восьмигранным барабаном, с трапезной и колокольней в четыре яруса, построенная Римскими-Корсаковыми, владевшими Бобровым более 100 лет. Церковь по плану крестообразная, длиною 69 аршин, шириной — 21 аршин, с четырьмя приделами. Главный иконостас из липового дерева, резной, в пять ярусов».*

В старом издании воспоминаний Благово «Рассказы бабушки» (1885 год) так описывается это поместье: *«Дом был прекрасный, строен из очень толстых брусьев, чуть ли не из дубовых, низ был каменный, жилой, стены претолстые. Все парадные стены были с панелями, а стены и потолки затканы холстом и расписаны краской на клею. В зале нарисована охота, в гостиной — ландшафты, в спальне стены были расписаны боскетом (леском, рощицей) и еще отделаны драпировкой».*

Конечно, все это было малевано домашними художниками, впрочем, очень недурно, а по тогдашним понятиям о живописи даже хорошо.

М.С. Салихов

Часто в Боброво к Римским-Корсаковым приезжали погулять и повеселиться дворяне из Калуги, жили в имении по несколько дней. Прибывал и сам калужский наместник генерал-поручик Кречетников. И владелец поместья показывал отделку комнат».

Ко времени отмены крепостного права имением владел ассессор Головин, имел 25 дворовых и более 130 крестьянских душ, 800 десятин земли. Дворовые люди, выйдя из крепостной зависимости, ничего не получили, крестьяне же получи-

ли за выкуп немного земли. Испытывая ее нехватку, а также недостаточность средств на выплату многочисленных поборов, многие нищали и уходили на заработки в город, как тогда говорили, «в отход».

В списках за 1893 год мужчин в Боброве значилось 146 человек, женщин — 150. Через десять лет мужчин осталось 32 человека, женщин — 87.

После смерти Римского-Корсакова имение часто переходило из рук в руки. Одно время им управлял некто Спицын, после него — лавочник из села Покровского Солдатов, купивший лес и земли в Крестьянском поземельном банке, построивший в Боброве чайную, магазин, постоянный двор и Народный дом.

Первым учителем в Боброве был Г.И. Соловьев, на собственные сбережения купивший лес и построивший школу. Работал в ней и после 1917 года. Ребята занимались в одной классной комнате (три класса).

После революции в школе размещались волисполком, загс, милиция, финотдел, судебно-земельная комиссия. (Кстати, в период временной немецкой оккупации, октябрь — декабрь 1941 года, захватчики превратили школу в конюшню.) Само имение было взято на учет уездным земотделом: землю, скот, инвентарь и семена передали крестьянам.

В сентябре 1919 года разыграло революционное творчество крестьян, и свое старинное село Боброво они переименовали в честь лидера рабо-

чего движения Августа Бебеля в Бебелево. На этом же собрании бебелевцы объединились в товарищество «Пионер», которому было передано 45 десятин земли. Вскоре товарищество стало передовым в уезде и губернии и на губернской выставке было удостоено диплома и денежной премии в размере 200 миллионов рублей (по курсу того времени).

Члены товарищества построили электростанцию, позволившую дать ток во все дома села, электропаровую мельницу, отвели семенной и показательный участки, пропагандировавшие многополье.

С 1929 года Бебелево стало центральной усадьбой совхоза того же названия.

В начале 90-х годов XX столетия совхоз был реорганизован в сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК). Ныне СПК «Бебелево» руководит инженер по образованию Сергей Васильевич Терехов.

Вот в этот совхоз — многоотраслевое хозяйство с развитым животноводством и птицеводством — летом 1974 года и приехал работать главным зоотехником Магомед Салихович Салихов. Впереди его ждала интересная работа.

Главная задача, которую поставил перед собой Магомед Салихович по приезду в совхоз «Бебелево», — это целенаправленная работа со стадом. Уже к концу года он сумел заменить четверть старых коров. А в последующие годы было «омоложено» все поголовье. Если бы не эта «операция», то ни Центральная, ни Болдасовская фермы до сего времени не поднялись бы в надоях до трехтысячного рубежа, так бы и стояли на 2 200.

С приходом в совхоз «Бебелево» Магомеда Салиховича людей будто подменили. Раньше группы коров обслуживали полеводы по наряду, по очереди никто не хотел идти «на постоянку», на ферму, полеводство было престижнее животноводства, т.к. при малых наоях люди мало зарабатывали.

Магомед Салихович поставил животноводство на ступень выше, и оно стало более престижным, приоритетным. Окружил доярок заботой, вниманием, поощряя их достижения рублем, жильем. И животноводы ему поверили.

«С такими людьми смело можно брать четырехтысячный рубеж», — говорил главный зоотехник.

Поменял он и технологию выращивания телят.

«Прихожу на телятник, — рассказывал М.С. Салихов, — а телятницы (все шесть человек!) вместе 400 телят обслуживают. Зарплата — не за привес, а по тарифу. Так не годится. Закрепил за каждой телятницей группу телят, животных стали ежемесячно взвешивать. Сдаточный вес бычков поднялся до 350 кг. И выращивание, и откорм — все пошло по-другому.

Две телятницы получили медали ВДНХ, заработок увеличился.

Им на всю жизнь запомнится 1978 год. Ему — тоже.

Высокие социалистические обязательства на третий год пятилетки (1978 год) по надоям молока принял коллектив животноводов совхоза «Бебелево»: намечалось надоить по 3 300 кг молока от коровы. Это обязательство в канун Нового года было выполнено. Такой рубеж за всю историю совхоза был достигнут впервые. Высокий вклад в этот успех главного зоотехника совхоза Магомед Салиховича Салихова.

...Мы встретились в конторе совхоза. Оставив машину, пошли на ферму.

— Я когда впервые приехал в Бебелево и шел от автобусной остановки до конторы, подошвы у туфель оторвались. Знал, что грязь, бездорожье. В Министерстве «Птицепром» Бебелево охарактеризовали во всех деталях, только о дорогах умолчали. Но у меня к ним — предчувствие, еще с Тверского края осталось.

...После окончания Кировского сельхозинститута Магомед Салихов оказался в крупном и крепком птицеводческом хозяйстве. Там к каждой ферме вел асфальт. У них в совхозе такое правило: прежде чем что-то строить, подводят дорогу и уже потом возводят здание...

— В Бебелево 36 автомашин, несколько самосвалов, есть погрузчики, вокруг немало залежей гравийно-щебеночных смесей. Если бы каждый год по одной дороге строить, за эти четыре года, что я здесь работаю, много дорог можно было бы сделать с твердым покрытием. К сожалению, на зоотехника не возлагается строительство дорог. Только с одним директором начнешь об этом договариваться, другой приходит. За четыре года — четыре директора сменилось.

Однако за эти годы Магомеду Салиховичу все же многое удалось сделать: организовать капитальный ремонт животноводческих ферм, провести к центральной ферме бетонную автодорогу, выложить плитами кормовые площадки, подъезды к фермам. Любая непогода теперь не страшна.

Оказывается, подъезд к конторе был сделан по инициативе штатного заместителя директора совхоза П. Сидоренко. Когда тот ушел на пенсию, его обязанности возложили на Магомеда Салиховича. Директор как-то уехал на пять дней в командировку, тут-то и развернул свою деятельность главный зоотехник: и ремонтную, и строительную.

Первую свою заметку в Ферзиковской районной газете «Красное знамя» М.С. Салихов написал 27 февраля 1975 года, назвав ее «Резервы у нас есть», в ней он информировал читателей о том, что совхоз «Бебелево» справился с прошлогодними заданиями продажи молока, продав его в количестве 2 150 т с жирностью 3,47 %, в основном первого и второго сорта. На одну корову было надоено 2 500 кг молока, а отдельные операторы машинного доения перешагнули трехтысячный рубеж: А. Ицук, М. Мацокина, Е. Лаврецова, А. Дурова и другие.

В своей статье Магомед Салихович намечает пути дальнейшего повышения продуктивности дойного стада.

В корреспонденции «Пришло время» под рубрикой «Заботы. Планы. Проблемы» 3 апреля 1975 года Магомед Салихович как бы подводит итоги стойловому содержанию животных: «...Настало время принимать меры к тому, чтобы как можно организованнее перевести животных на пастбища. И самое главное — не снизить в этот период производство молока, а создать необходимые условия для дальнейшего увеличения надоев на всех фермах». И главный зоотехник рассказывает о принимаемых мерах.

«Другой волнующий нас вопрос — состояние культурных пастбищ. У нас в совхозе говорят с горечью, что культурных пастбищ нет, есть “бескультурные”. 170 га, отведенные для них вблизи Новой деревни, были неверно ограждены. Нужно создать специальное звено, закрепить за ним трактор, сеялки, культиватор и другую необходимую технику, чтобы постоянно вести надлежащий уход за этими культурными пастбищами. Агрономическая служба обещает подкормить пастбища на 170 га “аммиачкой”. Хотя от этого пастбища вряд ли станут культурнее», — писал М.С. Салихов.

Автор статьи выражал серьезные опасения о том, что и в текущем году животноводство будет ощущать последствия беззаботного отношения к состоянию пастбищ, что, в свою очередь, может отрицательно сказаться на продуктивности животных.

Так молодой специалист рассуждает на страницах районной газеты, не боясь критиковать агрономическую службу совхоза.

...Магомед Салихович живо интересуется ходом заготовки кормов, их качеством, правильностью закладки сенажа и силоса в траншеи и курганы, использованием витаминных и минеральных добавок, микроэлементов. Ибо обилие добротных кормов позволит хозяйству не только летом, но и зимой получать высокие надои молока и привесы животных.

Как перспективный работник, прошел Магомед Салихович переподготовку руководящих кадров в Караваеве.

«Большому кораблю — большое плавание», — писал я тогда в районной газете (июнь 1978 года).

Эту же тему продолжил через месяц в фоторепортаже «Умелый организатор — воспитатель коллектива»: *«Немногим более пяти лет тому назад окончил Магомед Салихов Кировский сельхозинститут и приехал в совхоз “Бебелево” на должность главного зоотехника. В те годы не ладилось у бебелевцев с надоями. Вот и решил молодой специалист начать с самого главного: с налаживания дисциплины, с племенной работы, с повышения ответственности каждого за порученный участок работы.*

Десятки пастухов, мастеров машинного доения, телятниц, птичниц, заведующих фермами и бригадиров животноводства в его подчинении. И все они ценят в Магомед Салиховиче честность, принципиальность, требовательность и справедливость. Эти черты характера он тесно сочетает с глубоким знанием дела, вниманием к людям. И в ответ на такое внимание и заботу животноводы просто не могут подвести своего “главного”.

Все работают на совесть: и в Бебелеве, и в Болдасовке. За последние пять лет в хозяйстве значительно выросли надои молока и производство мяса. Вот и в этом году полугодовой план производства и продажи государству молока и мяса выполнен досрочно. В совхозе выросли “четырёхтысячницы”-орденоносцы...».

25 мая 1978 года я писал в районной газете: «Недавно работает в совхозе “Бебелево” главным зоотехником М.С. Салихов, а положение в хозяйстве с надоями, производством и продажей государству молока и мяса изменилось в лучшую сторону. Он побывал на курсах повышения квалификации в совхозе “Караваево” и теперь еще

лучше стал разбираться в своих профессиональных вопросах. С его приходом в совхоз животноводство пошло в гору. Стадо пополнилось новым телочками, наладилась племенная работа, реже стали болеть коровы. Организовали “зеленый конвейер”, подкормку, летние площадки. Кстати, их в Центральном отделении две. Повысилась требовательность и к животноводам, соответственно возросла и ответственность. Навели порядок и в отчетности».

По соседству с угодьями совхоза «Бебелево» расположены земли совхоза «Авчурино». И если благодаря стараниям Магомеда Салиховича дела в совхозе «Бебелево» поправились, многие передовые доярки стали орденосносцами, то в совхозе «Авчурино» они шли ни шатко ни валко, хотя руководили им и секретари райкомов партии, и кандидаты наук. Долгое время «Авчурино» было подсобным хозяйством Калужского совхоза-техникума (бывшего ветеринарного), так и назывался этот старый совхоз — «Калужский совхоз-техникум», но директора часто менялись, не успевая ничего ни построить, ни усовершенствовать.

И бюро Ферзиковского райкома КПСС решило послать на укрепление совхоза «Авчурино» своего человека — члена райкома партии, а потом и члена бюро райкома КПСС Магомеда Салиховича Салихова. Началась вторая «жизнь» Магомеда Салихова. О ней в следующей части трилогии.

«Жизнь» вторая: совхоз «Авчурино»

Магомед Салихович работал в совхозе «Бебелево» с 1974 года. С 1979 года стал директором совхоза «Авчурино», который за высокие показатели был переименован в совхоз имени 60-летия Союза ССР.

Это было четверть века назад, когда Магомед Салихович принял в свои руки совхоз, раскинувший свои угодья недалеко от Калуги, на левом берегу красавицы Оки.

Совхоз «Авчурино» был создан одним из первых в Калужском уезде, в 1919 году, и назывался «культурным хозяйством», созданным на базе имения помещиков Гончаровых. В нем было 18 лошадей и 121 десятина земли.

В первые годы Советской власти усадьба находилась еще в хорошем состоянии. В ней располагался политотдел, и его работники заботливо относились к усадьбе, следили за состоянием зданий, парка, аллей, подсобного хозяйства.

Первый секретарь Ферзиковского РК КПСС П.Д. Попов (в центре)
проводит в СПК «Авчурино» круглый стол

В 1926–28 годах Авчурино было домом отдыха. Отдыхающих обслуживали 27 человек. Директор сам был и счетоводом, и кладовщиком, сам работал в поле подсобного хозяйства, которое насчитывало 27 коров и 450 га земли. Парк, сады — все находилось в образцовом состоянии, правда, к этому времени пруды уже успели зарости. Вид свой усадьба сохранила до войны. Местные жители сохранили парк, а деревья близ архитектурного ансамбля попилили на дрова в военное лихолетье. Оккупанты установили на крыше четырехэтажной башни пулемет, устроили наблюдательный пункт, при отступлении (в конце декабря 1941 года) сожгли дом, в котором когда-то находилась уникальная авчуринская библиотека Полторацких.

Рядом с домом стояли сарай, конюшни, двухсветный каретный сарай, в котором рабочие совхоза оборудовали общежитие. Немцы при отступлении сожгли и его.

В 1957 году здание бывшей библиотеки было восстановлено. В «готическом» доме хотели расположить контору свиновхоза, но, благодаря хлопотам В.П. Степанова, в это здание перевели Сеченовскую школу.

Школьники под руководством В.П. Степанова в парке из ясеней насадили Аллею Славы, сегодня она стала ядром парка. Сохранился фли-

гель с портиком, в котором ныне расположена контора СПК «Авчурино», а церковь и «ротонда» разрушились в 90-х годах XX века.

В 1991 году школу из «готического» дома перевели в новое типовое здание, коллектив учителей и учащихся возглавил преподаватель истории Владимир Николаевич Дуров. Ныне в «готическом» доме — почтовое отделение, клуб.

Такова история села, в котором М.С. Салихову предстояло работать директором совхоза «Авчурино». Наступил новый этап в его жизни и деятельности.

...Листая подшивки газеты «Красное знамя», видишь, как рос организаторский талант Магомеда Салиховича.

Работал он главным зоотехником в совхозе «Бебелево» — переходящие Красные знамена райкома партии и райисполкома были в этом хозяйстве. В сентябре 1979 года подводятся итоги соревнования по уборке урожая, переходящее Красное знамя «присуждается совхозу «Авчурино»» (директор М.С. Салихов).

По производству и продаже государству молока и мяса вперед вышел пока совхоз «Бебелево»: так навел порядок Магомед Салихович в этой отрасли, что показатели продолжали оставаться высокими и в 1979 году.

А в январе 1980 года победителем признан уже совхоз «Авчурино», в мае того же года этому хозяйству выдано знамя за успешное проведение весенне-полевых работ, за увеличение производства и продажи молока и мяса.

27 декабря 1980 года районная газета посвятила совхозу «Авчурино» целый разворот под «шапкой»: «Дадим Родине больше продукции животноводства!». Первым на полосе выступил Магомед Салихович Салихов со статьей «Есть резервы для роста».

Директор совхоза писал: *«С какими показателями подходит хозяйство к концу десятой пятилетки? Сегодня можно сказать смело: с хорошими. План по продаже мяса государству за пятилетие выполнен на сто с лишним процентов — более 2 000 ц, план продажи молока также перевыполнен: молока продано больше на 350 ц. Это — цифры. А за ними — люди, их каждодневный труд.*

Они стремятся дать Родине больше продукции, хозяйствовать умело, рачительно.

Мы перевыполнили планы продажи государству зерна и картофеля.

Если растениеводство на низком уровне, то не жди успеха в животноводстве. Это звенья одной цепи. Выпало одно звено — потащило за собой всю цепь.

Сейчас наипервейшая задача — зимовка общественного скота. В животноводстве у нас подобраны хорошие, надежные люди, об этом мы позаботились еще с лета. Все фермы укомплектованы доярками и скотниками. На этот важный участок работы выбрали самых добросовестных тружеников. И люди откликнулись на нашу просьбу.

Важным фактором для развития животноводства является кормовая база. Сегодня жаловаться на урожай многолетних трав грех. Повсеместно они уродились наславу. Коль есть корма, будут и молоко, и мясо, разумеется, при добросовестном отношении всех работников цеха животноводства к делу. Кормовую базу заложили неплохую, кормов хватит на весь стойловый период.

Немаловажно и то, как их расходовать. Все корма отпускаются строго по весу. Солому даем животным только в запаренном виде с минеральными добавками. Кормоцех работает бесперебойно, ежедневно готовит по 6 т запаренной соломы. Кроме того, ежедневно даем животным по 3 кг веточного корма, предварительно смешивая его с концентратами. Это очень ценный витаминизированный корм. Мы не надеемся на шефов: специалисты во главе с руководством хозяйства по субботам идут в лес готовить веточный корм. Вот и в минувшую субботу вышли в лес около ста человек и заготовили 10 т веток. Скот на всю неделю обеспечен.

Трудно нам в этом году досталась прочная кормовая база из-за плохих погодных условий. Но люди работали на этом важнейшем участке производства не покладая рук, как говорится, не жалея ни сил, ни времени. Хорошо работает в совхозе инженерная служба, ее вот уже 14 лет возглавляет Иван Игнатьевич Чернов — выпускник Саратовского сельскохозяйственного института. Это благодаря его стараниям техника и оборудование работают бесперебойно, без срывов».

В августе 1980 года я писал в районной газете (в фоторепортаже):

Ряд в ряд идут по полю три мощных комбайна «Нива», круг за кругом, оставляя за собой чистую стерню да на равном расстоянии друг от друга копы обмолоченной соломы.

Сюда же, на Криюшинское поле, приехали директор совхоза М.С. Салихов, секретарь парткома И.И. Трифонов, главный инженер И.И. Чернов — ответственный за техническое обеспечение «жатвы — 80».

Труд участников борьбы за «калужский миллион» организован по методу ипатовских хлеборобов. В составе уборочного звена — десять комбайнеров и столько же помощников. Действует уборочно-транспортный комплекс. Четверо ведут уборку зерновых прямым комбайнированием, двое — раздельным.

Транспортное звено возглавляет Вячеслав Орлов, звено техобслуживания — Иван Чернов, бытовое звено — повар М.Д. Демишенкова. Есть и звено по скиردованию соломы.

Первые дни уборки показали, что члены уборочно-транспортного комплекса со своими задачами справляются успешно.

Высокая организация труда по уборке урожая — заслуга директора совхоза М.С. Салихова, следствие большой организаторской работы и трудового энтузиазма всех участников битвы за трудный хлеб, за «калужский миллион». (Дело в том, что первый секретарь Калужского обкома КПСС А.А. Кандренков в 1980 году поставил задачу: получить миллион тонн зерна. Авчурицы дружно взялись за выполнение этого задания.)

...С первых дней зимовки активно включился в работу по транспортировке кормов к фермам специальный отряд под руководством механизатора А. Крюкова. В отряде известные механизаторы В. Орлов, А. Цыганов, А. Доронин, В. Сенишкин, Н. Кузнецов. Тележки с сенажом и силосом разгружаются у ферм, с соломой — у кормоцеха. Четыре человека обслуживают этот кормоцех. Измельченная солома по транспортеру подается в смеситель-запарник. Распаренная и сдобренная минеральными добавками, вкусно пахнущая масса медленно движется по ленте транспортера из кормозапарника и через люк в стене подается в тележку...

Проходит несколько минут, тележка наполняется, механизатор В. Лихоманов отвозит распаренную и сдобренную массу к фермам. А добавки — это соль, фосфорная мука (килограммов шесть на «замес»), сода, зерноотходы. Следит, чтобы все было в норме зоотехник А.Н. Николаевская.

В ноябре 1980 года я встретился с директором совхоза М.С. Салиховым. На мой вопрос, что помогло коллективу хозяйства удержать первенство в социалистическом соревновании, Магомед Салихович ответил так: «Прежде всего повышением ответственности каждого за порученный участок работы, постоянным контролем за выполнением. Создали откормочную площадку для молодняка крупного рогатого скота. У Н. Жигачевой и Е. Ключевой на откорме 130 бычков весом более 300 кг каждый. Среднесуточный привес около килограмма.

Четверо телятниц Е. Мишина, Т. Агейчева, Н. Новикова и М. Бургартова выращивают по 50 телят каждая, провесы тоже хорошие — от 800 до 1 160 г в сутки.

Выполнили пятилетний план и наши свиноводы, возглавляемые Н.И. Поповой.

В зимний период решили получить от каждой коровы по 1 300 кг молока».

Так работают в совхозе животноводы и механизаторы под руководством дирекции хозяйства. Пожелаем же им дальнейших успехов в производстве и продаже государству молока и мяса!

...Много забот и хлопот у директора совхоза. И в отрасли животноводства в том числе. По итогам работы авчуринских животноводов за 1980 год, имя Магомеда Салиховича все чаще и чаще стало появляться на страницах районной и областной газет.

По итогам соревнования за год совхозу присуждено переходящее Красное знамя обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа и обкома ВЛКСМ за достижение наивысших результатов в увеличении надоев, производстве молока и мяса.

В конце февраля в Ферзикове состоялся районный слет передовых животноводов района. На слете Магомед Салихович сказал: «Сейчас мы имеем ежедневную прибавку в надоях молока к уровню прошлого года полтора килограмма от коровы».

В марте того же года на базе совхоза «Авчурино» облисполком провел выездной семинар председателей сельсоветов области, на котором с обменом опытом работы выступил М.С. Салихов.

Три последующих года были неблагоприятными по погодным условиям для авчуринцев. Но специалисты, рабочие совхоза под руководством М.С. Салихова сумели противопоставить капризам природы мастерство, организованность, смекалку.

В пастбищный период все дойное стадо содержалось в летних лагерях, оборудованных электрооильными установками, обеспеченных горячей и холодной водой, расположенных вблизи от выпасов. Учитывая площади пастбищ, гурты не превышают ста коров.

На Центральной ферме организована двухсменная работа, на Кришинской — обычная односменка.

На Центральную ферму в этот день приехали все директора совхозов и председатели колхозов, партийные работники, провело встречу выездное бюро райкома КПСС во главе с первым секретарем Петром Дмитриевичем Поповым.

Замечательные люди помогают в Авчурине Магомеду Салиховичу — главные специалисты: Лидия Петровна Ершова — главный агроном и Иван Игнатьевич Чернов — главный инженер. Но в этом тоже есть искусство руководителя — подобрать для решения важнейших экономических задач единомышленников, специалистов, душой боле-

ющих за производство, не жалеющих ни сил, ни времени для выполнения поставленных задач.

Настоящие помощники, профессионалы!

Иван Игнатьевич рассказывал: «Мы располагаем большим парком тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники. За последнее время, с приходом к руководству Магомеда Салиховича, многое сделано по облегчению труда работающих. Стремимся к более полному использованию имеющейся техники. У нас 40 тракторов различных марок, общая их мощность 3 000 лошадиных сил, пашни имеем 2 100 га».

Иван Игнатьевич Чернов окончил Саратовский институт механизации сельского хозяйства в 1965 году и все эти годы работал главным инженером в совхозе «Авчурино». Он пользовался большим авторитетом. Его знания, опыт, большая ответственность за порученный участок работы помогали рабочим совхоза облегчить труд, механизировать трудоемкие процессы в полеводстве и животноводстве, способствовали правильному использованию техники, увеличению сроков ее эксплуатации.

«Коль заговорили о фермах, — продолжал Иван Игнатьевич, — то следует отметить, что и здесь есть подвижки вперед с точки зрения механизации. На фермах она полностью внедрена на дойке и удалении навоза. Повсюду стоят транспортеры, несколько хуже в этом отношении на свиноферме, где работы механизированы лишь наполовину.

Ведем строительство коровника на 400 коров, в следующем году постараемся сдать его в эксплуатацию, тогда и займемся механизацией трудоемких процессов на свиноферме.

В течение года успешно занимались строительством: введены в строй два действующих зерносклада, зерносушильный комплекс КЗС-20. До конца года будет введено 20 квартир из сборных конструкций. Мы выполнили план по строительству хозяйственным способом, строится животноводческий комплекс.

Обсуждая материалы Пленумов ЦК, на собраниях в хозяйственных подразделениях, все приняли активное участие в выявлении резервов производства и укреплении трудовой дисциплины.

Намечены конкретные меры по успешному выполнению Продовольственной программы.

Но нам еще предстоит немало поработать по повышению культуры земледелия, получению стабильных высоких урожаев зерновых культур и картофеля.

Перед нами стоит большая задача по улучшению состояния интенсивного откорма крупного рогатого скота. Все это мы учли при разработке мероприятий по выполнению Продовольственной программы страны.

Наш труд высоко оценен по итогам Всесоюзного социалистического соревнования: совхозу присуждено переходящее Красное знамя страны. А это нас ко многому обязывает».

...Вышел победителем во Всероссийском социалистическом соревновании и Авчуринский сельсовет (председатель сельского исполкома И.Е. Власов) — за активное участие в выполнении Продовольственной программы и достойную встречу 60-летия образования СССР.

Механизаторы хозяйства П.И. Елисеев и В.Н. Орлов были награждены почетными знаками «Ударник одиннадцатой пятилетки».

Передовым животноводам и механизаторам совхоза были присвоены звания «Лучший по профессии». Лучшими МТФ были признаны первая и вторая Центральные фермы, отдельные доярки были удостоены почетного звания «Мастер высоких надоев», другие работники поощрены званиями «Лучшая телятница района», «Лучший скотник-пастух района», «Лучшая свиноводка района», «Лучший тракторист района», «Лучший комбайнер района».

Наступил новый 1983 год. 12 марта районная газета писала: *«Заслуженным уважением пользуется Магомед Салихович Салихов, сумевший за несколько лет поднять экономику совхоза им. 60-летия Союза ССР, добиться прибыли, наладить строительство хозяйственных и жилых объектов».*

Бюро райкома КПСС рекомендовало товарища Салихова М.С. директором совхоза «Октябрьский». И на новом месте он приложит все усилия, чтобы поднять экономику хозяйства».

...Светлана Федоровна Кафнова работала в совхозе «Авчурино» дояркой. Окончив техникум, стала помощницей Магомеду Салиховичу в отрасли животноводства. И когда ему предложили возглавить совхоз «Октябрьский», он согласился при одном условии: Светлана Кафнова станет управляющей в совхозе им. 60-летия Союза ССР. Так, Магомеду Салиховичу на первых порах пришлось руководить двумя трудовыми коллективами. Вначале чуть ли не ежедневно выезжал из Октябрьского в Авчурино, потом — реже, решать, так сказать, стратегические проблемы, крупные, перспективные вопросы, текущие же дела вполне успешно решала Светлана Кафнова.

Так закончилась вторая «жизнь» Магомеда Салиховича — Авчуринский период.

Нужно заметить, совхозу имени 60-летия Союза ССР в феврале 1983 года переходящее Красное знамя района не присуждалось: сменило прописку. Это стало следствием того, что сменился директор.

...И поехал с семьей Магомед Салихович на новое место работы, повышать экономику нового молодого совхоза, добиваться успехов в экономическом, социально-бытовом, культурном развитии.

Об этом — в третьей части трилогии.

«Жизнь» третья: мудрость

На XVIII райпартконференции, проходившей в ноябре 1978 года, выступая в прениях по отчетному докладу, директор совхоза «Октябрьский» Матвей Евдокимович Львов сказал: *«За три года X пятилетки в своем экономическом развитии хозяйство улучшило показатели: у нас в два раза возросли урожайность и валовое производство зерна, картофеля, кормов. Все это достигнуто трудом коллектива за счет улучшения использования земли.»*

На новом молочном комплексе содержится 1 100 коров, нетелей и телочек. Трудностей в освоении комплекса много.

Плохо продуман вопрос круглогодичного стойлового содержания коров, узким местом является удаление навоза. Трудности и с размещением телят, кормлением коров, с орошением культурных лугов.

Нет уверенности, что и в будущем году будут работать пять «фрегатов» (установки для орошения лугов и пастбищ).

Трудности и в том, что прекращено строительство поселка, торгового центра, дороги, медленно строится Дом культуры и детсад, много нерешенных вопросов в культурно-бытовом и медицинском обслуживании, желает лучшего работа нефтебазы и станции техобслуживания, известкование закисленных почв силами Раевского спецотделения «Сельхозтехника».

Но, несмотря на трудности, коллектив совхоза «Октябрьский» с помощью районных и областных организаций справится с поставленными задачами».

Оказалось, не справился. Пришлось районным властям укреплять руководство совхоза. И совхоз «Октябрьский» принял Магомед Салихович Салихов.

Начало строительства молочного комплекса СПК «Октябрьский»

...Как всегда, будь то в Бебелеве или Авчурине, Магомед Салихович начал свое дело с изучения истории края, в котором ему предстояло жить и работать. И вот что он узнал.

Прежде всего Магомед Салихович узнал о селе Грязнове, долгое время являвшемся центральной усадьбой колхоза «Путь Ленина» (до строительства поселка «Октябрьский»).

На рубеже XIX и XX столетий в волостях Калужского, Тарусского и Лихвинского уездов, из которых в 1950, 1956 и 1967 годах создавался Ферзиковский район, действовало до 120 различных промыслов. И самую громкую славу завоевали себе грязновские замочники.

История этого промысла такова. Старинное село Грязново удалено от железных дорог на десятки километров. Жило в нем 800 человек крестьян, обращавших на земледелие мало внимания. Земли были бедные, плохо обеспечивали крестьянские семьи достатком. И молодые мужчины уходили в Тулу на заработки — слесарить.

Начало промыслу было положено крестьянином Смирновым в начале 60-х годов XIX столетия. В первое время слесарным промыслом грязновские крестьяне занимались лишь в свободное от полевых работ время.

В погоне за большими заработками — 100–150 рублей в год — они стали приходить домой из Тулы только на время покоса и уборки урожая, предоставляя ведение хозяйства женам.

Многие жители Грязнова стали постоянными жителями Тулы, а родственные связи сохранились до наших дней. Потеряв связь с землей, они приобрели качества мастеровых.

До 90 % крестьян, уходивших в Тулу на заработки, занимались изготовлением замков — амбарных, ящичных, комодных. Около 5 % — изготовлением петель на окна и двери, а остальные даже могли сделать знаменитый тульский самовар, строительные принадлежности.

Замочное производство несложно: ему обучались крестьяне в течение года, да и инструмент не требовался дорогой, сложный, на его приобретение обычно тратили от 15 до 20 рублей.

К концу 1884 года в Грязнове на дому работало около ста человек кустарей-замочников. Им был дан заказ на изготовление тысячи замков, преимущественно «легких» сортов. Отхожий промысел постепенно превратился в кустарный.

В 1902 году в кустарном промысле в Грязнове было занято до 120 человек (также и в окрестных деревнях, в т.ч. и в селе Титово). В год они изготавливали 200 тысяч замков на 20 тысяч рублей, из которых половина на восполняла затраты на материал, другая половина шла на заработок.

Покупатели не придавали большого значения качеству замков, а требовали лишь их дешевизны. За шесть лет цены на грязновские замки были снижены на 25 %. Но кустари были довольны и этим заработком, так как использовали труд всех членов семьи и зарабатывали в неделю по четыре рубля (по восемь копеек за замок).

Отхожим промыслом были заняты и титовские крестьяне — 65 % взрослого населения, но в основном в зимнее время, причем половина была занята на извозе и заготовке дров, благо большак Калуга — Тула проходил через это село, как и через Грязново.

Постепенно возникает соперничество кустарей друг с другом.

У некоторых крестьян появилась возможность получения работ на дому от чугунолитейных заводов Дугны, Ханина. Заказы эти заключались в отделке чугунных печных дверок различных образцов.

Это кустарное производство по местным условиям было очень важным для грязновских крестьян. Один только Дугнинский чугунолитейный завод имел заказ на изготовление 40 тысяч дверок на 64 тысячи рублей. Так что грязновские кустари только на отделке печных дверок могли прилично заработать.

Переход на отделку печных дверок все же оказался возможным лишь для наиболее состоятельных мастеровых, а таких в Грязнове было мало.

При желании в Грязнове можно было бы организовать кустарную артель, открыть ремесленную школу, образцовую мастерскую, кузницу.

Об этом шел разговор еще в 1895 году. Было даже принято решение: испросить у правительства ссуду сроком на десять лет в размере 3 тысяч рублей.

В 1900 году в просьбе было отказано. Некоторые считали, что ремесленная школа в Грязнове была бы обременительной для уездной казны, да и учеников бы нашлось немного. По окончании школы они вряд ли остались бы в деревне кустарями, а переселились бы в города.

Более реальным оказалось открыть в Грязнове общеобразовательную двухклассную школу с ремесленными курсами при ней, соответствующими запросам местного населения. Но и это предложение осталось лишь на бумаге.

Сегодня в состав муниципального образования «Октябрьский сельсовет» входит и село Титово.

Более двух веков тому назад к Лихвинскому уезду Калужской губернии относились деревни Грязновской и Титовской волостей: Костомарово, Босарево, Дубли, Балобново, Меншиково, Верховья, Титово, Кутьково, Плоское, Веденка, Столбова, Стояна, Грозно (Грязново), Стан на Крови, Дурасово, Ильино, Позняково, Шейкино, Широково.

Из Описания к «Атласу Калужского наместничества» видно, как в нашем крае развивалась промышленность. Например, в середине XVIII века в селе Титово действовала на речке Крушме фабрика с 70-ю станами по изготовлению шелка, парчи, золотых и серебряных глазетов, штофа, бархата. При ней же действовали прядильня и красильня.

До 1929 года крестьяне были единоличниками, в годы коллективизации были силой загнаны в колхозы, на территории Титовской и Грязновской волостей с помощью красноармейцев 247-го стрелкового полка. Так осуществлялась аграрная политика ВКП(б).

В годы хрущевского правления многие деревни были сочтены «неперспективными», стерты с лица земли.

И многие колхозники переехали на постоянное место жительства в благоустроенный поселок «Октябрьский», который ждал приезда молодого, энергичного директора, талантливого организатора. Им стал Магомед Салихович Салихов. Началась его третья «жизнь».

...На молочном комплексе совхоза «Октябрьский» к приезду нового директора беспривязно содержалось 1 200 коров, требующих обилия кормов. В секциях — по 50 коров, сильные кормились лучше, слабые

теряли в весе, снижали и без того малые надои. И с выходом на пастбище надои не выросли.

Первые трудности, которые решил преодолеть молодой директор совхоза, — ликвидировать беспривязное содержание коров, уделить внимание закладке семенников многолетних трав, улучшить использование орошаемых земель. На одном из собраний активисты обсудили все эти вопросы и утвердили меры по ускорению темпов устранения недостатков.

Выяснились и другие упущения. Основная масса кормов складировалась у молочного комплекса, а внутрихозяйственных дорог не было. Это касалось и вывоза молочной продукции.

5 ноября 1983 года состоялась XX районная партконференция, на которой выступил в прениях по отчетному докладу и Магомед Салихович, сказавший в своем выступлении:

«Наш совхоз — одно из крупных хозяйств района — более 10 тысяч гектаров сельхозугодий, в т.ч. более 6 тысяч гектаров пашни, многоотраслевое животноводство крупного рогатого скота около 4 тысяч голов, дойное стадо — 1 500 коров, из них 1 200 — на молочном комплексе.

Коллектив совхоза ведет настойчивую работу по дальнейшему наращиванию темпов производства сельскохозяйственной продукции. Снизилась себестоимость животноводческой продукции, повысилось ее качество, что значительно улучшило финансовое положение хозяйства: за 10 месяцев убыточность снизили на 300 тысяч рублей. За этими показателями стоит напряженный труд коллектива.

Трудовой стаж Марии Семеновны Скорлупкиной — 44 года, половина из них отдана животноводству, она и сейчас продолжает добросовестно трудиться. Возглавляемый ею коллектив животноводов Титовской фермы удостоен приза имени Героя Социалистического Труда П.Д. Балабаевой.

Кавалер ордена Трудовой Славы III степени Николай Николаевич Сергеев отдает много сил любимой работе хлебороба, звено, которое он возглавляет, из года в год получает самые высокие урожаи зерновых в совхозе. И в этом году члены его звена получили по 22 центнера зерна с каждого гектара озимых культур.

Мы обсудили закон о трудовых коллективах, меньше стало прогулов, сократились случаи нарушения трудовой дисциплины.

Совхоз — новое молодое хозяйство, созданное из двух хозяйств. Работники молочного комплекса живут в благоустроенном поселке.

Коллектив совхоза в основном молодежный — средний возраст не выше 30 лет.

Совхоз полностью обеспечен кадрами как специалистов, так и рабочих всех категорий. Государство вложило много средств в возведение молочного комплекса и поселка, и нам надо хорошо работать, чтобы поскорее получить отдачу в виде увеличения производства и продажи сельхозпродукции.

К сожалению, за два первых года пятилетки совхоз задолжал государству 1 665 тонн молока и 127 тонн мяса. Мы рассчитываем уже в этом году погасить значительную часть задолженности, а в будущем — полностью, к 1985 году добиться продуктивности от коровы по 3 000 килограммов молока.

В ответ на заботу районной партийной организации мы сделаем все возможное, чтобы выполнить намеченное».

Прошло немногим более года, как Магомед Салихович принял совхоз «Октябрьский», и уже в феврале — марте в числе победителей среди операторов машинного доения появляются имена операторов молочного комплекса совхоза Л.П. Быковой, Р.Е. Димаковой, М.Ф. Трифоновой. В их честь поднимается Флаг трудовой славы в областной газете «Знамя» и в районной — «Красное знамя».

Рапорирует в районной газете директор совхоза «Октябрьский» М.С. Салихов и о досрочном выполнении плана продажи сельхозпродукции в первом квартале 1984 года: «Всего один год потребовалось совхозу, чтобы ликвидировать отставание в получении прибыли от животноводства. Благоустраивается территория молочного комплекса: посажены деревья, декоративные кустарники, разбиты цветники, асфальтированы подъездные пути, дорожки».

Совсем недавно пришел к руководству совхозом Магомед Салихович Салихов, но уже успел сделать много полезного и нужного.

А главное — люди почувствовали заботу и внимание со стороны дирекции хозяйства и заметно изменили отношение к своим обязанностям.

«Когда видишь, что дела идут хорошо, ощущаешь заботу руководства, душа радуется, хочется работать еще лучше», — рассказывали мне операторы машинного доения, работающие на комплексе.

«Наши успехи — это прежде всего заслуга директора, сумевшего в короткий срок правильно наладить организацию труда, найти

подход к животноводам. Когда бы директор ни побывал на комплексе, всегда поинтересуется нашими делами, терпеливо выслушает наши просьбы».

Такое отношение к животноводам в корне изменило дело. Люди почувствовали в себе уверенность.

«Почему люди работали плохо и вдруг заработали хорошо? Секрет — в индивидуальной воспитательной работе с людьми, в том числе и со специалистами», — считает Салихов.

Директор совхоза Магомед Салихович постоянно доказывает, убеждает, на положительных примерах показывает, как надо работать, как относиться к народному добру.

«В каждом из нас, — говорил секретарь парткома совхоза, работавший главным агрономом, Алексей Павлович Самохин, — Магомед Салихович за короткий срок сумел пробудить чувство хозяина, чувство любви к людям, к земле, к животным, непримиримость к недостаткам, к браку в работе, недисциплинированности. Об этом мы говорим на совещаниях животноводов, механизаторов, на планерках, партсобраниях, заседаниях профкома и партийного комитета. Все это побудило наших рабочих внутренне перестроиться. В сущности, все сводится к очень простому: нужно работать так, чтобы каждый занимался своим делом и сполна отвечал за него, начиная от рабочего и кончая руководителем любого ранга. Если нет спроса, то нет и порядка. В этом — прямая взаимосвязь».

Быстро перестроившись, специалисты встали «в одну упряжку».

Умелыми организаторами производства стали главный зоотехник Е.М. Овсянников, начальник комплекса Г.А. Стефанов, а также звеньевые безнарядных звеньев Н.Н. Сергеев и А.А. Дяткин, которые своим личным примером увлекли остальных на получение высоких и устойчивых урожаев.

Смысл перестройки, проходившей в совхозе, — крутой поворот

Е.М. Овсянников — главный зоотехник СПК «Октябрьский»

лицом к людям, к живому делу. И в этой работе нет мелочей, начиная от улучшения условий труда и быта, отдыха и кончая маленькими «просьбами», которые раньше не принимались всерьез. Магомед Салихович за короткое время, по сути, создал новый трудовой коллектив, и постоянная забота о тружениках полей и ферм послужила основной причиной повышения производительности труда. Достаточно сказать, что в 1982 году совхоз производил на 100 га сельхозугодий всего лишь 337 ц молока и 20 ц мяса, через четыре года показатели стали совсем другие: 722 ц молока и 56 ц мяса — при тех же людях, животноводческих постройках, при том же оборудовании ферм. Повысилась урожайность всех сельхозкультур, что позволило заготовить в зимовку 1986–87 годов по 25 ц кормовых единиц на условную голову скота.

Магомед Салихович помогал и учащимся Октябрьской средней школы, в результате производственная бригада школы вышла победительницей в областном соревновании школьных бригад и была удостоена не только переходящего Красного знамени обкома ВЛКСМ, но и премирована трактором МТЗ-80 с комплектом навесного инвентаря.

В сентябре 1986 года коллектив совхоза «Октябрьский» принял Обращение к труженикам районного агропромышленного объединения, в котором земледельцев района призвали в сжатые сроки и без потерь убрать урожай, с тем чтобы обеспечить в зимовку по 25 ц кормовых единиц на условную голову скота.

А 16 сентября 1986 года в Доме культуры совхоза состоялось торжественное собрание, посвященное вручению коллективу хозяйства почетной грамоты ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за успешное проведение зимовки скота 1985/86 года, увеличение производства и закупок продуктов животноводства. Открыл собрание секретарь парткома совхоза А.П. Самохин и предоставил слово члену бюро КПСС, секретарю обкома КПСС Анатолию Ивановичу Стеликову.

С ответным словом выступил директор совхоза Магомед Салихович Салихов.

Райком КПСС одобрил Обращение тружеников совхоза по успешному завершению всех полевых работ в 1986 году.

29 августа 1986 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. Громыко и секретарь Президиума Т. Ментешашвили подписали Указ о награждении Магомеда Салиховича Салихова — директо-

ра совхоза и Марии Семеновны Скорлупкиной — бригадира орденами «Дружба народов».

Любовь Петровна Быкова была награждена орденом «Знак Почета», А.И. Жутова и Н.Н. Сергеев — орденом Трудовой Славы второй степени, Р.Е. Димакова и М.Ф. Трифонова — орденом Трудовой Славы третьей степени.

В марте 1989 года — новое событие: награждение совхоза переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Это — результат заботы директора совхоза о людях труда.

Взять, к примеру, отдаленную Кутьковскую ферму. Для молока, надоенного дояркой, установили индивидуальные емкости, доение коров — механическое, молоко поступало в емкость по трубопроводу, взвешивалось и перекачивалось в холодильник. Отпала необходимость содержать счетчиков-учетчиков, недобросовестным дояркам закрылся путь к водопроводному крану.

Четвертый раз подряд совхоз «Октябрьский» вышел победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании. Знамя вручил секретарь обкома КПСС К.В. Блинов.

На торжественном митинге, посвященном этому событию, с ответным словом выступили М.С. Салихов, Е.М. Овсянников, механизатор В.Я. Колпаков и другие, заверившие обком КПСС, что приложат все силы к тому, чтобы удержать переходящее Красное знамя Страны Советов.

В мае того же года в совхоз пришла еще одна радостная весть, на этот раз из Главного комитета ВДНХ, принявшего постановление о награждении дипломами и медалями ВДНХ СССР за успехи, достигнутые в 1988 году. Среди награжденных — Титовская молочно-товарная ферма, удостоенная Диплома второй степени и премии — переносного цветного телевизора «Юность». Бригадир фермы Мария Семеновна Скорлупкина была удостоена серебряной медали и денежной премии.

Серебряной медали и денежной премии была удостоена также оператор машинного доения совхоза Валентина Андреевна Шершнёва.

В конце мая того же года — новая радость в коллективе: бюро обкома КПСС, облисполком, облсовпроф и обком ВЛКСМ приняли постановление о занесении трудовых коллективов, районов, городов на областную Доску почета и в книгу «Летопись трудовой славы XII пятилетки» за успешное выполнение государственного плана экономи-

ческого и социального развития на 1988 год. Было решено занести на Доску почета и в книгу «Летопись трудовой славы XII пятилетки» победителя Всесоюзного соревнования — совхоз «Октябрьский» (директор — Магомед Салихович Салихов).

...Вместе с хозяйством рос и развивался поселок. Уже тесно стало и в детском садике, и в средней школе, и в магазине. И потому директора не мог не волновать вопрос об улучшении культурно-бытового обслуживания рабочих и специалистов хозяйства. Забота о подрастающем поколении — это забота о завтрашнем дне совхоза. Каким оно будет — это во многом зависит от старшего поколения. Ведь это им, молодым, решать более сложные и ответственные задачи.

Вскоре совхоз снова признан победителем Всесоюзного соревнования в честь 70-летия Великого Октября, награжден почетной грамотой ЦК КПСС, Совета Министров, ВЦСПС и ЦК ВАКСМ. Эта награда ко многому обязывала. И коллектив был полон решимости закрепить достигнутое, идти дальше по пути увеличения производства и продажи государству продукции сельского хозяйства.

В ноябре 1987 года на Выставке областного агропромышленного комплекса состоялся семинар, на который были приглашены секретари райкомов партии, журналисты и многие другие. Экскурсоводы детально рассказывали об успехах сельскохозяйственного производства, а затем состоялся обмен мнениями.

Когда речь зашла об экспонатах передовых колхозов и совхозов области, внимание привлекла экспозиция совхоза «Октябрьский». Снопки пшеницы, ячменя, овса, других сельскохозяйственных культур, аккуратно увязанные умелыми руками, — символ хорошего урожая, выращенного в совхозе. Урожайность на круг — 32,2 ц с гектара. С фотографий на гостей выставки смотрели передовики совхозного производства, среди них был звеньевой Александр Сергеев. А.Н. Сергеев и его товарищи вырастили урожай озимой пшеницы «заря» и ячменя сорта «носовский», которые дали по 39,4 и 49,6 ц с гектара. В звене М. Ламина озимая пшеница «ахтырчанка» дала по 42,3 ц, овес «мирный» — по 33,9 ц с гектара.

Представлена на выставке была и продукция третьего звена — Н. Ключева, урожай картофеля составил 200 ц с гектара, что на 45 ц больше общесовхозного.

Поразила гостей выставки и кормовая свекла, на ряде участков ее урожай составил 345 ц с гектара.

Было чем гордиться и животноводам. В экспозиции им был посвящен целый раздел. Шеренгу передовиков возглавлял известный на всю область оператор комплекса Владимир Лукин, рядом — другие передовые операторы, которыми гордился совхоз. Об успехах операторов на семинаре рассказала Ирина Терешкина — экскурсовод на время работы выставки.

В ноябре 1987 года Н.Н. Семина — председатель райкома профсоюза работников агропромышленного комплекса — на базе совхоза «Октябрьский» провела «Клуб четырехтысячников». Открывая заседание клуба, М.С. Салихов сказал:

«Сегодня мы проводим второе заседание клуба, и эту традицию надо продолжить, чтобы не затухал огонек соревнования, не затихала борьба за “большое” молоко. Я приехал в район в 1974 году, когда мало было еще и трехтысячников. Но уже в 1975 году в совхозе “Бебелево” появилась первая четырехтысячница — М.Д. Мацокина. Через несколько лет в этом хозяйстве стало уже шесть четырехтысячниц.

В 1982 году в совхозе “Авчурино” из 25 доярок 20 надоили свыше 3 000 кг молока от коровы.

Сегодня в нашем совхозе есть четырехтысячники. Ставим задачу, чтобы на комплексе все операторы надаивали свыше 4 000 кг молока, уже в этом году 15 из 20 взяли этот рубеж.

...В сентябре 1991 года автор этих строк писал в районной газете: «Среди 300 колхозов и совхозов области, сотрясаемых ветрами перестройки, ветрами переходного периода, перехода к рыночным отношениям, островком благополучия выисется совхоз “Октябрьский”. Трудно поверить, но с тех пор, как хозяйство возглавил М.С. Салихов, зоотехник по образованию, животноводы из года в год наращивают темпы увеличения производства и продажи государству молока и мяса. И даже в этом году, когда многие хозяйства “заминусовали”, в “Октябрьском” — ежедневная прибавка молока.

А начал свою работу в совхозе Магомед Салихович с... прачечной, с бытовки, поставив в прачечной поселка несколько бытовых стиральных машин, сейчас там действуют машины промышленного типа.

Теперь на комплексе есть и сауна, и буфет, и комната психологической разгрузки. В буфете для животноводов — чай, сахар, конфеты, булочки. И все бесплатно.

5 июня 1992 года на ферзиковской земле проходил Всероссийский семинар во главе с заместителем министра Российской Федерации

В.М. Бельченко. Калужскую делегацию возглавляли глава администрации области А.В. Дерягин и его заместитель В.С. Пахно.

Участники семинара посетили зерносушильный комплекс, зерноток и животноводческий лагерь в производственном кооперативе «Октябрьский». О развитии животноводства в «Октябрьском» рассказывал участникам семинара М.С. Салихов:

«У нас 1 500 коров, которые в летнее время содержатся в лагерях по 125—135 коров в каждом. В лагере — доильная установка, молокопровод, автопоилки, горячая и холодная вода. Обязанности доярки — подоить коров и раздать комбикорм. Вот уже в течение десяти лет в летнее время коровам не даем никакой зеленой подкормки, содержанием все лето на пастбище».

Магомед Салихович коротко рассказал об истории совхоза и упомянул, как «в первые годы работы комплекса коровы находились на беспривязном содержании, кормили их привозными кормами. В результате за лето все корма поедались, на зиму ничего не оставалось. Приходилось ездить по соседним хозяйствам с протянутой рукой. Комплектовали гурты по 250 коров. Сейчас у нас 14 стад, каждое обслуживают два пастуха. Ежедневно скармливаем пастбища на 0,25—0,35 га и отгоняем стадо на водопой к речке. То же и во второй половине дня. Изменили и распорядок дня. Если раньше было трехразовое доение коров, то последние десять лет доим коров два раза в день. Зимой первая дойка с 8 часов утра, вторая — с 19 часов, летом первая — с 10 часов, вторая — с 21 часа. Сейчас надой на корову по комплексу — 18 кг, по другим фермам — по 16,5 кг. В день коровы делают не более полкилометра. Лагеря устроены в наиболее удобных местах, где есть пастбища и водопой.

Большое внимание обращаем на искусственное осеменение животных. Подобраны добросовестные люди, от их труда зависит очень многое: производство молока, мяса, рост поголовья. У нас на сто коров — 105 телят. За каждым лагерем закреплена автомашина. На молочном комплексе молоко охлаждается и отправляется централизованно на Калужский молокозавод. Все лагеря телефонизированы. Молоко продаем государству по пять рублей. Дояркам, пастухам, осеменаторам, механизаторам и шоферам, занятым на работе в животноводстве, на обслуживании ферм, платим от выхода продукции — 14 рублей за центнер молока.

Кормовая база хорошая, ежегодно мы заготавливаем по 5 тысяч тонн сена, около 17 тысяч тонн сенажа, немного силоса из кукурузы, сенаж — из клевера и тимopheевки. Комбинированную смесь готовим из гороха, овса и ячменя. Ежегодно переходящими остаются 1 000 тонн сена, 500—600 тонн сенажа. Зимой сено даем ежедневно, по 7 кг на корову».

Завели разговор о приватизации. В.С. Пахно ответил:

«Побольше бы нам таких Салиховых, и вопрос о приватизации вообще не стоял бы. Изюминка в том, что в “Октябрьском” — 35 ц молока на корову, превосходные корма, 70 % молока производится на пастбищах. Таких хозяйств в России вряд ли сыщешь более 50, остальные продолжают косить, возить, сено согревается, портится, себестоимость молока растет. Расценки и на зернотоке, и на фермах рассчитаны по всем категориям работников».

Итог встрече подвел заместитель министра сельского хозяйства России В.М. Бельченко: «В совхозе внедренная в жизнь научная организация труда. Сегодня мы имеем надой на корову по России 2 300 кг молока. Таким был надой и в совхозе “Октябрьский” десять лет тому назад. За эти годы он возрос в два раза. Здесь налицо порядок, высокая организация труда, высокая дисциплина, образцовый порядок в использовании земли, пастбищ, техники».

Страна живет тогда, когда хорошо живет крестьянин, а крестьянин живет хорошо тогда, когда у него накормлена корова.

Увеличение производства молока в пастбищный период — результат внедрения разумной системы, ведущей к росту культурного молочного животноводства».

Участники семинара посетили машинный двор, где Магомед Салихович рассказал о практике заготовки кормов:

«В совхозе два кормозаготовительных отряда, труд которых организован так, что в день они могут заготовить 300 тонн сенажа. Работают механизаторы на трех немецких косилках, шести пресс-подборщиках».

На линейке готовности комбайны, нагрузка на каждый из них — 120 гектаров. Ремонт произведен своими силами».

Посетили участники семинара и молочный комплекс. Рассказывая о нем, Магомед Салихович сказал:

«Проектная мощность комплекса — 1 200 коров, выращивание теллят проектом не предусматривалось. В 1985 году на этой же площади

мы построили помещения на 2 000 телят, хозяйственным способом построены помещения на 4 000 голов крупного рогатого скота. Здесь же, на территории комплекса, разместили и свиноводник, получаем по 20—24 поросенка от свиноматки, в прошлом году для личных подворий рабочих и специалистов совхоза, населению продали 1 300 поросят.

Построили поселок, комплекс, все заасфальтировали в начале 80-х годов, а продукции не было, по 1 200 кг молока от коровы получали за год по комплексу. К 1983 году комплекс был доведен “до ручки”. Перевели коров на привязное содержание, навели порядок с оплатой труда.

В прошлом году по комплексу было получено по 4 600 килограммов молока от каждой коровы, механизировали все работы, транспортировка молока — по молокопроводу».

Побывали гости и в комнате психологической разгрузки, где работал цветной телевизор, в бассейне плескались рыбки.

Гости задавали многочисленные вопросы, получали исчерпывающие ответы и остались очень довольны всем увиденным и услышанным в «Октябрьском».

...Идут и идут люди к Магомеду Салиховичу со своими проблемами, со своими просьбами, и не было случая, чтобы он кому-нибудь отказал в помощи.

...В трудные годы перестройки совхоз (СПК) не снизил показателей ни по одному виду, не снизил производство, а наоборот, продолжает наращивать темпы. Здесь ежегодно заготавливают достаточное количество кормов, и не только для общественного животноводства, но и для личных подворий рабочих и специалистов.

...В трудные годы перестройки сельхозкооператив не только не сократил строительство производственных мощностей и жилья усадебного типа, но и продолжал наращивать темпы. Была мечта у Магомеда Салиховича переселить всех работников сельхозкооператива в дома усадебного типа со всеми удобствами.

В этом году в дома жителей поселка «Октябрьский» пришел природный газ. Как депутат законодательного собрания Калужской области, Магомед Салихович решил помочь в подведении газа в совхозы «Богданинский», «Виньковский», в поселок Дугна, на центральную усадьбу СПК «Кольцово», «Сашкинский», «Авчурино», благо у него в этом есть определенный опыт. Это при его участии газифицированы СПК «Октябрьский» и деревня Коптевка Грабцевской сельской администрации.

...Прибыль в СПК «Октябрьский» в 1991 году составила 1 млрд 600 млн рублей, и вся она пошла на строительство благоустроенного жилья, животноводческих помещений.

5 мая 1989 года в Калуге состоялся зональный семинар-совещание, на котором обсуждался вопрос ускорения социального переустройства села. В работе семинара-совещания принял участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР А.В. Власов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.И. МIRONENKO, министры, президент ВАСХНИЛ А.А. Никонов, секретари обкомов партии, председатели Советов министров автономных республик, председатели облисполкомов, агропромышленных комитетов, облпотребсоюзов, обкомов профсоюзов АПК, секретари обкомов ВЛКСМ Нечерноземной зоны РСФСР.

В этот же день участники семинара-совещания побывали в совхозе «Октябрьский», где ознакомились с опытом работы по социальному переустройству села, наращиванию производства сельскохозяйственной продукции.

Гости побывали на молочном комплексе, в мастерских, на зернотоке, в Доме культуры. Семинар-совещание продолжил свою работу и на другой день.

Едут в «Октябрьский» за опытом со всей России.

В чем же секрет успеха Магомеда Салиховича? В знании психологии человека, будь то специалист или животновод, механизатор.

Недаром говорится: как аукнется, так и откликнется.

«С тех пор, как к нам пришел Магомед Салихович, — рассказывал мне Егор Митрофанович Овсянников — главный зоотехник хозяйства, — работать стало интереснее. Каждый день решаем все новые и новые задачи, и быстрая их реализация вселяет в нас уверенность в успехе, придает новые силы. Магомед Салихович готов сам работать без сна и отдыха сутки напролет, и нас за собой увлекает».

Главное, конечно же, в заботе о людях, а не заботу и специалисты, и рабочие отвечают сторицей, ударным трудом.

...В центре поселка «Октябрьский» высится монументальное здание из стекла и бетона — Дом культуры — с просторным вестибюлем, зрительным и танцевальным залами, библиотекой, комнатами для кружковой работы.

Земледельцы и животноводы совхоза за годы перестройки не снизили темпов роста производства животноводческой продукции и продажи ее государству, не сократили ни строительство, ни посевные площади, не снизили интереса к участию в художественной самодеятельности, к посещению своего сельского Дома культуры, которым вот уже несколько лет руководит специалист с высшим образованием Галина Сергеевна Банникова.

В нелегком труде организатора культурной жизни в поселке ей активно помогают художественный руководитель Ольга Смыченко, режиссер народного театра Елена Устинова и заведующая постановочной частью народного театра Галина Кирюхина.

Этот славный трудовой коллектив выезжал с концертами в совхозы «Виньковский», «Бебелево» и другие.

Отзывы о концертах самые теплые, самые благожелательные. В программе концерта — русские народные песни, танцы, интермедии (отрывки из поставленных ранее спектаклей). Выезжали с концертом 46 человек, в том числе и члены вокально-инструментального ансамбля, выступающие с обновленной программой.

Проводятся в Октябрьском Доме культуры вечера отдыха, дискотеки — играет ВИА.

Весной, несмотря на полевые работы, идут самодеятельные артисты на репетиции спектакля по рассказам В. Шукшина «До третьих петухов».

Интересно проходят в Доме культуры и новогодние представления.

Весело живут в поселке «Октябрьский» и молодые рабочие, и старшеклассники Октябрьской средней школы, они довольны своим Домом культуры, проводимыми массовыми мероприятиями, участием в кружковой работе.

Большое внимание уделяют Галина Сергеевна и ее актив преемственности поколений. Поселок большой, молодежи человек 400–500. И актив Дома культуры организует для нее отдых дифференцированно: для рабочих — вечера отдыха, для старшеклассников — дискотеки.

Есть при Доме культуры и две танцевальные группы — младшая и старшая, танцевальный коллектив. В группах школьников воспитываются будущие самодеятельные артисты. В результате в самодеятельности участвуют и взрослые, и дети, даже целые семьи.

Галина Сергеевна и ее единомышленники отбирают в самодеятельность способных юношей и девушек из группы старшеклассников. Так

же отбираются артисты и в народный театр, и в танцевальный коллектив. Концерты платные, цены билетов низкие.

Галина Сергеевна уверена: в культуру, чтобы идти вперед, надо вкладывать деньги. В концертах участвуют до 30 человек, микрофоны, аппаратура портятся, ломаются. Участники фольклорного ансамбля должны иметь фольклорные костюмы.

Помогает Дому культуры Магомед Салихович и с ремонтом здания, и с отоплением, и с освещением.

Жители поселка активны и с большим удовольствием выступают в концертах художественной самодеятельности. С энтузиазмом выступают молодые и пожилые люди А. Зайцева, Т. Карпухина, Т. Чернова и другие. А В. Морозова не только сама активно участвует в художественной самодеятельности, но и детей своих привлекает.

Участвуют в самодеятельности и молодые учителя М. Тимофеева, Е. Балясова, А. Колпакова, комендант поселка Е. Бочарова.

В ансамбле — из молодых Витя Евсеев, Дима Родионов, Оля Бабуннова, Максим Чернов, солисты Наташа Костылева, Наташа Нефедова, Камо Асарьян (животновод), прекрасно исполняющие современные эстрадные песни.

Интересно и весело проводит время и поселковая детвора в детском садике совхоза. В яслях-саде три группы по 28 человек и одна — из 26. Ребята старших групп ходят на экскурсии в поле, вместе с воспитателями посещают библиотеку, знакомятся с работой магазина, почты и, конечно же, бывают там, где трудятся их родители.

Особенно любят дети музыкальные занятия, которые проводит с ними А.С. Ерхова. Довольны родители: их дети не только находятся под постоянным присмотром, но и развиваются интеллектуально, эстетически, нравственно, физически.

В том, что ясли-сад обеспечены всем необходимым, отличным питанием, — заслуга М.С. Салихова и его помощников.

Дирекция СПК «Октябрьский», заботясь о собственных кадрах, не жалеет средств на обучение молодежи в сельскохозяйственных вузах и техникумах страны. В Калужском и Детчинском совхозах-техникумах учились Оля Овсянникова и Наташа Лаврухина, Нина Байкова обучалась в Костромском сельхозинституте.

27 марта 1994 года проходили выборы в законодательное собрание Калужской области. Во время предвыборной кампании была вы-

двинута кандидатура М.С. Салихова. Магомеда Салиховича избрали единогласно.

И свою депутатскую деятельность он начал с газификации поселка Октябрьский.

2 апреля 1996 года котельная СПК «Октябрьский» перешла на новый режим работы: вместо жидкого топлива стал использоваться природный газ, что позволило повысить температуру в помещениях до 20 °С и выше.

Забота о газификации поселка здесь началась в 1994 году, за это время был выполнен большой объем работ, приобретено оборудование для котельной. Все шло непросто, лишь благодаря целеустремленности и настойчивости Магомеда Салиховича задуманное было осуществлено.

Много труда вложил в практическое осуществление «газовой проблемы» заместитель директора по строительству Г.В. Сорокин. Котельная отапливает административное здание, мастерские, школу, детсад, жилые дома, в коттеджах установлены АОГВ для индивидуального отопления.

Обслуживают котельную четыре оператора и слесарь. Следит за работой всей системы отопления инженер-теплотехник Ю.А. Яковлев, помогают ему П.С. Минаков — ответственный за газовое хозяйство и бригада сантехников.

«Главное, чтобы людям было хорошо, — говорит М.С. Салихов, — чтоб никто не боялся зимних холодов, в квартирах была бы горячая вода. Ведь люди, чьими руками производится сельхозпродукция, самое ценное, что имеет сельхозкооператив».

В октябре 1997 года вся мировая общественность торжественно отмечала 200-летие со времени рождения имама Шамиля, делегация дагестанцев побывала в Калуге, в доме, где пленный вождь кавказских народов провел девять долгих лет.

А 31 октября в концертном зале областной филармонии состоялось торжественное собрание, посвященное этой знаменательной дате.

Активисты дагестанской диаспоры Калуги и области были награждены памятными медалями в честь 200-летия имама Шамиля. Среди награжденных — М.С. Салихов (председатель СПК «Октябрьский»), Г.Ш. Гаджиев (президент строительной корпорации «Монолит») и др. Со словами приветствий на собрании выступили представители Калуги, Дагестана.

Руководители дагестанской делегации подарили Калужскому государственному объединенному краеведческому музею бурку, папаху

и шашку. Для калужан и гостей города был дан большой праздничный концерт, поставленный силами ансамбля песни и пляски Республики Дагестан «Лезгинка».

Участникам торжеств были подарены буклеты «Шамиль в Калуге».

Указом Президента России Б.Н. Ельцина от 27 января 1998 года «За заслуги перед государством и многолетний труд» Магомед Салихович Салихов был награжден орденом Почета. Орден был вручен в торжественной обстановке в большом зале законодательного собрания в Калуге губернатором области В.В. Сударенковым.

В августе 1998 года я писал в районной газете «Ферзиковские вести»: *«Около года мне не довелось побывать в этом прославленном на всю страну хозяйстве, и теперь меня здесь радовало все, начиная от ухоженной аллеи деревьев вдоль дороги, ведущей от автотрассы к поселку, до блеска глаз и улыбок доярок, рассказывающих с гордостью о своей работе, своей жизни и своем руководителе М.С. Салихове.*

И я благодарил судьбу за то, что мне посчастливилось бывать в этом хозяйстве, словно оазисе в пустыне разрушающихся вокруг колхозов и совхозов».

Я опубликовал свои впечатления в фоторепортаже с подзаголовками: «Цветы у доильных площадок», «В бригаде одни асы», «Улыбки на лицах».

...А это уже информация из XXI века.

Лет пять назад Магомед Салихович предложил всем желающим сдать своих коров на молочный комплекс или выбрать самую лучшую у любой доярки в обмен на сданную, свою же сдать на мясокомбинат, дабы не тратить время на уход. Первыми согласились доярки.

Удивляются приезжие: корову частника доит доярка, приемщица замеряет удой и сливает в общий бак, который попадает в холодильные камеры, где хозяйка может забрать свое молоко или продать сельскохозяйственному кооперативу по довольно приличной цене. И корма, и уход, и ветеринарный надзор кооператив взял на себя. И все же около 200 коров осталось на дворах селян.

В начале XXI века Магомед Салихович заключил договор с фирмой с мировым именем «Де Лаваль» на реконструкцию молочного комплекса. Специалист фирмы Сергей Киселев рассказывает:

«На комплексе уже действовали три холодильные установки (танк) по 6 т молока каждая, на каждом танке — компьютер. Мо-

локо поступает сюда и охлаждается до 4 °С: при такой температуре прекращаются все биологические процессы. В результате молоко принимается на заводах первым сортом.

Летом 2003 года на дворах комплекса шел монтаж нового оборудования. На каждом дворе монтируется по два независимых ряда линейной дойки, что полностью исключит ручное доение, обработку вымени и пр. Двойной вакуум, автоматическое отключение доильных агрегатов — все это позволит сельхозкооперативу уже в ближайшее время получать от каждой коровы по 8—12 т молока в год.

Второе направление реконструкции молочного комплекса — переход на новую технологию кормов и оснащение комплекса соответствующим оборудованием.

По состоянию на 1 октября 2003 года, уже сказался эффект реконструкции: прибавка в надоях молока на корову — по 4 кг в день.

На комплексе — шестичасовой рабочий день, комплекс работает стабильно, молоко рентабельно, люди зарплатой довольны».

Магомед Салихович говорит:

«Все это было построено в конце 70-х и давно устарело. Деньги вкладываем в реконструкцию комплекса потому, что надо облегчать труд животновода, создавать новые рабочие места: подрастает молодежь, люди просят на работу в кооператив».

Вся первая страница районной газеты «Ферзиковские вести» от 8 мая 1997 года (№ 36-37; 6463-6464) была посвящена поздравлениям Магомеда Салиховича с юбилеем. Здесь же — и портрет М.С. Салихова. Вот некоторые из поздравлений.

«Уважаемый Магомед Салихович!

Районное Собрание, Управа района, управление сельского хозяйства и продовольствия, редакция районной газеты “Ферзиковские вести” горячо и сердечно поздравляют Вас с 60-летием со дня рождения! Мы знаем Вас как опытного организатора, человека неутомимой энергии, чуткого и отзывчивого товарища к нуждам людей. Работая около 30 лет в сельскохозяйственном производстве района, а с 1979 года и по настоящее время на руководящей должности, Вы всегда проявляли и проявляете высокую ответственность и творческий подход к делу.

В день Вашего юбилея желаем Вам, дорогой Магомед Салихович, крепкого здоровья, семейного благополучия и творческих успехов на благо России».

«Администрация Октябрьского сельсовета сердечно поздравляет Магомеда Салиховича Салихова с 60-летием и желает дальнейших производственных успехов, крепкого здоровья, счастья и благополучия на долгие годы».

«Правление и весь коллектив СПК “Октябрьский” сердечно поздравляют Вас, уважаемый Магомед Салихович, с 60-летием.

Желаем Вам, Магомед Салихович, большого счастья и успехов в Вашей многообразной работе на посту руководителя кооператива. Сегодня мы надеемся, уважаемый Магомед Салихович, что Вы еще многие годы будете находиться у руля нашего славного трудового коллектива и еще многое сделаете для процветания нашего хозяйства».

24 февраля 1999 года коллектив СПК «Октябрьский» на отчетно-выборном собрании избрал Магомеда Салиховича почетным руководителем сельхозкооператива до конца жизни. И когда он с присущей ему скромностью запротестовал, то сообщество людей, созданное им за 16 лет непрерывного труда, будто сговорилось: быть Магомеду Салиховичу руководителем коллектива до конца своих дней. Быть посему!

И он сдался. Это была высшая оценка его деятельности, его жизни.

Что может быть выше доверия людей!?

Авторитет Магомеда Салиховича в районе и области настолько высок, что его три раза подряд избирали депутатом законодательного собрания Калужской области.

И свои депутатские обязанности Магомед Салихович исполняет также добросовестно, как и производственные.

Его девиз: «Я делал, делаю и буду делать людям добро, покуда хватит моих сил, и не отступаю от своих принципов ни на шаг!»

Три созыва подряд исполнение депутатских обязанностей в законодательном собрании области — ярчайшее тому подтверждение.

Об авторе

Александр Викторович Кандидов родился в 1930 году в селе Дубовое Раненбургского района Рязанской области (ныне Чаплынинский район Липецкой области). В 1934 году семья переехала в город Калугу и поселилась в доме № 12 по улице Проломной (в районе лесозавода).

Детство будущего писателя-краеведа проходило в небольшой деревушке на берегу Калужско-Алексинского каньона Каравайки бывшего Ново-Селивановского сельсовета Калужского района (ныне Кольцовская сельская администрация Ферзиковского района), начальное образование автор получил в Каравайинской начальной школе у своих родителей, продолжил в Наволоках, бывшей «вахтеровской» школе, затем в Калужском педагогическом училище (1945–1948 годы), в Калужском и Тульском пединститутах, Ленинградской двухгодичной высшей партийной школе.

Работал учителем, инспектором школ Тарусского района, директором школы, инструктором райкома КПСС в Тарусе и Ферзикове, и 30 лет своей жизни отдал ферзиковским районным газетам «Красное знамя», «Ферзиковские вести» (с 1969 по 1999 год был заместителем редактора, корреспондентом-организатором районного радиовещания, редактором районной газеты). И вот уже пять лет — на заслуженном отдыхе. Все эти годы он активно сотрудничал с редакциями калужских газет «Знамя», «Молодой ленинец», «Вести», «Калужские губернские ведомости», с ГТРК «Калуга». Калужанам наверняка запомнились его статьи и очерки о ферзиковчанах, проблемах Дугны, радиодень «Спас-Деменский район», телепередачи с его участием «Губерния», «Дом с мезонином», «Время собирать камни» и др.

30 лет А.В. Кандидов занимается краеведением, за эти годы с его участием выпущены сборники «Туристскими тропами Калужской области», «Знамя и Слово», «Калужская застава», «Книга Памяти» (I том), «Калужане — Герои Советского Союза», краеведческая энциклопедия «Таруса. Поленово», участвует он и в готовящемся издании трехтомника «Летопись жихни и творчества А.П. Чехова», в «Калужской энциклопедии» и др.

Александр Викторович — действительный член Географического общества Российской академии наук, член Союза журналистов РФ, член Союза литераторов России, автор четырех книг: «А.П. Чехов в Богимове», «Дважды Герой», «Искушения святого Антония, или Женщины в жизни А.П. Чехова», «Река времен, или Слово о Калужско-Алексинском каньоне».

И вот на суд читателей выносится очередная его книга «Река времен, или Слово о достославных россиянах», рассказывающая о гостях Ферзиковского района А.Н. Вороникине и П.А. Строганове, А.И. Алдан-Семенове — российском писателе и поэте, «солнечных» художниках Колесниковых, прообразе (прототипе) графини в «Пиковой даме» А.С. Пушкина Н.П. Голицыной, а также о знаменитых земляках — уроженцах бывших Тарусского и Калужского уездов (ныне Ферзиковский район): «красном казначее» Е.Л. Афонине, духовнике царской семьи И.Л. Янышгеве, крестьянском академике живописи А.Е. Карнееве, друзьях С.А. Есенина Г.Д. Деве-Хомяковском, Е.П. Кормилицыне, директоре совхоза «Октябрьский» М.С. Салихове и других, в том числе и об участниках становления Советской власти, Гражданской и Великой Отечественной войн.

С 1985 года А.В. Кандидов принимал участие в международных Чеховских конгрессах, научно-практических конференциях и Чеховских чтениях в Ялте и Таганроге, Сумах и Южно-Сахалинске, а также в Калуге и Козельске, Обнинске, Кирове и Алексине.

А.В. Кандидов

Им подготовлена к изданию рукопись «Флота служители, или Тайна лейтенанта Василия Прончищева» — о Прончищеве и Челюскине.

Заветная мечта автора — создать в селе Богимове мемориальные комплексы «Чехов в Богимове» и «Василий Прончищев — уроженец села Богимово», закольцевать автодорогу «Село Ферзиково — станция Ферзиково — Богимово — Сашкино» с выходом на автотрассу «Калуга — Таруса», создать водный туристский маршрут «Калужско-Алексинский каньон», автобусные туристские маршруты «Калуга — Грабцево — Красный городок — Авчурино — Кольцово — Богимово — Таруса», «Калуга — Дугна — Любутское».

Задач поставлено много, несмотря на возраст, но А.В. Кандидов полон сил и энергии. У него хорошая дружная семья, есть дети, внуки, правнуки.

15 сентября 2003 года Президент России В.В. Путин подписал Указ о присвоении А.В. Кандидову почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Содержание

Предисловие	4
Генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский	7
«Первый куратор» Московского университета граф И.И. Шувалов	9
Сенатор, генерал-аншеф П.Д. Еропкин и его село Грабцево	12
Голицынская Городня: прошлое и настоящее	19
Академик из крестьян А.Е. Карнеев (Корнеев)	51
Духовник царской семьи И.А. Янышев	56
Владимир Вознесенский	62
Владимир Маяковский в Калуге	66
«Красный казначей» Е.А. Афонин	69
Есенин и калужане (Г.Д. Деев-Хомяковский)	95
Революционер Владимир Красноцветов	100
«Его слова зажигали...» (Алексей Самсонов)	104
Заместитель главкома Сибири И.М. Царицын	122
Комиссар Вера (В.А. Ульяновская)	126
Революционный оратор Алексей Дюдин	130
Активный пропагандист Дмитрий Корпунков	133
М.И. Калинин в Бебелеве	137
Пострадавший за идею (П.А. Шорников)	143
Командир-комиссар Мурманского порта П.А. Щетинин	147
Контр-адмирал Николай Бачков	150
Штурман субмарины «С-7» М.Т. Хрусталеv	156
Четарж Антон Аберт в корпусе Л. Свободы	182
Участник польского Сопротивления М.И. Лясников	186
Поэт-фронтовик Н.Ф. Полуниn	189
«Памяти собственной данник...» (поэт и прозаик А.И. Алдан-Семенов)	193
Первый космонавт мира в Ферзикове	213
Автор «Кольцовского чуда» (художник А.И. Колесников)	217
Три «жизни» Магомеда Салихова	224
Об авторе	260

Александр Викторович Кандидов

**РЕКА ВРЕМЕН,
или Слово
о достославных
россиянах**

Литературный редактор: *В.М. Гришина*

Компьютерная верстка, дизайн обложки: *П.В. Новиков*

Лицензия ИД 06130 от 26.10.01
выдана Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 07.10.2004. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Лазурский». Объем 16,5 п.л. Тираж 250 экз. Заказ № 452

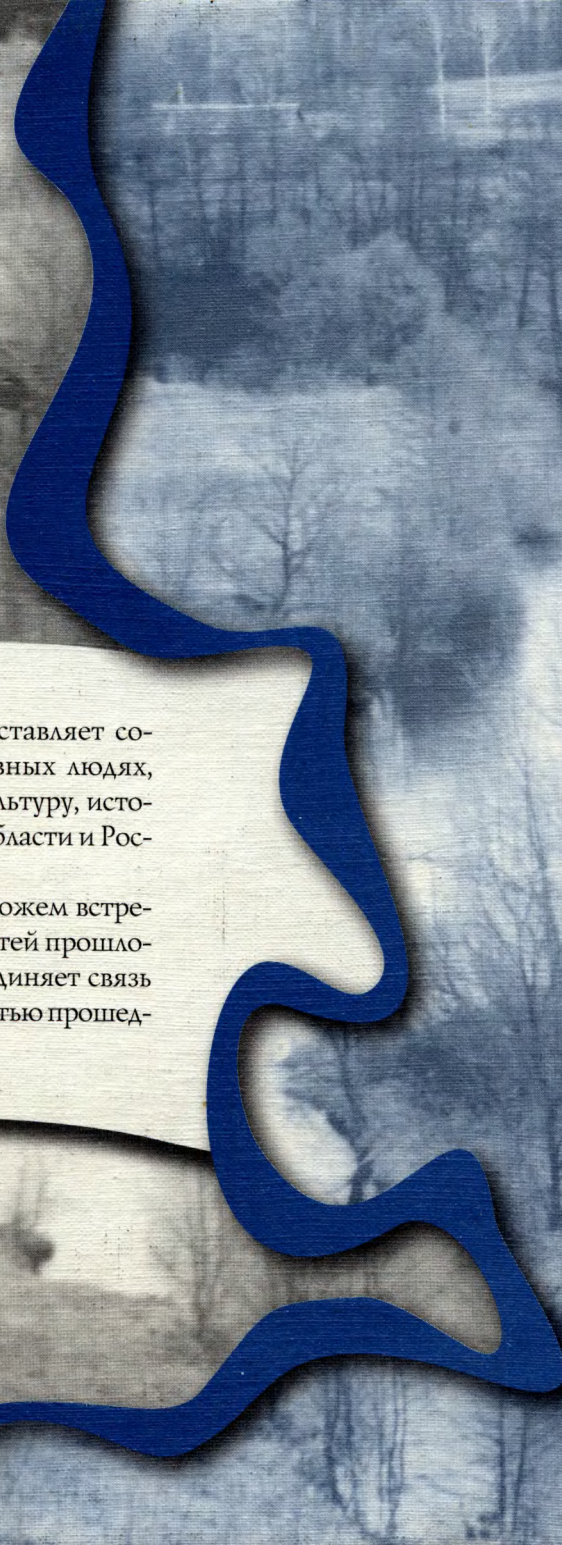
Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой
248000, г. Калуга, ул. Королева, 49-24,
тел.: (0842) 547-107, 547-347

Отпечатано в ИПП «Гриф и К».
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-А

ISBN 5-89552-114-2

9 785895 152114 4

Настоящее издание представляет собой собрание очерков о славных людях, внесших заметный вклад в культуру, историю, экономику Калужской области и России в целом.

На страницах книги мы можем встретить разных именитых личностей прошлого и настоящего. Всех их объединяет связь с калужской землей, тонкой нитью прошедшей по их жизненной судьбе.